Ночи Иерусалима

Во мгле холмов, у древних плит,
Сквозь плотный мрак и горький дым
Сиял Господен дивный лик,
Блистал святой Иерусалим...

Уильям Блейк, "Мильтон"[1]

[1]Вступительная поэма к «Потерянному раю» Джона Мильтона. Здесь использован перевод Л.Подистовой

Замечание

Книга **«Ночи Иерусалима»** затрагивает вопросы веры и историчности и может нанести кому-либо оскорбление. Город Иерусалим неоднократно становился местом наиболее священных событий в духовной истории человечества, и эта попытка согласовать религию, историческую точность и требования игровой механики подразумевает, что результат понравится не всем. Эта история была написана и разработана со всем должным уважением к иудаизму, христианству и исламу в надежде получить в итоге книгу, которая была бы интересна, информативна и почтительна ко всем затронутым проблемам. Если вопросы веры и религии, рассматриваемые в контексте игровой системы **«Вампир: Темные века»**, не являются вашей излюбленной темой для беседы за чашечкой чая, автор и разработчик настоятельно рекомендуют вам пройти мимо этой книги, чтобы в ином случае не чувствовать себя оскорбленным.

Предисловие.
Последствия

В земле Ханаанской, называемой также землей сынов Израилевых, весной года тысяча сто девяносто седьмого по христианскому летосчислению, мусульмане возносили свои молитвы открыто, но ощущали при том беспокойство. Для иудеев, которые весной празднуют Песах, это был год четыре тысячи девятьсот пятьдесят седьмой. Они также молились, хоть и тайно, но испытывая не меньшую нервозность. Семьи тех и других перенесли несправедливость и жестокость трех крестовых походов и сумели уцелеть. Все до единого местные жители, и мужчины и женщины, знали, что мир пришел в регион весьма ненадолго, и четвертый крестовый поход последует за третьим – это так же верно, как и то, что верблюды, пересекающие пустыню, несут в своих горбах запас воды.

Три первых нашествия крестоносцев были опустошительными. Мусульман казнили целыми семьями; против иудеев выдвигались ложные обвинения в участии в кровавых обрядах, описание которых было бы чересчур ужасным, и они, отказываясь перейти в христианство и отречься от *ха-рахамим*, своего Милостивого Отца, клали свои жизни на алтарь очищения Его имени.

Крестовые походы лишили отцов счастья видеть, как подрастают их сыновья; к тому же в обоих сообществах не осталось юношей, чтобы брать в жены девушек и выполнять завет Господа и Аллаха – плодиться и размножаться.

В такую годину и стали друзьями Мейер бен Иосиф и Хамид аль-Файзир, каждый из которых был вождем своих единоверцев, и каждый знал, что оба народа нуждаются в защите от подступающего зла.

– Если нас уничтожат, тем немногим, кто выживет, будет все равно, какого Бога мы почитали, – говорил Мейер.

Хамид с ним соглашался.

В первую ночь Песаха Хамид, во имя все того же духа единения, согласился присутствовать на религиозной трапезе, которую его новый друг Мейер называл «Седер».

– Так, – сказал Хамид своим людям, – я стану свидетелем их обычаев. Если они не пьют кровь христианских младенцев, как рассказывают, то мы сможем вместе с ними защищать свой город, когда придут воины.

Так и случилось, что Хамид со своей семьей в первую ночь Песаха присоединились к Мейеру, его жене Розе и их единственному выжившему ребенку, дочери, имя которой

было Девора. Откинувшись на спинки кресел, они с уважением внимали рассказу Мейера о странствии его народа по пустыне в поисках Земли Обетованной, и наслаждались мелодичными песнями, и почтительно склоняли головы при чтении молитв.

– Разлей оставшееся вино, Мейер, – сказала наконец Роза. – Я чувствую, что наши гости проголодались.

Мейер налил понемногу молитвенного вина каждому присутствующему, хотя и знал, что гости-мусульмане вина не пьют. Он почти что уже вытряс последнее вино из графина в большую чашу, поставленную отдельно от остальных, для пророка Илии[2], когда в дверь постучали. Рука Мейера дрогнула от удивления, и несколько капель упали мимо кубка на скатерть, собственноручно вытканную его женой. Мейер скривился. Пятый кубок вина, который наливали каждый год – пустое место за столом – было традицией, и семья следовала ей всегда. Но чтобы незнакомец точно угадал момент Седера, в который наполнялся этот кубок – это было почти что чудом.

– Всему свое время – произнес он, про себя подумав: *«У пророка хорошее чутье»*. А вслух добавил: – Иди, Девора, открой гостю дверь.

Девочку такая просьба не удивила, ведь каждый год в празднование Песаха отец (не так уж и скрытно) стучал по столешнице, а затем предлагал самому младшему сыну открыть дверь пророку Илии. Разумеется, за дверью всякий раз никого не оказывалось, но глава семьи говорил, что дух Илии вошел в дом.

Но не в этот раз.

Во тьме за дверью стоял высокий незнакомец в накидке, на чьем красивом лице отражалась невыносимая усталость. Чуть позади стоял второй, чья внешность и поза выдавала в нем слугу.

– Добро пожаловать в наш дом, – сказал Мейер, приглашая гостей к столу и думая, что надо бы Розе принести еще один прибор. – Он невелик, но, пожалуй, один из лучших здесь, в Меа Шеарим[3].

Незнакомец вошел в дом Мейера, прежде сделав слуге знак рукой, чтобы тот остался снаружи. Гость не снял верхней одежды и не поднял глаз на хозяина дома.

---

[2] Пятую чашу вина наливают, веря, что в Седер пророк Илия посещает каждый иудейский дом. Согласно верованиям большинства иудейских традиций, перед Судным днем пророк Илия вернется на землю и возвестит приход Мессии.

[3] Один из старейших районов нового города в Иерусалиме. В широком понимании под Меа Шеарим подразумевают все соседние со старым городом районы с религиозным [иудейским] населением.

– Вознесете ли вы с нами молитву над вином? – спросил Мейер, думая, что позже надо бы поручить Деворе отнести еды и вина слуге, оставшемуся на улице.

Гость сел за стол, но рта не раскрывал; не стал он ни есть, ни пить, даже после того, как отзвучали слова молитвы. Был он смугл и темноволос, но не походил на жителя Иерусалима.

– Куда лежит ваш путь, незнакомец? – спросил Мейер, про себя размышляя, не послан ли этот человек, чтобы понаблюдать за кровавыми ритуалами, в проведении которых обвиняли иудеев. Если так, его постигло бы разочарование.

- Я следую *Via Humanitatis*, – молвил гость, сопроводив свои слова усталым смешком.

Больше он не проронил ни слова. Мейер пожал плечами. Если незнакомец желает таиться и притом утверждает, что идет тем же путем, что и род человеческий, то не ему, пусть и хозяину дома, спорить – по крайней мере, не в ночь Песаха.

Когда с трапезой было покончено, осталась последняя традиция, которую следовало соблюсти, прежде чем спеть последнюю хвалебную песнь. Чуть ранее Девора, бывшая одновременно и старшей, и младшей дочерью в семье, спрятала кусочек пресного хлеба, называемый *афикомен*[4]. Теперь ее послали отыскать хлеб.

– Пусть наша дочь возьмет еды и вина слуге, который остался снаружи под светом луны, – сказал Мейер, обращаясь к Розе. – Она получит награду за то, что нашла *афикомен* и вернула его на праздничный стол, – объяснил Мейер своим гостям, – поскольку без этого Седер не может быть завершен. Надолго она не задержится. Мы с Розой видели, как она прятала хлеб в саду.

Прошло несколько минут, но Девора все не возвращалась; гость встал, как будто собирался уходить. Мейер пожелал ему счастливого пути и бросил взгляд на семейство Хамида аль-Файзира, мечтая, чтобы они тоже отправились домой. Несмотря на все прилагаемые им усилия, праздничная ночь прошла в напряжении, и Мейер хотел, чтобы она поскорее окончилась.

Дочь Мейера все еще не возвращалась с *афикоменом*, название которого переводится как «последний», и Роза молвила:

---

[4] Афикомен – кусочек праздничной мацы, который по традиции дети прячут, а затем «находят», получая за это награду в виде сладостей или монет. В некоторых семьях этот обычай, помимо религиозной нагрузки, имеет целью удержать детей за столом во время выполнения всех необходимых ритуалов.

– Я беспокоюсь о дочери. Сейчас ее связь с луной как раз прервана. Ей не следует быть на улице одной, в темноте и столь долго.

Мейер извинился перед остальными и отправился на поиски дочери.

Он нашел ее у небольшого вечнозеленого куста, ожидающего осени, чтобы быть украшенным в благодарность за изобилие, дарованное Богом. В руке девушка держала *афикомен*. Она молча отдала его отцу.

Он так же молча взял хлеб.

– Мы ждали тебя, – сказал Мейер. – Все, кроме нашего гостя: он пришел из ночной тьмы и в нее же возвратился.

– Я была с ним, – ответила Девора. – И я накормила его слугу.

Девора, дочь Мейера бен Иосифа и его жены Розы, никогда больше не заговаривала ни о тех двух мужчинах, ни о ребенке, зачатом в ту ночь Песаха от слуги гостя во время ее кровотечения и растущем в ее чреве. Она становилась все мрачнее и угрюмее. Всякий раз, когда она проходила мимо зеркала, его поверхность покрывалась капельками крови, и ей становилось стыдно перед отцом – последним мужчиной в семье. Вскоре Девора перестала слушаться его, да и прочих мужчин тоже. Будто желая умереть при родах, она, выпекая субботнюю халу, сознательно пренебрегала десятиной[5], отделяемой от теста в пользу священника.

Мейер не одобрял поведения дочери, но относил его на перемены, происходящие с женщиной во время вынашивания ребенка – процесса, суть которого он и не пытался постичь. Роза же была больше испугана, чем разгневана. Хотя заповеди и Бога, и Аллаха гласили: «плодитесь и размножайтесь», в священных книгах был записан и другой Их завет; запрещалось зачинать потомство во время *нида*[6], и на то была веская причина.

Она боялась за жизнь своей дочери и за ее дитя, и опасалась, как бы этого ребенка, зачатого в крови, не забрала бы к себе королева демонов, Лилит.

Тем временем дитя – а это была девочка – росла и крепла во чреве своей матери, Деворы. Как и все нерожденные дети,

---

[5] Хала – еврейский традиционный праздничный хлеб. Изначально хала — это часть теста, отделявшаяся в пользу священника. Название хлеба происходит от наименования соответствующей заповеди Торы.

[6] Ритуальный статус женщины в иудаизме. Женщина становится нида во время месячных, родов и т. п. Женщина перестаёт быть нида по прошествии семи «чистых дней» и после ритуального омовения. При наступлении статуса нида супругам запрещена физическая близость.

впитывающие свое наследие, она наблюдала историю своего народа при свете свечи, горевшей внутри материнского чрева, и в этом белом сиянии видела зарю и закат вечности.

Там, внутри, за девочкой присматривал ангел, обучая ее Торе, а тем временем снаружи Лилит, обуреваемая воспоминаниями о собственном несчастливом и бездетном замужестве, наблюдала за хранителем и сочилась ревностью к будущему материнству Деворы. Она терпеливо ожидала своего часа, злобно усмехаясь, когда Роза делала обереги по рецептам *«Сефер Разиэль»*[7], чтобы защитить мать и дитя после рождения, и во множестве развешивала амулеты по стенам и возле родильного ложа, чтобы отвадить королеву демонов и не дать ей забрать ребенка.

Перед самыми родами, как и должно, ангел изготовился, чтобы прикоснуться к верхней губе малышки, чтобы оставить на ней вмятинку и тем самым заставить ее забыть обо всем, что она узнала – но тут-то и вмешалась Лилит. Притушив свет во чреве роженицы, она подтолкнула дитя наружу.

В этот самый момент душа Деворы покинула ее бренное тело, а на свет появилась Мариса. Она вышла из материнского лона, обладая знаниями обо всем и заносчивостью, и эти качества вкупе с ее физическим недостатком заставили отдалиться от нее всех прочих детей в Меа Шеарим.

После Роза говорила мужу, что так все произошло, как и должно было.

Из шестисот тринадцати законов Торы *рекхилут* – самый первый и наименее строгий, запрещающий злословие – чаще всего нарушался в квартале, где родилась Мариса. Сплетни о девочке расходились больше из страха, чем из намерений причинить ей вред. Ни для кого не было секретом, что мать зачала малышку, будучи *нида*, и невозможно было сохранить в тайне отсутствие вмятинки на верхней губе девочки. Поскольку мать Марисы умерла в родах, логичным было предположить, что малышке предназначено стать прислужницей самой Лилит. Но самым главным опасением, передававшимся шепотом из уст в уста, было то, что из-за обстоятельств своего зачатия и рождения Мариса могла оказаться зараженной самым страшным изо всех недугов – проказой.

---

[7] Средневековый каббалистический гримуар, известный также как «Книга Архангела Разиэля». Книга содержит тщательно продуманную ангелологию, способы магического применения зодиака, имена Бога, защитные заклинания и методики составления магических целебных амулетов.

Мейер и Роза нарекли внучку Марисой Деворой и дарили ей всю свою любовь, ведь она была последней из их рода. К несчастью, никакое количество их доброты не могло ослабить напряжение в общине, члены которой, и так измученные событиями прошедших лет, опасались всего, что может стать источником бед внутри нее. Хамид аль-Файзир, благосклонно отзывавшийся о доме бен Иосифа, снова поддержал Мейера. На этот раз они объединили свои усилия, чтобы защитить Марису от тех, кто, ведомый беспричинным волнением, угрожал причинить вред маленькой сироте.

Однако сил двоих мужчин оказалось прискорбно мало против целой толпы. Как-то вечером, когда солнце почти уже ушло за горизонт, люди вырвали Марису из рук друзей и унесли в пустыню. Там они наполнили пересохший водоем кровью нескольких ягнят и соорудили скудное укрытие от лучей заходящего светила.

Маленькую девочку опустили в кровавое озерцо и держали там до прихода ночи; это походило на крещение овечьей кровью. Разумеется, малышка, которой едва исполнилось шесть лет, не могла бороться с множеством крепких взрослых. Она могла лишь закричать, но не сделала и этого, будто бы подчинившись желаниям добрых жителей Иерусалима.

Находясь дома в Меа Шарим, Хамид проговорил приглушенным голосом:

– Наверняка они намереваются обсушить ее и принести домой, когда взойдет луна.

– Наверняка, – согласился с ним Мейер; глаза его были полны слез от печали за внучку. – Что скажешь, Роза?

Роза промолчала. Она вышла из дома и отправилась в пустыню. Даже если ей было что сказать, гнев и дурные предчувствия не дали слова сорваться с ее языка. Когда краешек луны показался из-за горизонта, она добралась до ребенка.

Она остановилась поодаль, и открывшаяся ей картина заставила ее застыть на месте.

Малышка никогда еще не выглядела такой удовлетворенной. Она счастливо плескалась в алом озерце и пила кровь из горсточки с таким довольством, с каким никогда не поглощала стряпню бабушки.

Подняв глаза, Роза увидела незнакомца, высокого, одетого в плащ с капюшоном; он ехал верхом на верблюде, которого вел под уздцы слуга.

– Нет! – выкрикнула она, когда горожане отступили назад, и гость заявил свои права на Марису Девору.

Дитя подняло ручонки, и слуга поднял ее вверх. Незнакомец взял девочку на руки, посадил на верблюда перед собой, и они уехали прочь.

Роза рыдала, но не сделала ничего, чтобы остановить их.

На заре жители Иерусалима вернулись к своим ежедневным заботам и к сплетням обо всем подряд. Лишь тогда Роза перестала плакать и смогла поведать о случившемся Мейеру бен Иосифу и Хамиду аль-Файзиру. Не упомянула она лишь о том, что слышала женский голос, зовущий таинственного мужчину и ребенка за собой. Она не рассказала им, что Лилит (а голос, без сомнения, принадлежал ей), забрала незнакомца и дитя к своему лону.

Мейер и его друг Хамид обнялись. Теперь настал их черед возрыдать. Затем они осушили слезы и стали ждать, пока история Марисы Деворы не достигнет Кипра и ушей короля Амори[8].

– Берегитесь, – говорили посланцы, – ибо в земле Ханаанской появилась дочь Лилит, возлюбленная людьми, Богом и Аллахом и отмеченная дьяволом. Не вздумайте рассердить ее, ибо гнев ее поглотит всех вас.

[8] Амори II де Лузиньян (1145 – 1205) – первый король Кипрского королевства, с 1197 года король Иерусалима. В 1198 году он сумел заключить пятилетнее перемирие с мусульманами, воспользовавшись борьбой между братьями и сыновьями Саладина за его наследство.

Введение.
Сквозь Львиные ворота

Добро пожаловать в святейший из городов, и да пребудет с вами мир. Город в очередной раз отстраивается заново. Рыцарей-тамплиеров выдворили с Храмовой горы, и она очищена и заново освящена. В центре возведен Купол Скалы, а чуть к югу – мечеть аль-Акса.

Если мы начнем прогулку на Храмовой горе и пойдем на запад по Храмовой улице, сначала пересечем мостик у скотного рынка, затем улицу Меховщиков, а потом улицу Германцев. Повернув возле торговых рядов, мы пересечем Армянскую улицу, минуем рынок зерна – и вот, так быстро, мы уже выходим из врат Давида, что на склоне холма.

Сразу справа за торговыми рядами, что на Храмовой улице, вы увидите дом, где были расквартированы госпитальеры. Салах ад-Дин превратил здание в дворец градоправителя, а часть его отдал под мечеть и лечебницу. Еще чуть правее расположен Храм Гроба Господня, причудливое строение, включающее в себя Гробницу Иисуса, Голгофу и пещеру, где, по преданию, святая Елена нашла Животворящий Крест.

К северу от Храмовой горы, если пересечь улицу Врат Иосафата, мы увидим базилику святой Анны, или Санд-Ханна. Изначально здесь размещались церковь, освященная в честь матери Девы Марии, и женский монастырь, но Салах ад-Дин отдал здание под медресе. По слухам, султан сделал это не столько для того, чтобы заменить христианское святилище мусульманским учреждением, сколько с целью лишить дохода шиитов.

На дворе 1197 год (по христианскому летоисчислению). К власти снова пришли мусульмане, а евреи вновь спокойно и счастливо живут в городе. Бесконечными вереницами туда и сюда расхаживают христиане всех сортов, и некоторые из них утверждают, что европейцы вновь захватят Иерусалим – это лишь вопрос времени. Мусульмане, вспоминая резню 1099 года, ужасаются от мысли, что угроза возвращения крестоносцев реальна. Евреи, хоть и живут припеваючи под властью мусульман, тщетно пытаются понять, почему последователи двух других религий борются за право владеть городом, принадлежащим иудеям. Караимы и раввиниты спорят друг с другом о главенстве Торы над Устным законом[9].

[9] Караимизм – течение в иудаизме, основанное на том, что каждый верующий сам определяет для себя применение закона Моисеева. Талмуд и Устный Закон (письменный свод правовых, религиозных и этических норм иудаизма) караимы считают искажением смысла библейского иудаизма. Раввиниты (сторонники применения Устного Закона) считали караимизм наиболее

Сторонники греческого православия служат в Храме Гроба Господня, несмотря на воинственные притязания католической Церкви и гораздо большее число ее прихожан. Секты раскольников, новые и выплывшие на свет старые, оспаривают первенство христианских священников. Салах ад-Дин отошел в мир иной, и его наследники дерутся друг с другом за власть. Грызня шиитов и суннитов сопровождает основные течения конфликтов.

При всем при этом пятилетнее перемирие между крестоносцами и мусульманами вот-вот закончится[10].

Итак, добро пожаловать в Иерусалим. Смотрите внимательно, куда ступаете: временами кажется, что каждый квартал города является священным для той или иной религии. Будьте осторожны, беседуя с другими людьми, поскольку здесь доверие – весьма хрупкая вещь, подмытая веками кровопролития. Тщательно выбирайте себе убежище, поскольку некоторые каиниты уже бессчетное количество лет назад заявили о своих притязаниях на этот город, и они не будут благоволить к чужакам.

Как же я узнал обо всем этом? О, друг мой, это плоды пристального и долгого наблюдения. Насколько долгого? Я здесь уже достаточно давно, друг мой. Я желаю тебе мира и покоя, пока ты в городе.

Увы, даже здесь желания так редко становятся былью…

Знакомство с книгой

Книга «Ночи Иерусалима» – это всеобъемлющий путеводитель по самому священному городу Раннего Средневековья. В 1197 году даже в Мире Тьмы Иерусалим – обманчиво тихая заводь; власть мусульман в городе не без оснований кажется устойчивой, иудеям дозволено в нем жить, а христианам – посещать его святыни. И все же как в мире живых, так и в мире бессмертных остались свои проблемы. Пока наследники Салах ад-Дина препираются друг с другом, приближается срок окончания мирного договора между покойным султаном и Ричардом Львиное Сердце[11], а с ним над Иерусалимом нависает угроза нового

чистой формой иудаизма. Расцвет течения пришелся на VII – XII века, затем оно пришло в упадок. Сейчас последователи течения в основном живут в Израиле и Европе (Польша, Литва, Западная Украина, Крымский полуостров).

[10] Перемирие было заключено между Амори II и представителем династии Айюбидов в 1198 году, а в 1204 году продлено еще на шесть лет.

[11] Имеется в виду Яффский мирный договор, заключенный между Салах-ад-Дином и Ричардом в 1192 году сроком на три года после взятия христианами Яффы. Договор закреплял за европейцами власть на побережье Средиземного моря от Яффы до Тира, гарантировал христианам и мусульманам свободный проход через Палестину. По тексту автор то и дело путает его с перемирием 1198 года, упомянутым выше.

крестового похода. Стычки между приверженцами отдельных религиозных течений также возникают с тревожащей частотой: все основные верования имеют внутренние секты, отношения которых друг с другом можно охарактеризовать словами «на ножах» – иногда буквально. Память о кровавой бане 1099 года все еще жива в головах мусульман, а ядовитое жало поражения при Хаттине[12] и прочих случаев бесчестья воспламеняет страсти в умах христиан.

Если смертные находятся на грани нового ужасного конфликта, то насколько жестокими могут оказаться столкновения между каинитами? В Иерусалиме обитает чересчур много потомков Каина. Стабильный приток паломников и торговцев позволяет вампирам поддерживать свою не-жизнь – впрочем, им едва удается избежать кровавой охоты, ведущей к полному истреблению; и все же каинитов в Иерусалиме гораздо больше, чем нужно, и каждый стремится подмять под себя хоть какую-то часть города. От катакомб под Храмовой горой до Енномской долины, где живут прокаженные, город кишит каинитами, как чумная галера – крысами. От их влияния не укрыться, даже если сами они невидимы. Единственный возникающий вопрос – если здесь обитает тьма-тьмущая вампиров, пестующих свои древние обиды, сколько времени пройдет, прежде чем их вражда вырвется на освященные верой улицы города? И уцелеет ли при этом хоть кто-нибудь?

Что представляет собой эта книга?

«Ночи Иерусалима» – всеобъемлющий проводник по Иерусалиму в рамках системы «Вампир: Темные века». В первую очередь и главным образом книга касается именно «Темных веков», и лишь легкая тень иных сверхъестественных существ падает на ее страницы; основная же масса упомянутых здесь персонажей – каиниты. Вам могут попасться Гару, призраки, маги и прочие, менее поддающиеся опознанию существа, рыскающие по улицам града Давидова, но, если уж это случится, они явно не главные герои этой книги.

«Ночи Иерусалима» – ваш поводырь в путешествии по городу, помощник при знакомстве с его чудесами и, что еще более важно, с его обитателями. Эти страницы станут для вас полноценным источником для проведения хроник по

[12] Сражение, произошедшее 4 июля 1187 года между войсками Иерусалимским королевством крестоносцев и силами династии Айюбидов. Крестоносцы были разгромлены мусульманскими армиями под началом Салах ад-Дина.

Иерусалиму 1197 года, с упором в первую очередь на политику и сообщество каинитов. Хотя в книге описана далеко не каждая улочка (объемное историческое наследие делает это несколько проблематичным), тем не менее, весь Иерусалим ждет вас в ней.

Как использовать эту книгу

Книга предназначена для рассказчиков в качестве основы для хроник, происходящих в Иерусалиме и его окрестностях. Содержание ее глав изложено ниже.

Глава I: Святой город. История Иерусалима. Эта глава предоставляет обзор истории города – как с точки зрения смертных, так и каинитов, чьи судьбы тесно переплетены. Рассказ начинается от самого основания города и следует сквозь библейскую и римскую эпохи и далее, завершаясь в 1197 году. Город принадлежит наследникам Салах ад-Дина, как часть их султаната, но календарь отсчитывает последние месяцы пятилетнего перемирия с крестоносцами…

Глава II: Вера и усердие. Общество и культура. В данной части содержится краткий обзор трех религий, для которых Иерусалим является священным городом, а также их течений и обрядов. Также сюда включено описание средневекового ислама, а также раздел, где приведены отрывки из текстов Торы и Корана, которые смогут сделать не-жизнь трезвомыслящего вампира немного легче.

Глава III: Улицы Святого города. География позволяет взглянуть на материальную составляющую города, от окружающих его земель до тоннелей под Храмовой горой. Здесь же вы найдете карты, которые помогут вам понять географическое расположение Иерусалима, а также общую карту всего региона.

Глава IV: Бурлящая толпа. Каиниты Иерусалима – самый длинный раздел книги; своим объемом он обязан огромному числу каинитов, обитающих в городе и его окрестностях. История, амбиции и тайны каждого из нескольких дюжин вампиров, нашедших здесь пристанище, сплетаются в паутину интриг, преданности и ненависти, и все это станет отличным фоном для любой хроники.

Глава V: «У древних плит, сквозь плотный мрак…» Повествование в Иерусалиме. Эта глава поможет рассказчикам создать нужную атмосферу и поднять необходимые темы в играх по средневековому Иерусалиму. Кроме того, в нее включен перечень идей для хроник;

некоторые из них – или все сразу – могут быть использованы как в новых играх, так и в уже начатых.

Чем эта книга НЕ является

Книга «Ночи Иерусалима» не подразумевает – подчеркиваем – НЕ подразумевает отстаивание интересов или выступление против той или иной религиозной конфессии и не предназначена для того, чтобы поколебать чью-либо веру, намекая на принадлежность некоего религиозного деятеля Н. к каинитам, упырям или какой-нибудь другой фракции, что расходится с официальными историческими хрониками. Несмотря на то, что в книге имеется персонаж, утверждающий, будто он – новое воплощение Аллаха, авторы имеют веские подтверждения того, что его исторический прототип считал так же. Помните, данная книга посвящена игре и не является историческим или религиозным текстом, и создана исключительно для вашего удовольствия. Наслаждайтесь!

Краткий словарик терминов

Ниже приведены некоторые арабские термины, появляющиеся на страницах «Ночей Иерусалима».[13]

ахль аль-китаб	*араб. дословно: «люди Книги»*, общепринятый перевод – «люди Писания»; люди, не исповедующие ислам, но сообразующие уклад своей жизни с предписаниями Ветхого Завета (т.е. христиане и иудеи)
аятолла	*араб. «знамение Аллаха»*, религиозный титул у шиитов. Носящий этот титул считается экспертом в исламоведении, юриспруденции, этике и философии и признается мусульманами-шиитами духовным лидером.
калиф	*араб. «наместник, заместитель»*, высший титул светской власти у суннитов (отделяемой ими от власти духовной)[14].
дхимми (зимми)	*араб. «защищенный»* (подразумевается, защищенный договором с местными властями), немусульманин, живущий на территории, завоеванной сторонниками ислама, и придерживающийся законов

[13] Терминология дополнена комментариями переводчика – для пользы дела.

[14] В оригинальном тексте, собственно, сказано прямо противоположное.

	шариата (кроме тех, что касаются личного и семейного статуса). Собирательное название *«ахль аль-зимми»*, т.е. *«люди договора»*.
дин	*араб. «вера, религия»* (подразумевается ислам)
хадис	*араб. «беседа, рассказ»*, предание о словах и/или действиях пророка Мухаммада, затрагивающее разнообразные религиозно-правовые аспекты жизни мусульман. Каждый хадис содержит изречение (*кауль*), одобрение (*такрир*), образ (*васфи*) или действие (*фи'ль*) пророка; совокупность хадисов образует Сунну (*араб. «обычай»*), являющуюся авторитетной для мусульманина.
хадж	*араб. «стремление к прославленному»* или *«возвращение»*, ритуальное паломничество верующих к святыням Мекки и ее окрестностей, является пятым Столпом ислама, наряду с шахадой, намазом, закятом и саумом (см.ниже)
ибн	приставка к имени, буквально *«сын такого-то»*; для женщин применяется слово *«бинт»* – соответственно, *«дочь такой-то»*.
ислам	*араб. «покорность, подчинение»*, подразумевается – законам Аллаха
джихад	*араб. «усилие»*, предпринимаемое верующими на пути к Аллаху. Термин обычно имеет подтекст вооруженной борьбы с иноверцами, но джихадом может являться также преодоление собственных слабостей или пороков, а также социальной несправедливости
джизья	*араб. «подношение, подать»*, подушный налог с иноверцев в мусульманских государствах. Взимался с мужчин, достигших зрелости
медресе	*араб. «место, где изучают»*, мусульманское учебное заведение, совмещающее функции средней школы и семинарии.
мечеть	*араб. «место поклонения»*, молитвенное сооружение в исламе
мусульманин	*араб. «тот, кто подчинился»* [законам Аллаха], последователь ислама

кади	*араб. «судья»*, в мусульманских общинах судья-чиновник, назначаемый правителем и вершащий правосудие на основе шариата
Коран	от *араб. «аль кур'ан»* – «чтение вслух, назидание», священная книга мусульман, свод откровений, произнесенных пророком Мухаммадом от имени Аллаха
Рамадан	месяц обязательного для мусульман поста, в течение которого верующие в дневное время суток отказываются от пищи и питья в подтверждение силы своей веры и чистоты помыслов, а также для обуздания своих страстей и инстинктов во имя веры.
салят	*араб. «моление»*, другое название – намаз, каноническая молитва в исламе, один из Пяти столпов ислама
саум	*араб. «воздержание»*, полностью «ураза ас-саум», религиозный пост, один из Пяти столпов ислама
шахада	*араб. «свидетельство»*, религиозная формула, первый и важнейший Столп ислама. Произнесение формулы является главным условием принятия ислама. Краткий перевод шахады: «Свидетельствую, что нет иного Бога, кроме Аллаха, и что Мухаммад – посланник Его». Мусульмане-шииты добавляют к этой формуле слова «и Али – друг Аллаха[15]»
шариа (шариат)	*араб. «[правильный] путь, образ действия»*, комплекс предписаний, определяющих убеждения, а также формирующих нравственные ценности мусульман и регулирующих практически все сферы их повседневной жизни. Слова «закон шариата» несут не столько юридический, сколько религиозно-социальный подтекст
султан	*араб. «сильный, властный»*, титул светского правителя или (позднее) монарха в мусульманских государствах.
талак (таляк)	*араб. буквально «развод»*, расторжение брака в исламе. У суннитов троекратное ее произнесение означает окончательный

[15] Имеется в виду первый шиитский имам Али ибн Абу Талиб, двоюродный брат и зять пророка Мухаммада

	развод. У шиитов развод должен обязательно совершаться при свидетеле.
улем	от *араб. «уляма» – «знающий, ученый»*, синоним – алим, признанный, авторитетный знаток теоретических и практических аспектов ислама
умма	*араб. «народ, нация»*, в исламе – название общности людей, придерживающихся законов шариата.
вакф (вакуф, аукаф)	*араб. «остановка, удержание»*, в мусульманском праве имущество, переданное верующим на религиозные или благотворительные цели. В вакф могут входить лишь приносящие пользу и при этом нерасходуемые вещи
закят	*араб. «милостыня, подаяние»*, обязательный годовой налог в пользу нуждающихся, а также на социальные нужды, один из Пяти столпов ислама. Составляет 2,5 % ценностей и товаров, 1/20 часть урожая, 1/40 добытого из недр земли и моря.

* Раздел **«Ссылки и книги по теме, рекомендуемые для прочтения»**, перенесен в Приложение к переводу.

Глава I.
Святой город. История Иерусалима

История, культура, религия… все это слилось воедино, чтобы создать Иерусалим.

«БисмиЛляхи р-рахмани р-рахим», во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного[16].

Рушалимум, Шалем, Ершалаим, Ир Давид, Элия Капитолина, Байт аль-Макдис, аль-Кудс… неважно, как изменялось его название с течением времени, но Иерусалим был всегда.

Согласно легенде, название города происходит из древнееврейского «иерашалаим», то есть «город мира» – совершенно неподходящее имя для города, который столько раз был объектом сражений. Сомнительно и то, что слово «Иерусалим» вообще уходит корнями в язык иудеев: так называлась деревенька на вершине одного из холмов, существовавшая задолго до того, как их народ пришел в эти места.

По другим сказаниям, это название имеет религиозное происхождение, означая «основанный богом Шалемом». Если так, то город Шалема надолго пережил его самого, да и всех тех, кто ему поклонялся.

> Терминология времени
>
> В обозначении событий мы использовали термины «н.э.» и «до н.э.», чтобы придать тексту нейтральный оттенок, а не выдвигать христианское летоисчисление на первый план. Тем не менее, эти термины соответствуют привычным для нас отметкам «до» и «после Рождества Христова».

Независимо от того, как называлось это поселение, известно, что люди жили на этих холмах с весьма давних времен. Еще в XIV веке до н.э., когда Египтом правили Ахенатон и Нефертити, староста селения Иерусалим посылал им письменные обещания верности. Он клялся своим господам в вассальной преданности, а кроме того, сообщал причины, по которым с его земель в эту годину не поступили подати в ежегодно снаряжаемый караван с данью.

Как и прочие города этого региона, Иерусалим изначально был заключен в круг стен. Некоторые удачно размещенные поселения (Иерусалим в том числе) не только

[16] Использованы транскрипция и перевод так называемой «бисмаллы», или «басмалы» – религиозной формулы, с которой начинается каждая сура Корана, кроме девятой. Эту формулу также используют при составлении документов, а в устной речи – как благословение перед началом важного дела.

имели разумно устроенную систему отвода стоков, позволяющую избежать наводнения, но и шахты, пробитые сквозь скалу вниз к родникам под городом. На случай осады Иерусалим имел надежный источник пресной воды.

Селение на вершине холма в разные эпохи занимали разные обитатели, практически не оставляя следов своего пребывания. Не существует твердых доказательств того, что здесь процветала торговля или ремесла, не найдено никаких глиняных черепков и никакой характерной каменной кладки, которые бы рассказали нам о том, для кого эти места были домом. Единственные имеющиеся свидетельства того, что здесь существовало поселение, – это случайные упоминания о нем в сухих отчетах. Иерусалим, возможно, и существовал уже давно, но довольно долгое время был отдаленным уголком известного людям мира.

Но все это изменилось, когда около XIII века до н.э. последователи божества по имени Яхве бежали из Египта после 430 лет рабства. Направляемые Яхве, они отправились на северо-восток, в земли, именуемые Ханаан. Яхве определил географические границы региона, дарованного его последователям, но открыл им, что завоевать ее они должны сами. Сорок лет спустя последователи Яхве прибыли в свою Землю Обетованную и стали воевать с местными племенами. Они захватили большую часть территории, порабощая или убивая тех, кто сопротивлялся, но их отряды, как волны, раз за разом разбивались о стены Иерусалима и нескольких других окруженных стенами поселений.

Город Давида

Неизвестно, как именно Иерусалим подпал под власть последователей Яхве. Религиозные сказания, поведанные победителями, говорят о мирной оккупации и о постепенном обращении побежденных после многих лет сопротивления. Шепотом расходились рассказы о мистических силах, достаточно мощных, чтобы разрушить стены и засыпать пылью колодцы, защищенные городскими стенами, не оставляя вождям иевусеев[17] иного выбора, кроме как сдаться. А история, как все мы отлично знаем, пишется победителями.

Итак, оборона Иерусалима пала, и город был захвачен войсками царя Давида. В последующих завоеваниях горожан

[17] Доеврейское население Иудеи, которые, как считается, в конце III тыс. до н. э. основали город Иерусалим и первоначально населяли его. Конец существованию народности иевусеев был положен только при царе Давиде.

убивали и изгоняли, но пока что народ Давида и побежденные иевусеи сосуществовали в гармонии. Этот переход был настолько тихим, что советники Давида просто заняли должности в уже функционировавшей системе государственного управления, вместо того, чтобы организовывать в городе собственное новое руководство. Как сказал об Иерусалиме пророк Иезекииль, *«твой корень и твоя родина в земле Ханаанской; отец твой аморрей, и мать твоя хеттеянка»*[18], и эти слова убедительны и выглядят трезвой оценкой повседневной жизни города. Хотя Иерусалим не был изначально центром монотеистической религии (да и последователи Яхве, если уж на то пошло, этим не отличались), политические и экономические процессы, а также бесконечные повторения сказаний все же вели население города этим курсом.

Спустя недолгое время после захвата Иерусалима Давид уже был царем объединенной Израильской земли и перенес свой дворец из Хеврона в Иерусалим – город, который позже назовут «ир Давид», то есть городом Давида. Царь и последователи Яхве также переместили в город свою ценнейшую святыню, Ковчег Завета, закрепив, таким образом, за Иерусалимом статус центра политической и религиозной власти Израиля. Разросшееся население города привлекло в его предместья Гангрелов и Носферату, кочевавших в поисках прокорма.

Ковчег Завета

Ковчег Завета представлял собой сундук (предположительно деревянный), в котором содержались каменные таблички (скрижали), на которых Яхве записал десять заповедей. Моисей получил эти таблички от самого Яхве на горе Синай. Ковчег Завета был символом присутствия Яхве рядом с его последователями; ему приписывалось множество сверхъестественных сил, и за прошедшие столетия объявлялось немало фальшивых Ковчегов. Настоящий Ковчег (если он существует ныне или вообще когда-либо существовал), должен источать Истинную Веру на буквально неисчислимом уровне, и ни один каинит не сможет хотя бы даже приблизиться к нему. Именно по этой причине некоторые старейшины полагают, что настоящий Ковчег находится в Акре.

Соломон и его Храм

[18] Книга пророка Иезекииля, [16:3]. Фраза вырвана из контекста, в самой главе описывается степень морального и религиозного разложения иудеев.

После смерти Давида на престол претендовал его старший сын. Однако трон вместо него занял Соломон, и случилось это около 960 года до н.э. Чтобы выказать свою власть, богатство и продемонстрировать свои идеалы, Соломон занялся строительством, используя значительные богатства, оставленные Давидом (по большей части это была дань с подчиненных территорий).

Соломон распорядился расширить периметр стен города, чтобы выделить место для новых строений. Его рабочие и рабы перемещали почву, чтобы создать возвышенность для царского дворца, а также выровняли макушку Храмовой горы, на которой и был воздвигнут Храм, а в нем установлен Ковчег Завета. Соломон заключил договор с царем Тира, и тот передал ему ценные материалы и отдал в помощь своих искусных ремесленников, многие из которых (включая Тореадора по имени Элш) прибыли из Тира, чтобы участвовать в создании будущего Храма Соломона. Все это масштабное строительство, однако, опустошило царские сундуки, и Соломон даже был вынужден передать часть своих владений Тиру в уплату долга.

В течение последующих двух тысячелетий вершину Храмовой горы занимали несколько самых разнообразных строений. Большая их часть была посвящена вполне определенным божествам, и со временем Храмовая гора стала самым почитаемым местом для двух из трех монотеистических религий мира. Но и с самого начала Яхве не являлся единственным божеством, чьим местом пребывания стал Иерусалим, и иные божества также получали подношения и жертвы. Хотя в убранстве Храма Соломона художники тщательно избегали каких-либо изображений Бога, в украшении присутствовали образы серафимов и херувимов, равно как и других местных языческих символов. Соломон также потрафил иевусеям, разрешив им возвести храмы во имя большого числа прочих местных божеств.

Амбициозная программа строительства, развернутая Соломоном, совершенно истощила казну. Его наследник, Ровоам, оказался перед выбором: либо сократить расходы на содержание царского двора, либо увеличить и без того тяжкое бремя податей, чтобы увеличить приток средств. Не желая прибегать к первому способу (царю пристало блюсти лоск своего окружения), он попытался пойти по второму пути; это привело к тому, что северный регион царства откололся окончательно и сформировал новое государство, Израиль. Ровоам остался правителем Иуды (позже Иудеи) и

Иерусалима. Потрясая кулаком в сторону Израиля, он бежал в Иерусалим, когда солдаты вновь созданной израильской армии насмерть забили начальника его рабов камнями и стали угрожать ему наступлением.

Разделение когда-то единой территории на два меньших государства сделало каждое из них более уязвимым к нападению извне. К тому же в регионе существовало еще несколько государств, которые время от времени объединялись, чтобы сопротивляться захватчикам.

Цари и страны

Когда около 724 года да н.э. к городу подступили ассирийцы, Ахаз, бывший в то время царем Иудеи и Иерусалима, предпочел не вступать в антиассирийский союз небольших местных государств[19]. Непонятно по какой причине он проигнорировал настоятельные советы своего приближенного, первосвященника и пророка Исайи, и добровольно подчинился правителю Ассирии. В дальнейшем Ахаз продолжил демонстрировать свою покорность захватчикам, осквернив Храм Соломона: он поместил на алтаре символы ассирийских культов, несмотря на то, что сами ассирийцы не имели привычки насаждать свои религиозные обычаи у покоренных народов (даже если те не имели ничего против). Однако при всем этом, когда Израильское царство и его союзники были завоеваны, Иудея и ее царь Ахаз оставались нетронутыми.

После смерти Ахаза к власти пришел его сын Иезекия. Устыдившись религиозных метаний своего отца, он возродил каноны почитания Яхве и убрал идолы с алтаря в Храме. Иерусалим оставался в безопасности, а тем временем армия ассирийцев подавляла мятежи в раздробленной северной Палестине и изгоняла оттуда израильтян десятками тысяч. На их место приходили поселенцы из соседних земель, в то время как часть покоренных жителей Израиля мигрировали на юг, в Иерусалим. В результате город стал быстро разрастаться, увеличившись за два десятилетия втрое. Рост шел в двух основных направлениях: к западу и к юго-западу от Храма.

Каниты города также процветали. Приток новых жителей в город не только существенно увеличил местные стада, но и принес с собой новые идеи. А новые идеи

[19] Объединение, в которое входили Израильское царство, Дамасское царство, Газа, населенная филистимлянами, Идумея и Тир, созданное с целью защиты от наступления Ассирии на земли Палестины.

означают появление новых возможностей, шансов расширить и укрепить свое влияние.

Через десять лет правления Иезекия, царь Иерусалима, возглавил новый союз (в который входил и северный сосед – Израильское царство), целью которого была новая попытка вырваться из-под власти ассирийцев. Иезекия даже улучшил снабжение города пресной водой, прорыв в скале тоннель и укрепив городские стены – и лишь потом осознал, что Иерусалим не имел не единого шанса выстоять против всей армии ассирийцев. Когда ассирийцы и их союзники собрались под стенами города, разгневанные брошенным им вызовом, Иезекия предпринял жалкую попытку смягчить их сердца и послал им дары. Дары ассирийцев не впечатлили, и они приготовились к атаке.

Оказавшись перед всё возрастающей угрозой уничтожения, каиниты Иерусалима отложили в сторону все свои разногласия и впервые сформировали коалицию, объединившись под предводительством мастера-оружейника из клана Вентру. Используя скрытность и знания древнего Носферату, вампиры собрали силы и приготовились выкосить чересчур самоуверенных ассирийцев, вставших лагерем за стенами. Пророк Исайя (тот самый, советы которого так настойчиво отвергал отец Иезекии), все это время предсказывал, что Яхве на этот раз защитит свою твердыню – если жители Иерусалима положатся на его помощь вместо военной силы или политических интриг. И Яхве действительно уберег город: он послал ангела, чтобы уничтожить армию ассирийцев. Ангел действовал столь успешно, что лишь немногие выжившие воины сумели уйти домой.

Ангел смерти

Ангел, которого якобы послал Яхве, вовсе таковым не являлся. Угроза все еще зыбким местным основам влияния была страшнее, чем любая вражда между каинитами в прошлом или будущем. Коалиция потомков Каина пришла к решению, что войско, расположившееся под стенами города, представляет собой опасность, перетерпеть которую невозможно. Покинув Иерусалим, каиниты методично вырезали гордых ассирийцев, оставив за собою залитое кровью поле. Немногих солдат – как правило тех, кто сидел поближе к огню костров, которых оставили в живых, чтобы было кому сложить легенды о могущественной защите, дарованной городу Яхве; но все свидетели с обеих сторон приписывают резню пособничеству Яхве, а никак не каинитам. Сказания о той кровавой ночи дали

потенциальным захватчикам повод засомневаться в мудрости своих планов.

Разумеется, среди наиболее благочестивых Носферату существует школа мысли, проповедующая идею о том, что той ночью они действовали как посланники Господа, а не по собственной инициативе. Прочие каиниты считают такую точку зрения суеверием и чепухой, но изящество таких гипотез как раз и состоит в том, что опровергнуть их нельзя…

Иезекия на недолгое время стал героем, но долгосрочные последствия оказались опасными: вместо того, чтобы попытаться защитить себя от будущих нападений, горожане уверовали в то, что в час невзгод смогут положиться на божественное вмешательство. Иезекия успешно «спас» Иерусалим, но одновременно растерял большую часть своего влияния над территорией, окружающей город. Иерусалим более не являлся столицей Иудеи, он был низведен до положения лишь еще одного полиса, ненадежно притулившегося на проселочной дороге.

Сыну Иезекии, Манассии, было всего 12, когда он воссел на трон отца, и он правил Иерусалимом в течение 55 лет. Недовольный своим положением правителя обыкновенного города вместо лидера государства, царь отвернулся от обычаев отца и обратился к отступническому почитанию Ваала. Он выстроил храмы и возвел алтари в честь Ваала, а также, на всякий случай, прочих божеств и демонов – всех, каких нашел. Манассия занимался предсказаниями и гаданиями, совещался с духами и демонами. Он распорядился вырезать идола Астарты и установил его в Храме Яхве.

Поскольку Ваал требовал кровавых жертвоприношений и подписания чернокнижных договоров, жрецы Баали, пришедшие к власти, решили очистить город от враждебных им каинитов, и те невидимые мстители Яхве, кто не успел ускользнуть или укрыться (как затворники Носферату), были затравлены, как дичь, и уничтожены. Попытки Манассии призвать демонов были столь неумеренными, что кровь невинных, которую он пролил, заполонила улицы Иерусалима во всех концах города. Возможно, Манассия полагал, что обширность и энергичность его идолопоклонничества ублажит ассирийцев, но, очевидно, его усилий было недостаточно. Яхве, напротив, был чрезвычайно недоволен и

дал знать, что *«вытрет Иерусалим так, как вытирают чашу, — вытрут и опрокинут ее»*[20].

Изгнание в Вавилон

В 605 году до н.э. Вавилонское царство, где правил царь Навуходоносор, завоевало и Египет, и Ассирию; Иудея вместе с Иерусалимом стали его вассалами, как и все прочие государства в регионе. Правитель Иерусалима Иоаким попытался заявить о своей верности Египту вместо Вавилона, но последствия этого были ужасающими. Иоаким считал, что Яхве снизойдет и явит очередное требуемое горожанами чудо, если те просто будут раз за разом повторять «Этот Храм во славу Яхве!» Увы, оставшиеся в городе каиниты не намерены были вновь жертвовать собой ради смертных, а Иоаким неверно выбрал время для новой просьбы о чуде, как это получилось у Иезекии. Поэтому никакие ангелы-мстители не явились, чтобы уничтожить вавилонян.

Иоаким скончался, не успев увидеть результатов своего неповиновения, и оставив своему сыну, Иехонии, «удовольствие» столкновения нос к носу с армией разъяренного царя вавилонян. Жители Иерусалима продержались целых три месяца, а потом, в 597 году до н.э., были вынуждены сдаться. Вместо того чтобы разрушить город, Навуходоносор забрал его сокровища, а затем приказал, чтобы воины Иерусалима, а также те горожане, кто занимался торговлей оружием и управлением городом (всего около десяти тысяч человек), были все отправлены в Вавилон в качестве пленных.

На трон Иерусалима Навуходоносор посадил дядю Иехонии, Седекию, и восемь лет спустя тот поднял новое восстание. К этому моменту терпения Навуходоносора лопнуло. Его армия осадила Иерусалим, и через восемнадцать месяцев стены города были пробиты. На сей раз царь приказал сровнять город с землей, чтобы местное население вновь не взяло оружие в руки. Войска завоевателей сожгли город дотла, а большая часть оставшихся горожан была отправлена в Вавилон. На полях стоит отметить, что именно после этих событий Ковчег Завета бесследно исчез, и не осталось никаких записей о его истинном местонахождении.

Итак, в 586 году до н.э. Иерусалим опустел. Стены города пали, а земля была усыпана камнями и кусками изрубленных тел. Храм также был снесен. Поля, разбитые на

[20] Четвертая книга Царств, 21:13 (Здесь и далее в переводе использован Синодальный перевод Библии).

склонах холмов, были выжжены, а деревни вокруг заброшены. Те из каинитов, кто не успел сбежать при развертывании осады, были вынуждены искать приют в пещерах неподалеку.

Восстановление города

Медленно, понемногу люди пробирались обратно в иерусалимские земли. Затем, после серии великолепных политических ходов и решительных военных побед в Вавилонское царство ворвался Кир, царь Персии. Он приказал, чтобы Храм в Иерусалиме был отстроен заново и воссиял в своей славе. И в 538 году до н.э. из Вавилона в Иерусалим выдвинулся поезд, состоявший из *«сорока двух тысяч трехсот шестидесяти человек, кроме рабов их и рабынь их, которых было семь тысяч триста тридцать семь; и при них певцов и певиц двести. Коней у них семьсот тридцать шесть, лошаков у них двести сорок пять; верблюдов у них четыреста тридцать пять, ослов шесть тысяч семьсот двадцать»*.[21] Число вампиров, отправившихся с этим караваном, неизвестно, хотя несколько представителей клана Равнос наверняка присоединились к возвращающимся изгнанникам по пути.

К сожалению, природные условия в окрестностях Иерусалима и на месте самого города не внушали вернувшимся иудеям оптимизма относительно их будущего. Территория, в сущности, все еще была необитаема, поэтому после первоочередных жертвоприношений и молитв настал черед подумать о более насущных аспектах выживания. Было, конечно, и ликование от того, что люди вновь вернулись в свой город. Вот только самого Иерусалима не было, и большая часть вернувшихся иудеев поселилась вне территории прежнего города, к югу от него. Основными задачами стало отстроить дома, засеять поля и наладить торговые отношения с окружающими селениями. Земля, однако, была все еще в плохом состоянии после отмщения, которое учинил Навуходоносор. Урожаи оказались скудны, дичи также было мало, и перспектива выживания выглядела сомнительной.

Требованием Кира же было отстроить Храм. В начале 520 года до н.э. вернувшиеся из Вавилона иудеи собрались, чтобы возвести новый алтарь на месте старого. Они исполнили надлежащие ритуалы, прочли молитвы и принесли на новый алтарь достойные жертвы… и на этом восстановление храма снова приостановилось. Люди вернулись к возделыванию полей, все еще пытаясь взрастить

[21] Столь точные числа взяты из Первой книги Ездры, 2:64-67.

хилые посевы на истощенной земле. Лишнего времени или сил, которые можно было бы потратить на цели общественного строительства, пока ни у кого не было.

В августе, однако, появился человек, имевший принципиально иное мнение. Это был Аггей, один из тех пророков, которые появлялись, похоже, всякий раз, когда Иерусалим терял направление развития. Он высказал мысль о том, что горожане делают все наоборот. Да, урожаи скудны, и жизнь трудна, говорил он, но если Храм не будет восстановлен – или пока этого не произойдет – все останется как есть. Яхве нужен Храм, и тогда он дарует своей земле процветание. А жители Иерусалима поставили побочное вперед главного; начать же следовало с того, чтобы восстановить дом почитания Яхве, а уж потом только заботиться о собственных лачугах.

Основание Второго Храма было заложено всего лишь несколько месяцев спустя. Но по мере того, как стены нового Храма стремились ввысь, среди тех, кто прожил достаточно зим и помнил, каков был Храм до изгнания, зрела озабоченность. Как могли эти бедняцкие потуги хотя бы отдаленно походить на славного предшественника?

Тем не менее иудеи, вернувшиеся из вавилонского плена, тщательно охраняли свой строящийся Храм. Однажды к ним пришли представители местного населения (ведь в Вавилон угнали не всех горожан до единого), и предложили свою помощь. Они тоже почитали Яхве и с не меньшим энтузиазмом восприняли идею восстановления Храма. Более того, они все это время оставались на выжженной земле Иудеи, поддерживая в себе веру, пока их более удачливые собратья обретались в Вавилоне.

Те же, кто вернулся, были исполнены важности от благоволения царя Персии Кира и данного им задания; кроме того, они не терпели лишений от рук вавилонян. Эти пришлые иудеи были хорошо организованны, уверенны в себе и склонны к конфронтациям, и они не считали местных своими собратьями по крови и по вере. Вместо этого пришельцы заявили местным жителям, что-де те не смогут помочь в восстановлении Храма. Более того, вера тех, кто остался, наверняка запятнана пребыванием вдали от основной части приверженцев Яхве, изгнанных в Вавилон, и потому они не могли бы войти и молиться в Храме, когда тот обретет былую славу. Оглядываясь назад, такое отторжение местного народа – рядом с которым вернувшимся иудеям предстояло жить – не было мудрым шагом. Согласно видению пророка Аггея, Иерусалим должен был стать открытым

городом. Аггей предлагал даже не восстанавливать разрушенные стены города, чтобы люди могли приходить и уходить по своему желанию.

Кроме того, большая часть города все еще лежала в руинах. Что плохого могло приключиться, если позволить местным протянуть руку помощи в отстройке храма? И обиженные люди отплатили на подобное высокомерие пришельцев, закидывая камнями и священников, и работающих фермеров. Вернувшиеся иудеи всерьез опасались нападения.

Новости о недовольстве местного населения докатились до Вавилона, и восстановление Храма Соломона оказалось под угрозой. Незадолго до наступления 444 года до н.э. виночерпий вавилонского царя, иудей по имени Неемия, испросил разрешения отправиться в Иерусалим и помочь в восстановлении городских стен. Получив согласие, Неемия отправился в Иудею с весьма малочисленной свитой, в которую, однако, входил Каппадокиец по имени Абрахам. Неемия вошел в город незамеченным, не объявляя о своем прибытии, и три дня и три ночи бродил по развалинам, когда-то называвшимся Иерусалимом.

Уже прошло почти сто лет с той поры, когда царь Кир даровал разрешение на то, чтобы культ Яхве вернулся в Иерусалим, и выделил деньги его последователям. Через век после возвращения иудеев в свой город он все еще представлял собой груды камней и мусора. Укреплений не существовало, в торговых рядах царила неразбериха, а строители Храма жили в хибарах. Священники Храма разбили лагерь посреди руин старой крепости, надеясь найти там хоть какую-то защиту от набегов все еще отторгаемого ими местного населения.

Как только Неемия представился священникам и выразил недоумение, испытываемое вавилонским царем относительно их успехов, те в смущении приложили огромные усилия, чтобы наконец укрепить город. За пятьдесят два дня, в течение которых трудились все, включая самих священников, стены были возведены заново. Правда, при этом работникам пришлось опоясаться мечами, чтобы в процессе укладки камней защищаться от местных жителей. Новые стены окружили город в 444 году до н.э.

От города, однако же, все еще мало что оставалось. Никто не желал переезжать внутрь кольца стен, чтобы обосновываться на куче строительного мусора. Задача восстановления самого Иерусалима казалась непосильной – необходимо было восстанавливать практически все, при этом

постоянно опасаясь нападений со стороны местных. Зачем покидать относительно удобное жилище в деревне или на ферме, чтобы поселиться в наполовину отстроенном городе с беспокойными соседями?

Неемия же полагал, что город, посвященный Яхве, должен быть заселен. Он организовал нечто вроде лотереи, в которой каждый десятый «выигрывал» обязанность переселиться в Иерусалим. Ему удалось представить этот розыгрыш как религиозный долг верующих, но можно было с уверенностью предположить, что «победители» и их семьи были далеко не рады оказанной им чести.

Неемия, как наместник региона, очевидно, обладал значительной властью. Он не только сумел реализовать свою идею «лотереи», но и принудил местную знать отказаться от взимания пошлин – ход, который оказался весьма популярен среди бедняков, но восстановил против него людей побогаче. Затем Неемия предпринял радикальный шаг: он запретил браки между последователями Яхве и теми, кто в него не верил. Пары, которые не соответствовали этому указу, изгонялись из города – даже если речь шла о расторжении давно заключенных, устоявшихся браков. Те из супругов, кто почитал не Яхве, а иное божество, становились изгнанниками и присоединялись к поселениям бунтарей, расположенным за городскими стенами. Все эти действия, возможно, помогали бы созданию святого города и формированию у его жителей чувства единства, но точно не способствовали хотя бы возможности появления гармоничных взаимоотношений с окружающими поселениями. Каиниты также оказались по обе стороны городских стен; один вампир наскакивал на другого, а права на пищу отстаивались скорее обоюдными предостережениями, чем договором.

К 400 году до н.э. Иерусалим наконец начал напоминать религиозный центр с жизнеспособной – хотя и шаткой – экономикой и медленно растущим населением.

Антиохия в Иудее

Несмотря на тот факт, что Александр Великий никогда не вступал в Иерусалим, он оказал на город сильнейшее влияние. Императору несколько раз приходили сны, в которых ему было сказано, чтобы он позволил жителям Иерусалима (а, следовательно, и всем иудеям, вне зависимости от того, где они жили) жить по своим законам. Такое исключение, сделанное для явно незначительного

религиозного культа, будет иметь свои последствия в течение нескольких последующих столетий.

Когда Александр в 323 году до н.э. умер, где-то далеко Иудея и Израиль переживали попеременные завоевательные походы жителей Месопотамии и египтян. Эти волны неуверенного военного соперничества знакомых противников приводили жителей Иерусалима – как смертных, так и вампиров – в смятение, хотя их права, дарованные Александром, всегда соблюдались. Со временем, с запада в город пришло более цивилизованное влияние, и номинальная власть над восточным Средиземноморьем перешла к грекам.

С ростом численности кланов Тореадор и Вентру влияние греческой культуры стало постепенно распространяться по Ближнему Востоку. Мировоззрение греков, не такое замкнутое, скрытное и скованное традициями, как иудейское, склонно было поощрять обоснованность других идей, иных способов достигать нужного результата. Люди стали переосмысливать понятия «должного» поведения, «прекрасных» вещей и «правильного» миропонимания. Терпимость и интеллектуальное просвещение проповедовались одновременно с институтом рабства и молитвами.

Эллинистические традиции в Иерусалиме силой не насаждались, наоборот, обитатели города приветствовали новые образы мышления, а также сопутствующие им слабости – плоды цивилизации. В городе появились храмы греческих богов, а родители нарекали детей греческими именами. Инициатива о возведении в Иерусалиме гимнасиума, где люди могли бы изучать греческую литературу – а также заниматься физическими упражнениями на греческий манер, то есть нагишом – нашла поддержку даже у иудеев умеренных взглядов. Люди чувствовали, что создание в городе более «греческой» атмосферы могло поспособствовать развитию торговли и экономики и росту влияния города.

Антиох IV[22] взошел на трон в 175 году до н.э.; как царь Иудеи, он должен был ежегодно выплачивать значительную дань римлянам. Однажды двое горожан, каждый из которых претендовал на пост первосвященника, затеяли нечто вроде аукционной войны за должность. Антиох с радостью принял от одного из них крупную взятку, объявил его первосвященником… а затем, когда второй предложил

[22] Антиох IV Эпифан (ок. 215 до н. э. – 164 до н. э.) – сирийский царь из династии Селевкидов македонского происхождения, царствовал в Сирии в 175 – 164 годах до н. э. Иерусалим был захвачен его отцом, Антиохом III Великим, в 202 – 198 годах до н.э.

б***о***льшую сумму, выслал первого из города и организовал покушение на его жизнь. Назначив второго первосвященником после этого, Антиох ссыпал себе в карман обе взятки.

Антиох пополнял свою казну бесчестными способами вроде этого. И когда караван с податями для Рима покидал город, у царя еще оставались некоторые средства. Он решил отправить в метрополию несколько большую сумму, а взамен получил разрешение переименовать город. В честь местных правителей и самого царя Иерусалим стал называться «Антиохия в Иудее».

Помимо прочего, Антиох был склонен к излишней подозрительности, и после нескольких доносов стал полагать, что изгнанный кандидат на пост первосвященника на самом деле пытается не вернуть свое религиозное влияние, а поднять открытое восстание против царя (надо полагать, что армия, которую собрал несостоявшийся жрец, имела немалый вес в формировании такого мнения). В отместку Антиох в 169 году до н.э. разграбил сокровища Храма, а затем срыл городские стены, чтобы из получившихся камней выстроить крепость для себя и своих воинов.

Затем Антиох сделал еще кое-что, что сплотило всех иудеев и сподвигло их к открытому неповиновению. Царь не только зарезал на алтаре Храма жертвенную свинью (перед тем тайком посвятив алтарь Зевсу), но и воздвиг идола в виде каменного столпа во дворе святилища. Такое деяние явно не соответствовало широте и мудрости греческого мировоззрения, а было предательством по отношению к вере и святому Храму, исходящим от царя, который должен был хранить и то, и другое. В последующие месяцы иудеи открыто отвергли идеи и идеалы эллинизма, а против самого Антиоха, прозванного Осквернителем, в народе стало расти негодование.

Последствия

Осквернение Храма Антиохом впервые подвело религиозную доктрину иудаизма к роковой черте. В те или иные моменты истории Яхве предупреждал своих последователей о том, что уничтожит их, если те ослушаются его велений. Последнее бесчестье, причиненное им, породило в иудеях ощущение множества близящихся земных испытаний, определенных их божеством всем подряд. Если же, вопреки всем преследованиям, иудеи бы повиновались воле Яхве, они в конце концов были бы спасены от любых несчастий. Мир мог обрушить на иудеев пожары и потопы, голод и болезни, жестоких правителей и

преследования за веру – но, продолжая поклоняться Яхве, они бы все это пережили.

Антиох же, все продолжавший гневаться на непокорных последователей Яхве, издал указ, согласно которому новорожденные мальчики более не подвергались обрезанию. Этот обряд, однако, был физическим выражением договора между Яхве и иудеями, и запретить его было все равно что разлучить верующих с их верой. Антиох пошел еще дальше: он заявил, что иудеи должны отказаться от всех законов, отличающих их от остального населения империи. «Единое государство, единый закон» – решил он.

В книгах об этом сказано так: *«Тяжело и невыносимо было для народа наступившее бедствие. Храм наполнился любодейством и бесчинием от язычников, которые, обращаясь с блудницами, смешивались с женщинами в самых священных притворах <…> И жертвенник наполнился непотребными, запрещенными законом вещами. Нельзя было ни хранить субботы, ни соблюдать отеческих праздников, ни даже называться иудеем»*[23].

Неудивительно, что все это подданным Антиоха весьма не понравилось.

В 166 году до н.э. некто по имени Иуда, по прозвищу Маккавей (что означает «кузнечный молот»), организовал свой первый набег на греков. Зародившись как партизанское движение, восстание впоследствии получило помощь от Ассамитов, разгневанных вторжением развращенных западных европейцев в святые земли. Набеги были достаточно успешны и повторялись с завидным постоянством, так что Антиоху пришлось отменить свой указ о запрете обрезания. Но останавливать лавину было уже поздно. В 165 году до н.э. Маккавею удалось нанести грекам поражение. Лишь после этого Маккавей и его последователи вошли в Храм, чтобы начать долгий процесс очищения его от осквернивших его идолов.

Маккавеи отобрали Иерусалим у греков силой, но они были слабо организованы и обладали недостаточной мощью, чтобы удерживать власть и сопротивляться нападениям извне. Города-государства региона боролись друг с другом, а затем одно за одним пали перед армиями римлян. Те, кто бежал от Пунических войн (в их числе были и Бруха), возможно, именно тогда прибыли в окрестные земли. Местная политика переживала очередной переходный период, и Иудея (частью которой технически являлся

[23] Вторая книга Маккавейская, 6: 3 – 6.

Иерусалим), как и остальная Палестина, присоединилась к Римской империи. Случилось это в 63 году до н.э.

Вхождение в состав римского государства, однако, вовсе не означало, что неурядицы политического климата разрешились сами собой. В 44 году до н.э. был убит Юлий Цезарь, а с правителем Иудеи расправились годом позже. Сын убитого царя по имени Ирод в 37 году до н.э. подкупил императора Марка Антония и членов римского Сената, чтобы те подтвердили его право на трон Иудеи[24]. В течение нескольких лет Ирод продолжал отправлять императору взятки, то и дело сопровождая их некоторым количеством очевидной лести, например, назвав «Антонией» крепость, которую он выстроил к северу от Храма. Однако как только Антоний и его любовница Клеопатра (по совместительству упырица некоего Сетита) впали в немилость у своих богов, Ирод плавно перенаправил свою лояльность на Октавиана (и ему же переадресовал свои взятки).

Взявшись изменять облик города, Ирод объявил, что собирается заодно перестроить и Храм. Городские жители отнеслись к этой идее не то что бы недоверчиво – они выразили откровенный скепсис. Они сомневались даже не в том, что Ирод сможет восстановить былую славу Храма, а уже в том, что он доведет свой план до конца. Единодушное мнение обитателей Иерусалима сводилось к тому, что второй вариант куда более вероятен, и Ирод просто снесет остатки старого здания, затеет строительство нового, а потом ему либо наскучит, либо в казне закончатся деньги, либо царь отправится воевать, или вообще умрет – в общем, так или иначе, город вообще останется без Храма.

Несмотря на непопулярность своих идей, Ирод ответил на чаяния своих подданных тем, что собрал и оплатил все необходимые строительные материалы еще до того, как нанял рабочих, чтобы те снесли старую постройку. Затем он обучил тысячу священнослужителей Храма плотницкому ремеслу и искусству каменщиков, поскольку Храм должен был быть возведен с соблюдением всех возможных священных обычаев. Итак, реконструкция Храма началась. Новое основание было огромным – оно занимало около тридцати пяти акров земли[25]. Целый лабиринт поддерживающих структур и контрфорсов был возведен под будущей подошвой здания там, где она выходила за края

[24] Имеется в виду Ирод I Великий (ок. 73 – 74 гг. до н. э. – 4 до н. э.), царь Иудеи, основатель династии Иродиадов. На самом деле Ирод заручился поддержкой Марка Антония и Сената в 40 году до н.э., а в 37 году до н.э. он с помощью армии римлян отбил Иерусалим после набега парфян и уже там воссел на трон.

[25] Чуть меньше ста сорока двух тысяч квадратных метров.

естественных террас на склоне холма. Малкавианы, обитавшие в горных пещерах, обнаружили, что укрепленные подпорками катакомбы под юго-восточным отрогом Храмовой горы стали гораздо более удобными. Изгибы и повороты тоннелей предоставляли теперь лучшую защиту от солнечных лучей, чем пещеры на другой стороне долины, а кроме того, существование под Храмовой горой облегчало доступ непосредственно в город для охоты.

Восстановление Иерусалима, затеянное Иродом, одним Храмом не ограничилось. Он выстроил также ипподром и театр, несмотря на то, что эти виды развлечений были непривычны для местного населения. Все это, несомненно, пошло городу на пользу, поскольку его население за время правления Ирода выросло почти до ста двадцати тысяч человек.

К 10 году до н.э. Ирод озаботился тем, кому бы передать бразды правления – как выяснилось, имея на то веские основания. Когда в 4 году до н.э. он умер, римляне выбрали его сына Архелая в качестве этнарха[26], но не царя Иудеи. Архелаю было сказано, что однажды, возможно, он будет наречен царем – если докажет свою полезность как правитель.

Царь иудейский

Архелай не стал достойным правителем; наоборот, он быстро выказал свою жестокость, порочность и жадность. Кроме того, он высокомерно и беспечно относился к ведению собственных счетов, и неверно оценивал долю податей, которую мог безопасно отложить в собственный карман, прежде чем отправить остальное в Рим. В 6 году н.э. наместник палестинских земель отправил в Иудею войска, чтобы те конфисковали часть богатств Архелая в уплату его долгов римской казне, а также для того, чтобы провести перепись и выяснить, сколько же людей на самом деле населяет регион. Целью этого предприятия была проверка количества собираемых налогов, которое бы потом сравнили со сведениями о числе плательщиков, подаваемыми Архелаем. Так с аудиторской проверки, призванной разрешить налоговые разногласия, началась история второй из трех монотеистических религий, ныне направляющих жизнь Иерусалима.

---

[26] Титул правителя провинции в Древней Греции и Древнем Риме, а также лицо, носящее этот титул. Власть этнарха распространялась прежде всего на этническую или религиозную группу, и лишь как следствие – на территорию и другие этнические группы, по отношению к которым могла быть существенно ограничена метрополией

Условия аудита требовали, чтобы каждый житель региона вернулся в родное селение, чтобы быть учтенным в переписи должным образом; посему плотник по имени Иосиф покинул город Назарет и отправился в Вифлеем, забрав с собой беременную жену. Оказавшись там по повелению римских переписчиков, проверявших делишки Архелая, жена Иосифа, Мария, произвела на свет мальчика.

Римляне, по большей части, старались не вмешиваться в дела отдельных регионов, но этому правилу были примечательные исключения. В 26 году н.э. вновь назначенный прокуратор по имени Понтий Пилат отправил в Иерусалим свои отряды с огромными изображениями цезаря. Они были размещены в городе таким образом, что попадались на глаза горожанам всякий раз, когда те обращали взгляд на Храм. Вообще в городе было так много политических и религиозных течений, что их представителям трудно было достичь согласия даже в вопросе о том, в какой стороне север. Однако любая угроза Храму порождала единый фронт сопротивления. Штандарты, несшие на себе лик цезаря, были сняты, поскольку иудеи готовы были подставить глотки под лезвия солдатских мечей, лишь бы не терпеть новое осквернение Храма.

Еще примерно четыре года спустя в Иерусалим, как паломник, прибыл пророк из Галилеи по имени Иешуа. Оскорбленный тем, что торговцы жертвенными животными и менялы промышляли прямо внутри Храма, вместо того, чтобы расположиться снаружи, Иешуа буквально вытолкал их вон. Подобное хулиганство выглядело как потенциальная физическая угроза прочим религиозным паломникам, собравшимся в городе в преддверии Песаха, а также возможной угрозой нарушения святости Храма. Местное население отреагировало в точности так же, как и в тот раз, когда Храму угрожали действия Понтия Пилата: люди стали протестовать против осквернения святилища, и Иешуа был арестован.

> Касательно имен
>
> Имя «Иисус» – неловкая попытка преобразовать семитское имя «Иешуа» на нечто более созвучное греческому уху. Никаких суждений по этому поводу мы по понятным причинам не предпринимаем.

Проведя политическое расследование касательно того, имело ли преступление религиозную или мирскую подоплеку, Понтий Пилат возложил бремя решения дела на

религиозных лидеров. Выходка паломника мало что значила для прокуратора в сравнении с возможными волнениями, которые могли бы выплеснуться на улицы из-за сорванного празднования Песаха. Иешуа (да пребудет он в мире), в насмешку прозванный римлянами «царем иудейским», был распят на кресте, а его тело, ввиду того, что близилось время Шаввата, временно было помещено в пещеру. По легенде, передаваемой в клане Равнос из поколения в поколение, некий молодой Жулик украл один из гвоздей, которыми тело Иешуа было прибито к кресту. В результате этого сам воришка, да и весь его клан был освобожден от необходимости соблюдать заповедь «Не укради».

Когда Иешуа появился на улицах тремя днями позже, слухи об этом стремительно разнеслись среди верующих людей, и число последователей пророка резко возросло. После того как Иешуа, по рассказам, вознесся на небо, большая часть его учеников покинула город, и лишь немногие остались, чтобы приобщать к своему верованию местных жителей. Члены клана Малкавиан до сих пор утверждают, что вся эта кутерьма стала одним из лучших розыгрышей в истории. Инцидент с «воскрешением» был всего лишь ловким и успешным актом разграбления могил. Нет нужды упоминать о том, что многие миллионы верующих душ не согласятся с таким толкованием.

Разрушение Храма

Правители быстро сменяли друг друга на троне Иерусалима (и окружающей его Иудеи); время от времени возникали восстания против римского владычества. В 70 году н.э. Веспасиан, в течение нескольких лет сражавшийся в Галилее с бунтовщиками, был провозглашен в Сенате императором. Он оставил своему сыну Титу командование армиями в регионе, и тот выказал себя чрезвычайно талантливым полководцем. В начале того же года Тит развязал военную кампанию против Иерусалима, а к маю его войска уже пробились сквозь городские стены. За неделю римские солдаты заняли территорию города вплоть до торговых рядов, выстроенных Иродом. К июлю они окружили Храм, а восьмого августа армия Тита захватила и его.

Удерживая город в своих руках, Тит продержал своих воинов в городе целый месяц, а затем приказал сравнять взбунтовавшийся город с землей. Он пощадил лишь часть западной стены города, чтобы солдатам было где укрываться от непогоды. Хладнокровный римский воин по имени Марк, принявший участие в разрушении Храма и распятии

восставших иудеев, был Обращен вампиром Теофилисом из клана Каппадокийцев незадолго до того, как римляне месяцем позже ушли из Иерусалима.

Даже целой армии не хватило тридцати дней, чтобы полностью разрушить такой большой город, каким был Иерусалим, и очертания его границ остались. Храм, однако, римляне уничтожили полностью: его разграбили, сожгли, а затем разобрали по камешку. В городе остались лишь немногие уцелевшие жители, посвятившие остаток своих дней на то, чтобы отстроиться заново.

К этому моменту своей истории Иерусалим уже успел сменить множество названий, правителей, испытать на себе различные политические решения и стать домом для разнообразных религиозных течений. Несколько раз город был разрушен, и всякий раз отстроен заново; разгром, учиненный Титом, не стал исключением. На этот раз, однако, в Иерусалиме не объявился новый великий правитель, и в город не потекли реки золота; поэтому Храм не был вновь отстроен во всей красе и славе. После 70 года н.э. и до сего дня, вот уже одиннадцать столетий на Храмовой горе так и не появилось нового Храма, посвященного Яхве, на месте того, что был разрушен Титом. Однако, как и обещал Яхве, несмотря на опустошение, вызванное потерей Храма, иудейский народ выжил.

Элия Капитолина

Продолжая борьбу за избавление от владычества Рима, иудеи в 132 году н.э. попытались организовать еще одно восстание. Оно было быстро подавлено, и римляне приняли решение самостоятельно восстановить Иерусалим. На этот раз город получил имя «Элия Капитолина», в честь императора[27] и нового божественного покровителя – Юпитера Капитолийского. Остававшиеся в городе иудеи были изгнаны, и им запрещено было возвращаться.

Политическая обстановка в регионе начала изменяться, когда император Константин заинтересовался учением христиан. Когда он в 325 году собрал церковный Собор в Никее[28] (предположительно, по указанию Вентру), в состав приглашенных специальным эдиктом был включен патриарх

[27] Публий Элий Траян Адриан, более известный как Адриан (76 н.э. – 138 н.э.)

[28] Первый Никейский собор, он же Первый Вселенский собор, был созван императором Константином, чтобы окончательно разрешить разногласия между классическим толкованием и арианством, последователи которого считали Иисуса Христа не единосущным Богу-Отцу, а всего лишь наилучшим из сотворенных Им существ. На соборе были окончательно закреплены основные догматы христианства.

города, все еще называвшегося Элией. Однако это был всего лишь реверанс в сторону столь исторически значимого города, а не следствие его экономической или логистической важности для мира той эпохи. Элия, бывший Иерусалим, мало изменилась за два столетия: старомодная, лежащая вдали от торговых путей, не имеющая ни политического, ни коммерческого значения. В городе была налажена торговля, связанная с религиозным туризмом, но едва ли он мог похвастаться чем-либо еще.

> Патриархи
>
> Патриархами назывались религиозные лидеры центров христианского культа. Изначально патриархи были в Риме, Иерусалиме (или Элии), Антиохии и Александрии, а после Константинополь также получил своего патриарха.

Константин распорядился перестроить церкви Иерусалима за счет своей казны. Вознамерившись возродить город как христианскую святыню, император решил, что иудеи будут допускаться в город только один день в году, чтобы оплакать разрушение своего Храма. Кроме того, особой заботой Константина стало обнаружение пещеры, в которой покоилось тело Иешуа. Из местной истории и легенд (в конце концов, прошло всего лишь три сотни лет, и в то время на устные сказания можно было положиться, в отличие от письменных источников) место расположения пещеры-гробницы было легко установить. Собственно, она располагалась как раз под храмом Юпитера Капитолийского. Поэтому именно на этом месте был воздвигнута первая в Иерусалиме церковь из тех, строительство которых оплатил Константин – Храм Гроба Господня.

Константин доверил своей матери, Елене Августе, великую ответственность: объехать весь регион с помпезным поездом, демонстрируя положительные стороны правления ее сына. Она распоряжалась возводить церкви в каждом месте, которое могло бы стать священным для христиан. Однако одно событие, якобы имевшее место в ходе путешествия Елены по Святой Земле, трудно подтвердить. Хроникер, сопровождавший ее поезд, не упоминает ничего о том, что вдовствующая императрица якобы нашла Истинный Крест. Если уж на то пошло, в записях нет ни слова и о том, что именно эта реликвия была намерением и целью путешествия Елены. Тем не менее, считается, что к 390 году подлинность Креста была подтверждена, а честь его обнаружения приписана Елене. Обломки дерева,

предположительно являющиеся остатками Креста, разошлись по всему христианскому миру. Истинный Крест и Храм Гроба Господня продолжили играть весьма важную роль в истории Иерусалима и стали осью многих последующих событий.

Истинный крест

По рассказам, Истинный крест хранился в золотой раке и был украшен жемчугом и драгоценными камнями. За столетия он стал самостоятельным объектом почитания, и люди простирались ниц перед ним и падали в обморок, едва увидев его. Имеются записи о том, что почитатели защищали его ценой своих жизней, молились ему о собственном благе и создавали его копии.

Паломничество христиан в город продолжалось, несмотря на все тяготы пути. В 395 году во время своего путешествия к святыням Иерусалима женщина по имени Этерия была Обращена вампиром из клана Бруха. На посещение Святой Земли ее сподвигли именно слухи о находках Елены, а также возросшая популярность поездок в восточную часть региона.

На исходе века внутри христианской Церкви возникли новые смуты. От нее откололись несторианцы[29], а кроме того, начала расширяться пропасть между теми христианами, кто недолюбливал иудеев, и теми, кто еще помнил, что Иешуа (да пребудет с ним мир) сам был иудеем. В 438 году прошел слух о том, что иудеям позволят вернуться в Иерусалим, но когда те, кто решился на это, прошли городские ворота, на них обрушились камни. Трудно сказать, было ли это результатом землетрясений, время от времени терзающих город, или делом рук недружелюбных христиан.

Сура 2:193

Сражайтесь с ними, пока не сгинет неверие и не утвердится вера в Аллаха. Если же они отрекутся от неверия, то не должно быть вражды, кроме как к нечестивцам.[30]

[29] Учение несторианцев гласит, что в лице Иисуса Христа с момента зачатия неслитно соединялись две природы – Божеская и человеческая, окончательно объединившись только во время Крещения, и потому деяния Его также следует подразделять на человеческие (обычные поступки) и Божеские (сотворенные Им чудеса). В частности, поскольку рождение от Девы Марии – проявление человеческой природы, называть Марию Богородицей было бы, с точки зрения несториан, не совсем корректно. В противоположность им, в классическом толковании считается, что именно Бог родился от Девы как человек, а не соединился с родившимся от Неё человеком.

[30] Здесь и далее в случае использования в тексте цитат из Корана используется перевод М.-Н. Османова.

В том же году одна женщина, посетившая Иерусалим, рассорилась со своим супругом, Феодосием, который, как назло, был императором. Эта дама – ее звали Евдокия – вернулась в город в 444 году и распорядилась выстроить здесь лечебницу для паломников и дом для патриарха Иерусалима. По ее приказу также были перестроены городские стены, так, чтобы огородить разрастающиеся районы к югу; кроме того, Евдокия оплатила расширение Храма Гроба Господня. Эти усовершенствования Иерусалима пришлись по нраву Тореадору Элшу, обитавшему в регионе еще со времен первого Храма Соломона, и привлекли каинитов из Италии и Византии, спасавшихся из приходящего в упадок Рима.

В VII веке н.э., после изменения политической обстановки в регионе (нарастала угроза вторжения персов), Каппадокиец Абрахам покинул Иерусалим. Персия уже отхватила несколько огромных территорий, принадлежавших Византийской империи. Хотя персы поначалу намеревались подчинить себе иудеев и христиан мирным путем, позже они решили захватить Иерусалим при помощи армии, поскольку из-за ссор между представителями двух верований стало ясно, что спокойно сосуществовать бок о бок под властью персов те и другие не смогут. Этерия из клана Бруха также уехала из города в Вифлеем, когда персидские армии приготовились осадить Иерусалим.

Осада длилась сорок дней, затем персы вошли в город. Пленники-христиане, способные к работе, в том числе и патриарха Иерусалима (у которого хранилась часть Истинного Креста), были отправлены в столицу персов. Власть в Иерусалиме впервые за много веков досталась иудеям. Они возобновили поклонение согласно своим традициям в предусмотренных для этого местах, а также совершили жертвоприношения на том месте, где располагался алтарь старого Храма.

Однако по неизвестным доселе причинам персы изменили свое решение. Менее чем через три года после взятия города они вновь изгнали иудеев и вернули власть в городе себе.

Аль-Кудс

События развивались стремительно. К 634 году мусульмане стояли лагерем вокруг Вифлеема, и взор их был устремлен на Иерусалим.

Считается, что Этерия из клана Бруха, возможно, приняла существенное участие в этом мусульманском завоевании, предоставив завоевателям все ресурсы Вифлеема для захвата Иерусалима. Предыдущие правители мало что могли предложить каинитам (особенно тем, чьи тайные планы были связаны с христианским миром, как планы Этерии), тогда как определенные тенденции, наметившиеся в мусульманских завоеваниях, предполагали, что смена власти пойдет на пользу интересам каинитов. При этом некоторые любопытные намеки указывают на то, что Этерия была, как минимум, косвенно способствовала продвижению мусульман к Иерусалиму.

Мусульмане захватили Иерусалим в 635 году; очевидно, это произошло бескровно или с небольшим кровопролитием (а также, видимо, со сверхъестественной помощью). Возможно, город испросил у осаждающих те же условия сдачи, на которых был захвачен Дамаск: обитателям города будет гарантировано сохранение жизни, имущества, места жительства и церквей (которые не будут захватываться или уничтожаться) до тех пор, пока завоеванные горожане не будут демонстрировать свою непокорность.

Мусульмане, однако, вновь изменили название города. Теперь, как гласил указ завоевателей, Иерусалим назывался Байт аль-Макдис, или «дом святыни». Через пару десятков лет это название сократилось до разговорного «святой», или «аль-Кудс». Город вновь стал открытым для иудеев и мусульман, а христианам было позволено проходить через него, так как они являлись дружественными «людьми Писания».

«Люди Писания»

Кораническое право учит, что необходимо чтить всех «людей Писания». Это дарует иудеям и христианам особое положение в смысле вероисповедания. Если неверующих поощряют к переходу в ислам, последователи Яхве и Христа считаются исключением. Ислам недвусмысленно признает, что его корни тесно переплелись с иудаизмом и христианством. Коран выражает замешательство Аллаха по тому поводу, почему иудеи и христиане не видят неотвратимости ислама, но это уже следует из коранических комментариев. Яхве, Господь Бог или Аллах – в мусульманском понятии все три религии почитают одно божество под разными именами. И все три верования

толкуют один текст. Поэтому иудеям и христианам в аль-Кудсе рады.

В суре 3:64 сказано:

«О люди Писания! Давайте признаем единое слово для вас и нас, о том, что не будем поклоняться никому, кроме Аллаха, что никого другого не будем считать равным Аллаху, что никого, кроме Аллаха, из людей не признаем Господом над другими». А если они откажутся, то скажите им: «Свидетельствуйте, что мы – предавшиеся Аллаху».

Мусульмане, разумеется, были отлично осведомлены о святости города и о его значимости для иудеев. Как следует из исторических хроник, мусульмане разрешили иудеям вернуться в город почти сразу же после того, как взяли власть в свои руки – так быстро, как смогли открыть ворота. Более того, иудеям немедленно позволили посещать место, где стоял Храм, и халиф Умар[31] распорядился, чтобы Храмовую гору очистили от мусора. Христиане не застраивали вершину горы, следуя пророчеству Иешуа о том, что от Храма не останется камня на камне.

Вместо этого христиане превратили Храмовую гору в огромную мусорную кучу.

После того, как вершина горы была очищена, с одного из ее краев Умар возвел непритязательного вида мечеть. Иудеям было позволено молиться возле единственной сохранившейся части Храма, которая стала известна как Стена Плача, тогда как мечеть приютилась с другой стороны горы, так, чтобы не мешать богослужению иудеев. С чисто практической точки зрения, Храмовая гора имеет плоскую вершину и при этом достаточно высока, чтобы быть заметной из большей части города – превосходное место для муэдзина, голос которого призывает верующих к молитве. Наконец, как последователи авраамической религии[32], мусульмане также считали это место священным.

Сказания Иерусалима: Ночной полет

Однажды ночью в 620 году архангел Джабраил (Гавриил) принес Мухаммеда (да пребудет с ним мир) в Иерусалим, усадив его на крылатого коня Бурака. Достигнув города, они приземлились на Храмовой горе. Там их ожидали множество пророков – предшественников Мухаммеда, среди которых были Адам, Ибрахим (Авраам), Муса (Моисей), Иса (Иисус),

[31] Абу́ Хафс У́мар ибн аль-Хатта́б аль-Адавий (585 – 644) выдающийся государственный деятель, второй правитель Праведного халифата. Известен как Умар I(Омар I).

[32] Общее название монотеистических религий, происходящие из древней традиции, восходящей к патриарху семитских племён Аврааму – первому человеку, поверившему Господу. Все они в той или иной мере признают Ветхий Завет.

Яхья (Иоанн Креститель) и другие. Мухаммед и Джабраил взошли по лестнице через семь небес к трону самого Аллаха, где Мухаммеду было явлено последнее откровение, которое настолько превосходило меру человеческого понимания, что пророк оказался не в силах изложить его словами. В конце Ночного полета Джабраил перенес Мухаммеда обратно в Мекку.

Несколькими годами позже, в 691 году, халиф Абд аль-Малик[33] выстроил мечеть Купол Скалы, чтобы защитить и увековечить место, с которого пророк Мухаммед вознесся на небо. За последующие несколько лет все святыни города претерпели различные преобразования, не без участия Тореадора Элша и его храмовых зодчих. Император Карл Великий также принял решение о необходимости сделать что-то для паломников, прибывающих в Иерусалим, и обеспечил строительство лечебницы, церкви и монастыря, которые были включены в комплекс Храма Гроба Господня. Монастыри строились и за городской чертой, вдали от беспорядочной городской застройки и тесноты.

Халифы

Звание «халиф», означающее «наследник» или «наместник» – это титул мусульманских религиозных, военных и политических лидеров. Его подтекст заключается в том, что носитель титула избран самим Аллахом за их проницательность и мудрость.

Странно, но Иерусалим каким-то образом не превратился в поле битвы в ходе двух следующих региональных восстаний населения. Династии Аббасидов и Фатимидов сражались за лидерство в мусульманском мире, но различия в богословии были достаточно малы, и аль-Кудс оставался растущим и процветающим городом. Иудеи и христиане, согласно хронистам всех сторон, не страдали под властью мусульман, и город продолжали посещать безо всяких ограничений паломники, торговцы и купцы.

Иудеи также воспользовались периодом относительного спокойствия, чтобы расширить свои владения в пределах города и увеличить свою численность. После захвата Иерусалима мусульманами совет старейшин иудеев, называемый «ешива», вновь обосновался в городе. Эта группа диктовала своим людям распорядок религиозного календаря, ритуальных отправлений и законодательных решений. Через

[33] Абд аль-Малик ибн Мерван (646—705) — пятый халиф из династии Омейядов. Халифат Омейядов пришел на смену Праведному халифату.

несколько сотен лет иудеи снова торговали в собственных лавках, строили школы и синагоги, и жили припеваючи.

Каппадокиец Абрахам около 815 года дал Становление молодому ученому-иудею по имени Адам, чтобы помочь ему в его изучении священных тайн. Примерно тогда же в Иерусалим вернулся Бруха Бонифаций, восставший из оцепенения. Он взял на себя заботу о безопасности паломников, остановившихся в приютах, выстроенных на деньги Карла Великого, и лично уничтожил парочку наиболее неразборчивых местных каинитов за то, что они осмелились искать себе пищу в его стаде.

> *«О, как это умно со стороны Бруха и Салюбри – присматривать за приютами, устроенными прямо посреди города для без конца сменяющихся толп паломников … эти люди, возможно, ослабли после долгого пути в чужую страну. И вот их убеждают собраться в приюте на ночь – ради их собственной «безопасности»! Ха!»*
>
> *Варшик*

Тем временем в Европе Папа римский Урбан II воспылал гневом: чашу его терпения переполнили постоянные мелкие свары между европейскими государствами. В 1095 году он пришел к мысли о том, что лишь великая религиозная миссия заставит всех этих баронов, герцогов и королей трудиться бок о бок ради общего блага вместо того, чтобы вцепляться друг другу в глотки по любому поводу. Разумеется, для реализации этой идеи требовался один существенный ингредиент: враг, против которого христианская Европа была бы вынуждена сплотиться. Выбор понтифика был очевиден. Под занавес XI века Папа Урбан II призвал к освобождению Иерусалима из рук неверных сарацин.

> *Франж* и сарацины
>
> Люди испытывают непреодолимое стремление давать всему имена, в том числе и другим людям. Вот только одни люди редко понимают самоназвание других правильно. Мусульмане в этом смысле оказались точнее всех: европейцы называли себя франками, и в устах арабов это прозвучало как «*франж*». Христиане же называли противников «сарацинами»; возможно, этот термин был изобретен их собратьями по вере в IV веке. В течение всего следующего V столетия христианские полемисты высказывали мысль о том, что арабы сами себя называли «народом Сары», утверждая таким образом свое происхождение от Сары, жены Авраама, а не от Хагар, его

наложницы. Доказательств того, что мусульмане (или прочие арабы) действительно так считали, не существует, как и того, что они сами называли себя сарацинами.

Путь крестового похода

Одновременно со своим призывом Папа объявил, что паломники, направляющиеся в Иерусалим и к другим святыням, будут освобождены от подорожных пошлин и налогов на их пути по всей Европе. Мусульманские власти, однако, отказались плясать под дудку европейцев. Поэтому при пересечении границы владений мусульман пилигримам (особенно шедшим большими группами), чьи наряды с нарочитой ясностью указывали на цель их пути, обыкновенно предоставляли выбор: лишиться своего добра или своей жизни. Рассказы о подобных происшествиях докатились обратно до Европы и породили предсказуемый ответ. Причем возмущение охватило и мир нежити, поскольку каиниты (в основном христиане-Ласомбра) восприняли эти вести как вероятный признак того, что их интересы в регионе нуждаются в лучшей защите.

Второкнижие 30:15
Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло.

Вильгельм Тирский[34] предположил, что Первый крестовый поход пришел в Иерусалим в отместку за разрушение Храма Гроба Господня, которое произошло за девяносто лет до этого по приказу халифа аль-Хакима[35]. Интересно то, что из записей Вильгельма очевидно: несмотря на уничтожение церкви, число паломников не снижалось. Наоборот, их количество беспрестанно росло (отчасти благодаря усилиям Бонифация), и Иерусалиму требовалось все больше и больше ресурсов, чтобы эти люди были накормлены и имели крышу над головой. Правители города наконец осознали, что в их руках оказался мощный источник доходов – религиозный туризм.

Ящерица

[34] Вильгельм Тирский (ок.1130 – 1186) – французский историк, священнослужитель и хронист, архиепископ Тира, автор «Истории деяний в заморских землях», по сути – истории Королевства Иерусалимского и других государств крестоносцев, образовавшихся после Первого крестового похода.

[35] Халиф аль-Хаким – полное имя Абу Али Мансур аль-Хаким Биамриллах (996 - 1021) – халиф из династии Фатимидов. Воплощением Аллаха халифа объявил его ближайший друг и советник ад-Дарази (впоследствии он построил на этом собственное вероучение – религию друзов). Вероятно, именно ад-Дарази оказал значительное влияние на мировоззрение аль-Хакима, настроил халифа против немусульман, таким образом решив и свои проблемы.

За несколько сотен лет мира нашлось, однако, одно заметное исключение, и имя ему было халиф Аль-Хаким. Унаследовав от отца трон халифа Каира, этот человек, получивший прозвище «ящерица», стал яростно преследовать иудеев и христиан, особенно живших в Иерусалиме. В 1009 году он распорядился снести все церкви и синагоги города, особенно его привлекал Храм Гроба Господня. Аль-Хаким потребовал, чтобы были уничтожены даже самые камни, образовывавшие пещеру-гробницу.

Затем, наперекор учению Корана, аль-Хаким решил, что иудеи и христиане, защищенные от обращения шариатом, должны принять ислам. Тех христиан, кто отказался это сделать, понуждали носить на шее тяжелый крест, а воспротивившимся иудеям на шею вешали деревянный хомут.

После аль-Хаким обратил взор на своих собратьев-мусульман. Он объявил себя новым воплощением самого Аллаха, который вернулся на землю, чтобы явить своим последователям новое откровение. Он приказал, чтобы в ежедневных молитвах вместо имен Аллаха упоминалось его имя. Вместо того, чтобы подчиниться, мусульмане взбунтовались. То, что его собственный народ восстал против его указов, взъярило аль-Хакима пуще прежнего. В отместку халиф в 1017 году отменил ограничения, введенные им против иудеев и христиан, и вернул им их собственность.

Запреты для мусульман, напротив, были расширены. Верующим запретили соблюдать Рамадан, а также совершать *хадж* – паломничество в Мекку, которое каждый благочестивый мусульманин должен предпринять хотя бы раз в жизни. Таким образом, аль-Хаким подорвал два из пяти столпов ислама. Ослушников ждали пытки. В правление аль-Хакима любой, будь он высокородный или простолюдин, мог быть убит по прихоти халифа. Имеется запись о том, что некий полководец раз застал аль-Хакима за разрубанием на части тела ребенка. Он бежал оттуда и едва успел привести свои дела в порядок перед тем, как в его дом заявились палачи халифа.

К счастью, аль-Хаким не мог жить вечно. В 1021 году он выехал из Каира в пустыню, и с тех пор никто – по крайней мере, смертные – его не видели.

Кроме того, аль-Хакимом были разрушен не только Храм Гроба Господня. Сумасшедший халиф распорядился снести несколько других христианских церквей, а также еврейских синагог и даже мусульманских мечетей. Это распоряжение, возможно, было вызвано явлением, которое свидетели описывают как нисхождение Благодатного Огня; сам же аль-Хаким посчитал его нечестивым колдовством.

Евангелие от Иоанна 8:51

Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек.

Уничтожение христианских храмов, а в особенности Храма Гроба Господня, возымело сильное влияние на лидеров римской католической церкви, а также на вампиров клана Ласомбра, таких, как Палиуро. Множество церквей, выстроенных на деньги императора Константина, стали для всего мира символами могущества и отличного устройства католической церкви и власти ее патриархов, и на их разрушение нельзя было смотреть сквозь пальцы. В 1030 году император Константин IX Мономах выделил средства на восстановление Храма Гроба Господня, которое завершилось к 1048 году. Мусульманских правителей немного раздражали лики Иисуса (да пребудет с ним мир) внутри храма, поскольку исламским законом запрещены изображения [живых существ], но никаких существенных возражений против возведения церкви на священном для христиан месте они не нашли.

Вильгельм Тирский предлагает и некоторые иные возможные мотивы для крестовых походов: страх порабощения (хотя от кого должна была исходить угроза?), слухи о том, что неверующие сидели на алтаре храма (что было трудно доказать), и о том, что статуи святых в храме были разбиты (это уже похоже на правду, учитывая запрет на создание идолов в исламе, но вряд ли стало бы достойной причиной для того, чтобы прошагать тысячи миль и осадить город, окруженный стенами), а также разговоры о том, что христиан, живущих в Иерусалиме, заставляли восстанавливать стены и башни города.

Последний повод выглядит правдоподобной, но следует учесть то, что *все* жители города за прошедшее столетие участвовали в возведении новых стен. Что касается христиан, то им было поручено строительство четверти периметра. Это задание не могло считаться несоразмерно тягостным, поскольку более четверти жителей города следовали учению Христа. Сами местные христиане, однако, утверждали, что собираемые налоги ввергли их в такую нищету, что они смогли бы починить одну, ну, может быть, две башни. Они даже отправили императору Константину IX дары, дабы тот облегчил их участь. Вопрос о том, как они сумели собрать средства на дары, достойные императора, если не могли позволить себе траты на ремонт стен, так и остался без ответа, зато стал источником веселья для тех каинитов, кто наблюдал за этой историей и удержал ее в памяти. Император Константин заставил христиан, живших на Кипре, оплатить материалы для ремонта, а затем выудил из

мусульманских правителей Иерусалима обещание: если христиане восстановят порученную их заботам четверть стены, то в этой части города будет позволено жить исключительно христианам. В 1063 году христиане завершили строительство стен вдоль того квартала, что ныне зовется Христианским, и мусульмане, которые жили в нем на протяжении нескольких поколений, были вынуждены переехать в другую часть Иерусалима.

> *Сура 3: 185*
> *Каждый непременно вкусит смерть.*

Несмотря на ворчание иерусалимских последователей Христа, мусульманские власти относились к христианам-паломникам довольно-таки любезно. В центре города были выстроены лечебницы, чтобы обеспечить путешественникам кров и заботу, иначе бы им пришлось скитаться по улицам в ночи. Безопасность паломников была закреплена договором между целителями Салюбри и их союзниками-Бруха, несмотря на то, что пилигримы оставались основным источником пищи для каинитов города. Помимо этого, правительство Фатимидов начало выплачивать деньги ешиве – совету иудеев, который был разогнан халифом Хакимом Безумным.

Несмотря на относительно милостивое правление исламского режима, Папа Урбан II в 1095 году призвал к освобождению Иерусалима. Народ не был охвачен праведным гневом, требуя этого, да и ни один обитатель самого города не просил, чтобы его спасали; а последователей Иешуа никто не преследовал. И все же необходимо было найти логичный повод для того, чтобы раздробленная европейская знать занялась чем-то еще, кроме междоусобиц и вторжений на чужую территорию; итак, армии европейских королей отправились в поход. Подойдя к Иерусалиму, крестоносцы осадили город.

Между исламскими князьями существовал некоторый разлад; они желали защитить город от фанатиков, расположившихся под его стенами, но не имели на то сил и средств. Пока мусульмане растрачивали впустую отпущенное им время и свои ресурсы, а крестоносцы осаждали Иерусалим, Этерия из Вифлеема отправила посланников в город, предложив каинитам, обитавшим в нем, убежище. Кое-кто остался в городе и уцелел в последовавшей резне, таким образом избежав обязательств перед Этерией. Вплоть до этой ночи она тщательно помнит обо всех своих должниках.

Победа крестоносцев

Город был взят утром 15 июля 1099 года. Его укрепления были пробиты с северной стороны, и рыцари рекой хлынули в Иерусалим. Они жестоко отпраздновали свою победу. Все население города, независимо от своих религиозных убеждений, было предано мечу либо огню; в резне, продолжавшейся семь дней и ночей, погибли около семидесяти тысяч горожан. Согласно записям хронистов, воины ехали верхом по колено в крови, а сами лошади были вымазаны алым до сбруи. На пересечениях главных улиц Иерусалима беспорядочными грудами были свалены отрубленные головы. Всякий, кого крестоносцы находили внутри городских стен – будь он христианин, мусульманин или иудей, каинит или смертный – умерщвлялся. Улицы, дома и городские стены сочились кровью, повсюду были разбросаны фрагменты тел.

У крестоносцев существовал весьма специфичный подход к захвату города. Если кто-либо находил дом, который ему нравился, этот человек просто вырезал хозяев, а затем вешал собственный щит на дверь, чтобы закрепить жилище за собой. Первый, кто успевал сделать это, сам становился хозяином. Все, чем можно было владеть – в том числе большая часть построек города – переходила в новые руки посредством простого убийства законного владельца. Тем временем королем Иерусалима стал Готфрид Бульонский. После его смерти от тифа в 1100 году на трон взошел его брат Балдуин.

Проблема заключалась только в одном: кто будет жить в Иерусалиме?

В результате завоевания все местное население было уничтожено или разогнано, и очень немногие пожелали поселиться на их месте. Город располагался в глубине враждебных земель, а согласно правилам, установленным крестоносцами, все новые горожане должны были быть христианами.

Однако сами христиане, занявшие город, хотели вернуться в Европу, к своим земельным наделам и поместьям. Их славный крестовый поход был окончен, Иерусалим вырван из лап мусульман, и пришло время возвращаться к супругам, владениям и уже привычным политическим стычкам. Даже простые пехотинцы, не имевшие никаких особых причин идти обратно в Европу, были слабо заинтересованы оставаться в Иерусалиме. В

прибрежных городах неподалеку еще можно было разжиться каким-нибудь добром.

Тем не менее, после завоевания города крестоносцы не могли просто так взять и уйти. Кому-то необходимо было остаться, и предпочтение отдавалось воинскому гарнизону. Только что учрежденный в Иерусалиме католический патриархат был влиятелен, но избалован, и вряд ли удержал бы столь важный город, как Иерусалим, без помощи вооруженных людей.

Хотя христианское население вернулось в город довольно-таки быстро, одной из проблем стало крайнее его разнообразие. Постепенно в Иерусалиме обосновались все конфессии христиан: православные, сирийцы (которые в войне оказались почти бесполезны), армяне (несмотря на непримиримую ненависть между ними и православными), грузины, якобиты, несторианцы – и это не учитывая множества различных группировок самих латинян, среди которых были германцы, испанцы, галлы, италийцы и прочие. Каждая конфессия христиан, по неким и, бесспорно, обоснованным причинам, испытывала к остальным ревность и была склонна к сварам. Политическое и религиозное напряжение нарастало, и не только при свете дня. Обстановка в подлунном мире оставалась не менее напряженной, и передвижение между соседними районами города, придерживающимися различных верований, было затруднительным для всех каинитов, а в особенности для тех, кто еще цеплялся за свою принадлежность к той или иной вере или нации в прежней, смертной жизни. Стычки между вампирами то и дело окрашивались кровью, хотя страдали в них обычно смертные; например, бессмертные приверженцы армянской католической церкви могли в ходе «ужина» наделать шуму в квартале православных греков, и наоборот.

Крестоносцы не стали разрушать Купол Скалы и мечеть аль-Акса, возведенные на Храмовой горе, хотя мечеть серьезно пострадала. Очевидно, рыцари были осведомлены о том, что эти здания не могли являться частью Храма Соломона – да и вообще не относились к иудейской традиции – однако они, похоже, посчитали оба здания за христианские церкви, превращенные мусульманами в мечети. На основании этого ошибочного предположения крестоносцы вознамерились произвести «обратные» преобразования.

Этот процесс начался около 1114 года, а в 1142 году здания были официально освящены во славу Господа христиан. Основные возражения мусульман (ведь храм все-таки являлся объектом поклонения и для них, а Бог, Аллах и

Яхве суть лишь имена) состояли в том, что христиане в своих ничтожных человеческих стараниях попытались изобразить лик Господа в процессе украшения церкви. Что интересно, крестоносцы оставили на месте поучительные исламские надписи; возможно, они просто не догадались, что причудливо изогнутые линии – это каллиграфическая арабская вязь.

На самом деле основная заслуга в сохранении интерьеров мечетей принадлежит иерусалимским христианам и мусульманам из клана Ласомбра, заключившим друг с другом ненадежное соглашение. Поскольку на тот момент влиянием в городе обладали христиане, они сумели выторговать себе больше выгод в этом договоре, чем смогли бы в другое время. Тем не менее, когда странствующий (в то время) старейшина клана Ибрагим пригрозил осесть в Иерусалиме и приглядывать за происходящим в городе лично, его слов оказалось достаточно, чтобы христиане пошли на некоторые уступки.

Однако все эти преобразования не решили основной проблемы: формирования в Иерусалиме постоянного христианского населения. Для тех, в ком еще пылало рвение совершать подвиги во имя креста, оставался один, весьма притягательный выход: создать организацию во имя служения Богу. Как пишет Вильгельм Тирский, «в тот год [1119], некоторые набожные и богобоязненные благородные рыцари, посвятив себя Господу, дали обет жить вечно в бедности, послушании и целомудрии». Король Балдуин II, а с ним множество придворных и церковных служителей даровали этой новой организации земли и прочее имущество, что-то навсегда, что-то на время, чтобы обеспечить их длительное присутствие в городе. Так был основан орден рыцарей-храмовников, или тамплиеров. Вскоре после создания орден привлек внимание предприимчивых вампиров Вентру, и вскоре некоторые из них проникли в его ряды.

Становление организации шло столь медленно, что через десять лет в ней числилось всего девять рыцарей. Именно рыцари-тамплиеры первыми завели традицию нашивать на свои белые одежды красные кресты, и позже он стал называться символом крестоносцев. Вначале тамплиеры оставались верны своей благородной цели. Однако орден прирастал богатством и новыми воинами, и в непродолжительном времени стали происходить сомнительные вещи, после которых рыцари перестали поддерживать патриарха Иерусалима. Храмовники

превратились в проблему. Каким-то образом Купол Скалы перешел в их собственность вместе с другими землями. Христианам не было до этого особого дела; церковь (то есть бывшая мечеть) на Храмовой горе пока еще не являлась объектом поклонения паломников. Наоборот, значение этого места было больше негативным: именно там Иешуа был предан. Тем не менее, мусульмане из клана Ласомбра посчитали сложившуюся ситуацию ударом, нанесенным им их злейшими врагами, и напряжение вновь усилилось.

Тамплиеры превратили мечеть в склад, а под Храмовой горой обустроили стойла для лошадей. На верхушке холма и мусульманам, и иудеям было запрещено всяческое проявление насилия, а крестоносцы устроили в здании храма арсенал, разместив там свои доспехи и оружие. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения последователей ислама из числа Ласомбра, и они решили лично ответить на такое оскорбление. Их собратья-христиане не шевельнули и пальцем, чтобы остановить мстителей (но и не помогали им), а в результате под Храмовой горой состоялось кровавое побоище. К несчастью для Ласомбра, единственный участвовавший в ней Вентру сумел протянуть достаточно, чтобы позвать на помощь своих смертных сотоварищей, и в конечном итоге в драке погибли практически все в нее вовлеченные – люди и вампиры. Город одновременно лишился как группировки Ласомбра-мусульман, так и прямого влияния Вентру. Что касается ордена тамплиеров, то они уже достаточно крепко стояли на ногах, и уцелевшие Ласомбра терпели их существование, хоть и без удовольствия.

Примерно в это же время была основана лечебница (госпиталь) Святого Иоанна. Как и рыцари-тамплиеры, хранители лечебницы – рыцари-госпитальеры – были объединены идеей святого милосердия. Однако если храмовники стали богатыми и воинственными, госпитальеры на том же поприще сумели остаться воинственными и милосердными. Заработав себе репутацию яростных бойцов, они успевали еще и опекать ежегодно более тысячи христианских паломников.

Как и тамплиеры, рыцари Ордена Святого Иоанна были в той или иной мере выведены из-под правовой юрисдикции патриарха и частично освобождены от налогов. Оба воинствующих монашеских ордена были уникальными продуктами крестовых походов, подчиняющимися непосредственно Папе Римскому, а не кому-либо из мирских правителей. Их присутствие стало заметным шипом в боку

отца Палиуро, который считал свое влияние на патриарха последней инстанцией во власти христиан в городе.

> Между двумя группами крестоносцев, каждую из которых объединял принцип христианского милосердия, стремительно развилась взаимная антипатия, которую лишь частично можно списать на влияние каинитов. Госпитальеры возвели в углу своего больничного комплекса башню, которая оказалась выше Храма Гроба Господня. Тамплиеры запротестовали, утверждая, что любое здание Иерусалима, превосходящее Храм по высоте, оскорбляет Господа. Госпитальеры в ответ стали мешать службам в церкви, звоня в колокола на башне одновременно с началом проповеди патриарха. Когда же тамплиеры обвинили соперников в неуважении к патриарху, те ворвались в Храм Гроба Господня и спустили стрелы с нескольких луков.
>
> Доносившееся из некоторых лачуг и катакомб хихиканье наверняка было отзвуком шального порыва ветра.

Приток каинитов

Азиф из клана Бруха прибыл в Иерусалим в 1120 году и сразу же принялся подрывать властные институты смертных христиан, намереваясь разрушить Иерусалимское Королевство. Носферату Эфраим дал Становление искалеченной бродяжке Ханне, произошло это около 1180 года. Беженцы, укрывшиеся в вотчине Этерии, Вифлееме, начали возвращаться в Иерусалим после того, как город перешел во власть крестоносцев; для последователей Христа этот процесс оказался проще, чем для приверженцев иудаизма или ислама – мощь смертной власти склоняла политику каинитов на сторону христиан. Для вампиров-мусульман и иудеев было весьма затруднительно, а то и невозможно, просочиться в ряды христианских организаций (если, конечно, они не применяли собственную дисциплину Затемнения направо и налево, так как у местных Носферату и без них было чем заняться): культурные различия споро выявляли любые их усилия и сводили их на нет. Каиниты-христиане же с удивительной быстротой обустроились за спинами большей части влиятельнейших смертных властителей.

Нехристиане в городе

Взятие города и последующая резня оставили во вновь заселенном городе не более двухсот иудеев. Они жили возле

Башни Давида[36], которая считалась наиболее укрепленным строением во всем городе. Вполне закономерно, что они были несколько озабочены безопасностью своей жизни под властью христиан.

Официальная перспектива для мусульман была несколько иной. Немногие последователи ислама даже пытались остаться в городе. Они чувствовали, что *франж* скоро заскучают от безделья, затоскуют по оставленным в Европе семьям и поместьям и вскоре просто уйдут прочь. Иерусалим утомит *франж* и вернется в руки мусульман, а посему стоит ли тратить время своих жизней, чтобы затевать военную кампанию и захватывать то, что и так будет принадлежать им через несколько лет?

Однако подобное отношение стало меняться по мере того, как христиане становились все более и более заносчивыми. Иноверцы, жившие в Иерусалиме и возле него, подвергались бесконечному «обстрелу» религиозными лозунгами и зачастую становились целями и жертвами нападений. К ним питали изрядную симпатию Носферату и Гангрелы, обитавшие в городе почти так же долго, как иудеи. Более того, крестоносцы совершенно не терпели отправления ритуалов какой-либо религии, кроме христианства, причем привычного им самим, и над вампирами-иноверцами ширилась угроза насильственного обращения, исходящая от отца Палиуро.

> «Дин»
>
> «Дин» – хитрое словечко, не всегда поддающееся переводу с арабского языка. Оно может относиться к религии вообще, а может обозначать исключительно ислам. В зависимости от контекста, однако, «дин» может переводиться как «Божий суд». Поскольку «аль» является определенным предлогом, султан Салах, очевидно, носил прозвище «набожный».

В 1169 году Нур ад-Дин[37] объявил о своем намерении изгнать почитателей креста из мечети аль-Акса и возродить Иерусалим. Хорошего, считал он, понемножку.

---

[36] Древняя цитадель, расположенная недалеко от Яффских ворот, была построена во II веке до н. э. и последовательно разрушена и перестроена соответственно персидскими, христианскими, мусульманскими, завоевателями Иерусалима. Название Башня Давида получила от византийских христиан, которые считали, что в этом месте был дворец царя Давида.

[37] Нур ад-Дин Махмуд Занги (1116 – 1174) – сельджукский атабек Халеба (Алеппо) с 1146 года, с 1154 года амир Дамаска, представитель династии Зангидов. Дипломатическими и военными успехами Нур ад-Дина арабский мир превратился в силу, способную противостоять крестоносцам.

Но лишь его племяннику, Салах ад-Дину ибн Айюбу[38], удалось наконец сделать это.

Салах ад-Дин (чье имя западные хронисты переиначили до «Саладин»), вообще-то был не арабом, а курдом. Хотя он был изысканно воспитан и отличался милосердием, не эти качества заставили его возглавить войско и выступить против крестоносцев. Салах ад-Дин был тверд в своей вере, чист от ересей и не допускал теологических ошибок. Он с трудом терпел новые веяния в исламе, хотя благосклонно взирал на идеи, проповедуемые иными религиями. Его толкование коранического права было традиционным, что, без сомнения, спасло жизни немалого количества христиан. Салах ад-Дин намеревался нести ислам в ряды франков после того, как будет разрешен текущий конфликт.

Салах ад-Дин собрал армию и привел свои войска в Святую Землю, чтобы противостоять силам крестоносцев. В 1187 году, 4 июля, противники встретились около Хаттина, местечка в Галилее, вопреки возражениям множества христианских стратегов – и защитники креста были сокрушены. Сарацины захватили в плен короля франков Ги де Лузиньяна, его брата Жоффруа, а с ними нескольких других благородных рыцарей. В руки воинов Салах ад-Дина также попал Истинный Крест, который крестоносцы, отправившись на битву, взяли с собой. Надо полагать, рыцари посчитали это отличной идеей: они тащили Крест на себе весь путь от Иерусалима до Галилеи, а затем мусульмане, хоть и чувствовавшие себя победителями, но все же уставшие от сражения, должны были нести святыню обратно в город.

Согласно хроникам христианских писцов, дальше произошло вот что: воины Салах ад-Дина окружили короля Ги и прочих благородных воинов и отослали их в Дамаск. Рыцарей-храмовников и госпитальеров военачальник мусульман приговорил к смерти. Его воины, однако, надеялись получить выкуп за тех и других, и не собирались освобождать своих пленников. Тогда Салах ад-Дин предложил собственным солдатам деньги за плененных ими рыцарей, заплатив пятьдесят египетских динаров за каждого госпитальера или храмовника. Он выкупил таким образом две сотни воинов, и те были немедленно обезглавлены. Согласно христианским хронистам, рыцари обоих орденов были самыми яростными и опасными бойцами, и подобное возмутительное убийство должно было способствовать тому, чтобы эти люди не смели поднять руку на мусульман. Салах

[38] На самом деле Салах ад-Дин был племянником не самого Нур ад-Дина, а его военачальника Асада ад-Дин Ширкуха ибн Шади, амира Хомса и великого везира Египта.

ад-Дин пошел еще дальше: он разослал по своим землям сообщения, в которых содержалось приказание немедленно казнить любого тамплиера или госпитальера, содержавшегося в заключении. Согласно версии христиан, распоряжение полководца было исполнено.

> *Взгляните на франж! Смотрите, с каким упорством они сражаются за свою веру, в то время как мы, мусульмане, не выказываем никакого желания вести священную войну.*
>
> *Салах ад-Дин*

Что касается мусульман… Салах ад-Дин оправдывал казни, состоявшиеся после битвы, необходимостью искоренить неверие. Он пытался уничтожить многобожие, чтобы возродить веру в единственное божество. Ведь так и д***о***лжно поступать – уничтожать врагов, чтобы защитить друзей. Кроме того, были убиты всего две сотни самых воинственных бойцов, это не резня, а лишь урок в назидание, и уж точно не идет ни в какое сравнение с тем, что сами крестоносцы учинили в Иерусалиме в 1099 году. Наконец, и храмовники, и госпитальеры являлись солдатами, и по стечению обстоятельств могли лишиться своих жизней, тогда как сами они просто вырезали ни в чем не повинных мирных горожан.

Тем не менее, этот поступок Салах ад-Дина превратился в знамя, под которое в Европе стекались сторонники различных воинствующих орденов – смертные и бессмертные.

Несколькими днями позже армия мусульман отошла к Иерусалиму и без особого шума взяла город. Одним из их первых действий стало снятие золоченого креста с верхушки Купола Скалы. Мусульмане с радостью встречали возвращение города – их не допускали в город с тех самых пор, как Иерусалим в 1099 году захватили франки. В отличие от беспорядочного нашествия крестоносцев (которые, конечно, взяли город, но не имели четких планов дальнейших действий), последователи Пророка изгнали врага и теперь возвращались домой.

Плененным крестоносцам предоставили возможность выкупить свою свободу; мужчины оценивались в десять динаров, женщины – в пять, ребенка отпускали за две монеты. Если выкуп уплачивался в течение сорока дней после завоевания города мусульманами, пленникам позволяли собрать свои пожитки и отправляться на все четыре стороны. Один из глав церкви латинян покинул

Иерусалим, прихватив с собой в качестве груза деньги и сокровища, которые он «накопил», посетив Купол Скалы, мечеть аль-Акса и даже Храм Гроба Господня. Приближенные советовали Салах ад-Дину отобрать сокровища, но он лишь взял со священника установленные десять динаров, а затем отпустил его. Соблюдение объявленной суммы выкупа было делом чести.

Тех франкских воинов, кто не сумел уплатить выкуп, Салах ад-Дин отослал в Тир. Ученые до сих пор яростно спорят, обсуждая причину, по которой ад-Дин поступил именно так, ведь по существу он усилил гарнизон города пятнадцатью тысячами солдат. Не единожды возникали предположения о том, что такое решение было принято под действием неких сверхъестественных сил, хотя вопрос о том, у кого из городских каинитов имелись как мотивы, так и возможность провернуть такой фокус, весьма щекотлив.

Завладев городом, мусульмане стали возвращать религиозным строениям и культовым местам их изначальный статус. Поскольку в Иерусалиме вот уже 90 лет не жил ни один последователь ислама, большая часть священных для них мест оказалась «христианизирована». После возвращения мусульман из мечети аль-Акса убрали казармы рыцарей-храмовников, и вновь открыли михраб (молитвенную нишу). Внутренние дворы храмов очистили, а из культовых мест убрали все идолопоклоннические образы и статуи.

Тем временем Салах ад-Дин начал укреплять стены, окружавшие город. Примерно в это время в Иерусалим прибыл Тореадор по имени Дуйял аль-Малатья, который вместе с Элшем стал работать над различными архитектурными проектами как мирских, так и религиозных сооружений.

Одновременно возник вопрос, имеющий одновременно философские, религиозные и военные грани: что делать с местами, являющимися объектами поклонения исключительно христиан? На святыни иудеев никто не покушался, ведь иудеи, по приглашению мусульман, стали возвращаться в Иерусалим сразу после изгнания крестоносцев.

Христианские культовые объекты представляли собой, однако, совершенно иное дело. Согласно кораническому праву с городом, захваченным силой, следовало поступать иначе, чем если бы его жители сдались, как это произошло с тем же Иерусалимом, когда мусульмане впервые подошли к его стенам в 638 году. Согласно Корану, мусульмане были вольны поступать с имуществом крестоносцев по своему

усмотрению. Учитывая, что сами рыцари в ходе захвата города вырез**а**ли иудеев и мусульман тысячами и при этом уносили столько скарба, сколько могли, достойный ответ на их поступки требовал серьезного обсуждения.

В конце концов было решено, что не стоит воздавать крестоносцам той же монетой. Мусульмане оставили во владение христианам те святыни и храмы, которые были для последних наиболее важны, включая и пресловутый Храм Гроба Господня. Менее значимые церкви были срыты или приспособлены к нуждам мусульман.

В это время король Англии Ричард I, больше известный как Львиное Сердце, продолжал искать способ заполучить Иерусалим обратно. Он предложил Салах ад-Дину встретиться в Акре, чтобы обсудить условия освобождения пленников. Тот, однако, отказался – не из соображений военной стратегии, а в соответствии с требованиями законов ислама. Коран гласит, что мусульманин может делить хлеб [с неверными], только когда текущий конфликт будет разрешен. Если бы Ричард и Салах ад-Дин встретились и отужинали вместе, это означало бы, что они стали друзьями, а шариат запрещает воевать против друзей. Как только мир будет заключен, продолжил военачальник мусульман, он с радостью встретится с Львиным Сердцем.

Между двумя лидерами оставались нерешенными три проблемы: Иерусалим, земли и Истинный Крест.

Ричард считал, что вопрос с Иерусалимом обсуждению не подлежит. Это святой город для христиан, их место поклонения, и крестоносцы будут сражаться до последнего, только чтобы вернуть его себе. Кроме того, Ричард желал владеть землями к западу от реки Иордан, чтобы обеспечить беспрепятственный доступ в Иерусалим. Что касается Истинного Креста, для мусульман это был не более чем обломок дерева, тогда как для христиан – священный предмет неисчислимой ценности.

Салах ад-Дин возражал: для последователей ислама Иерусалим – едва ли не более святое место; именно он был целью Ночного полета Пророка (да пребудет с ним мир), и именно там все правоверные мусульмане соберутся в Судный день. Что касается земель к западу от Иордана, они принадлежали мусульманам на протяжении сотен лет. *Франж* на них оказались не более чем гостями, а власть их будет ограничена во времени. Насчет Истинного Креста Салах ад-Дин, однако, признавал правоту Ричарда. Поскольку реликвия не вписывалась в религиозное учение ислама, то и значения для мусульман она не имела. Тем не менее, она

стала своего рода козырем в рукаве, и могла вернуться к христианам в обмен на кое-какие уступки.

Встречное предложение Ричарда выглядело странным, однако отражало обычай европейцев выстраивать дипломатические отношения с помощью династических браков. Английский король предложил выдать собственную сестру замуж за брата Салах ад-Дина, чтобы эта семейная пара совместно правила спорными землями. Заподозрив противника в обмане, Салах ад-Дин согласился. Ричард, не ожидавший, что его блеф раскроют, спешно объявил о бегстве сестры; та якобы заявила, что никогда не будет иметь ничего общего с нехристианином.

Тогда ад-Дин прямо и просто предложил заключить мир на пять лет. Каждая сторона оставалась при том, что имела, *франж* получали свободный доступ в Иерусалим без ограничений и уплаты *джизья* до тех пор, пока они входили в город без оружия. Ричард не видел легкой возможности одержать победу (зато ему было что терять, поскольку французский король Филипп[39] становился все большей угрозой) и согласился; мирный договор был подписан пятью годами спустя, в 1192 году.

После этого христианские паломники продолжили свои путешествия в Иерусалим. И поскольку предложение допускать пилигримов в город без ограничений исходило от Салах ад-Дина, с этих пор он постоянно следил за теми, кто посещал Иерусалим. Лидер мусульман гордился своим великодушием по отношению к христианам и своей веротерпимостью ка всем людям Писания; наиболее интересных и выдающихся личностей он приглашал разделить с ним трапезу. Что интересно, Ричард Львиное Сердце так и не приехал в Иерусалим: он не смог заставить себя нанести мирный визит в город, которым надеялся завладеть в войне.

Салах ад-Дин умер через четыре года (да пребудет с ним мир). Регионом поначалу правил один из его сыновей, но знающие придворные поговаривали шепотом, что к власти придет аль-Адиль[40], брат Салаха (тот самый, что едва не стал зятем короля Ричарда).

---

[39] Филипп II Август (1165 – 1223) – король Франции из династии Капетингов. Первый стал именовать себя «королем Франции», а не «королем франков». Был союзником Ричарда в Третьем крестовом походе. Пока Ричард договаривался с Салах ад-Дином, Филипп за его спиной заключил договор с его братом Иоанном, остававшимся в Англии, что в итоге привело к пленению Ричарда.

[40] Аль-Адиль I Сайф ад-Дин (в европейской транскрипции Сафадин, 1145 – 1218) – младший брат Салах ад-Дина. На момент его смерти был наместником в Дамаске. К 1201 году сумел разрушить интриги сыновей Салах ад-Дина и был объявлен султаном вместо старшего из них, аль-Афдаля.

Ричард со своими приближенными тем временем по большей части держались побережья, соблюдая мир. Очередное возрождение Иерусалима превратило город в растущий, изменчивый сплав идей и сфер влияния. До вторжения христиан Иерусалим был процветающим мусульманским городом, и местное население не имело никакого желания пытаться обустраиваться где-либо еще с нуля. Однако люди не могли также воссоздать прежний Иерусалим, после того как основная часть горожан была в 1099 году убита захватчиками-крестоносцами.

Неделя крови

Взятие Иерусалима в 1099 году сопровождалось одним из самых жестоких массовых убийств в известной истории. После прорыва сквозь стены рыцари обезумели, устроив в городе кровавую оргию, какую в окрестных землях не видели с тех пор, как Александр Великий разграбил Тир. Свидетели отмечают, что уровень кровавых рек на некоторых улицах достигал груди рыцарского коня. Воины не щадили никого.

Воздействие всеобщего безумия на каинитов, как обитавших в городе, так и пришедших с армией захватчиков, оказалось еще сильнее. Яростная жажда убийства накрыла и их, и деяния окружавших их смертных в сравнении показались незначительными. Вампиры отрывали у своих жертв конечности, затем бросали их и находили себе новые цели, даже не заботясь о том, чтобы испить крови только что убитых смертных. Дрались они и друг с другом, открыто, на улицах, разрывая противников на клочки когтями и затем, спотыкаясь, отправлялись на поиски следующей драки. Многие погрузились в свою ярость настолько, что забыли о необходимости отыскать убежище от лучей восходящего солнца, и практически все (за исключением некоторых счастливчиков, одним из которых стал Рустуччи) они погибли.

Адекватного объяснения такой сверхъестественной ярости до сих пор не нашлось. Большинство каинитов, бежавших из города и затем вернувшихся, отказываются даже обсуждать произошедшее, возможно, из соображений вроде «помяни черта к ночи». Некоторые городские вампиры подозревают, хотя и редко высказывают эти подозрения, что подобные ужасы стали следствием проявления чьей-то высшей силы. То и дело поднимаются яростные споры о то, кто – или что – является этой высшей силой, хотя упоминание одного имени повергают в страх даже таких каинитов, как Наум.

Это имя – Малкав.

Тем, кто интересуется истинной подоплекой Кровавой Недели, могут обратиться к книге «Багряно-алые родники». Для всех остальных эти события могут оставаться наводящей ужас тайной.

В воздухе ощущается беспокойство оттого, что мусульмане вкусили христианской жестокости. Они, как и иудеи, просто не могут понять, с чего бы это христиане вообще претендуют на владение городом и окружающими его землями. Если иноверцы приходят в Иерусалим и поклоняются его святыням, тем более что это разрешено и даже поощряется горожанами, – это одно дело, но когда они заявляют свои права на собственность и управление всем регионом – совершенно другое. Каиниты, придерживающиеся ислама и иудаизма, обеспокоены еще больше. Яркое пламя христианской веры причиняет им боль, а в сочетании с военной силой еще и вселяет немалый страх. Бесконечное разрушение и восстановление города разрушило убежища и сокровища, обнаружило спящих каинитов и превратило древний город в место, чуждое возвращающимся домой странникам. Иерусалим все еще притягивает к себе людей и бессмертных, и его зову невозможно сопротивляться, но тот, кто пришел сюда, не найдет в городе покоя.

Глава II.
Вера и усердие. Общество и культура

В этом разделе содержится краткое описание социальных и религиозных структур, существовавших в Иерусалиме в 1197 году. О вампирах здесь сказано мало или даже практически ничего, поэтому, если вы не особенно разбираетесь в тонкостях разногласий между караимами и раввинитами, не стесняйтесь пропустить главу и перейти к следующей. Если же подходить к делу более серьезно, то вера является лейтмотивом книги «Ночи Иерусалима», и осмысление ее специфических форм, развившихся в городе – это лучший путь к пониманию мотивов поведения тех индивидуумов (в том числе вампиров из главы IV), кто исповедует ту или иную религию или какое-либо ее течение.

Итак, читайте. Эти сведения стоят прочтения.

Религиозная политика в Иерусалиме

В эту эпоху Иерусалим является священным городом сразу для трех религий; все они поклоняются единому божеству, но, несмотря на этот факт, каждая из них принципиально по-иному воспринимает Того, кого последователи называют Яхве, Аллахом или Господом. Более того, в некоторых случаях приверженцы разных религий не только почитают одну божественную сущность, но и пытаются делать это на одних и тех же местах или в одних зданиях. И все они твердо убеждены в том, что обряды и обычаи богослужений ниспосланы им непосредственно Яхве, Аллахом или Господом, причем каждая группировка свято уверена, что именно они окажутся правы, когда Яхве, Господь или Аллах вознесет благочестивых в райские кущи.

> Историчность религии
>
> Возможно, мы излагаем очевидные истины, но не можем не напомнить читателю, что современные представления о религии значительно отличаются от того, что было привычным в 1197 году. Мы лишь привносим элементы религий в свою жизнь, тогда как в предшествующие века как раз каждое событие повседневной жизни регулировалось требованиями религии. Сейчас мы (будем надеяться на это) готовы мириться с иным образом мыслей, а когда-то малейшие теологические нюансы – например, нужно ли добавлять дрожжи в тесто для хлеба или нет? – были, в буквальном смысле, вопросом жизни или смерти.

Притязания одних и встречные аргументы других могут сбить с толку кого угодно. Яхве завещал эту землю своим детям, но представители всех трех религий объявляют себя Его чадами. В отличие от прочих исповеданий, все три религии почитают единственное божество, Яхве, Господа или Аллаха. Первыми претендентами на территорию стали иудеи, христиане заявились сюда лишь недавно, но владеют ею в настоящее время мусульмане. Пока на сцене не появились выскочки-крестоносцы (а произошло это всего лишь около ста лет назад), город принадлежал приверженцам ислама на протяжении четырех столетий, и этот период стал одним из самых благоприятных и мирных за всю историю Иерусалима (правда, такая характеристика зависит от положения индивидуума в обществе). С другой стороны, иудеи, получавшие власть над городом от случая к случаю, в сумме хозяйничали в нем дольше остальных. Так на чьей стороне правда? И кто будет назначать в этом споре правых и виноватых?

Если же смотреть глубже, то хитросплетения конфликта еще более усложняются. Внутри каждого из трех основных вероисповеданий обнаруживаются течения, которые не только спорят между собой, но и иногда яростно друг другу противостоят. Христианин здесь скорее убьет христианина, чем иудея или мусульманина, и такая возможность не просто существует, она наиболее вероятна. Внутренние ссоры могут быть восприняты как сигнал к началу войны, а вот удары по «своим» из-за угла – совсем другое дело…

Религиозные течения иудаизма

В рассматриваемое время иудеи региона относят себя к одному из двух основных течений: караимы и раввиниты. Нужно отметить, что приведенные далее характеристики являются весьма вольными обобщениями; весьма трудно найти двух человек, которые придерживаются в точности одних и тех же верований, вне зависимости от того, к какому вероисповеданию они относят сами себя.

Караимы[41]

Название этого религиозного течения происходит от слова «карá» (в переводе с иврита – «читать, чтец»); оно откололось от традиционного иудаизма в 880 году н.э., примерно за 300 лет до описываемого времени. Богослов по имени Анан бен Давид[42] переселился в Иерусалим из

[41] См. примечание на стр.4

[42] Анан бен Давид (715 – 795) – основоположник караимизма. Позднее его последователей стали называть ананитами, отделяя это течение иудаизма от учения караимов.

Хорасана, и посчитал строгое правление местных раввинов деспотичным и узколобым. Караимы следуют указаниям Торы, но есть еще и последователи аль-Кумиси[43], которые отвергают требования Талмуда, включая ограничения в пище и законы, обеспечивающие чистоту. Записанный текст Торы исполняется ими буквально, но Талмуд, по их мнению, есть лишь свод устных законов, которыми – стараниями людей – обросли божественные поучения. Чтобы избежать гнева раввинов, караимы селятся вне стен города, расположившись к востоку от Иерусалима.

Раввиниты

Раввиниты исповедуют традиционный иудаизм, включающий следование учению Торы, а также Талмуда и Мишны[44]. С точки зрения большинства иудеев именно раввиниты правильно и точно исполняют все религиозные требования. Каждый год, во время праздника Суккот, гаон раввинитов обязательно приносит с собой свитки Торы и в ходе празднеств ритуально отлучает от церкви караимов, располагающихся на противоположных склонах долины.

Караимы, как можно догадаться, всякий раз отвечают раввинитам взаимной анафемой.

Касательно терминологии

Суккот (или Праздник кущей, само слово в переводе с иврита означает «шатер» или «палатка») – один из основных праздников еврейского народа, отмечаемый в течение семи дней, начиная с 15 дня месяца тишрей (примерно в начале октября), в память о блуждании последователей Яхве по Синайской пустыне перед приходом в Святую Землю. В Суккот горожане сооружали за стенами Иерусалима небольшие хижины, в которых празднующие и жили всю праздничную неделю.

Гаон – титул, которым награждались выдающиеся ученые. Но «гаон» – не только образованный человек, но и духовный лидер народа, высший авторитет в толковании Талмуда и применении его принципов в отношении вопросов религии и веры в регионе.

Отвоевав Иерусалим у христиан, мусульмане настояли на том, чтобы эти взаимные ритуальные отлучения

[43] Даниил аль-Кумиси (? – 946) – выдающийся богослов караимизма. Поначалу высоко ценил учение Анана бен Давида (см. выше), а затем резко поменял свое мнение и стал яростным противником ананитов. Придерживался весьма строгого соблюдения требований Торы.

[44] Мишна – первый письменный текст, содержащий в себе основополагающие религиозные предписания ортодоксального иудаизма, составлен примерно в конце II – начале III века н.э. Талмуд – многотомный свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма, по сути представляющий собой бурную дискуссию различных богословов вокруг Мишны. Текст Талмуда изначально не был снабжён знаками препинания, а абзацы не отделены друг от друга, что создаёт дополнительную сложность в чтении. Из-за этого, а также из-за его объема слово «талмуд» стало нарицательным.

прекратились. Под властью последователей ислама представители обоих течений получили равные права и одинаковый доступ к иерусалимским святыням иудеев. Тем не менее, отношения между теми и другими весьма напряженные; раввиниты обвиняют караимов в осквернении Завета между иудеями и Яхве, а те в ответ утверждают, что раввины ставят законы между людьми и Заветом.

Религиозные течения христианства

Первый крупный раскол образовался между римскими христианами, или католиками и православными христианами и завершился в 1054 году взаимной анафемой[45]. Разумеется, и до, и после этого момента в религии возникали различные богословские ответвления. Опять же, приведенные ниже описания являются обобщениями.

Римские католики

Последователи этого крупнейшего христианского течения считают себя «чистыми» христианами. Они – яростные воители и не терпят малейшего расхождения с учением Патриарха Рима. Придя в Иерусалим, они присвоили себе все христианские храмы, в том числе построенные последователями других течений христианства, а также силой отобрали Храм Гроба Господня у греческих православных священников.

Римско-католическая церковь, однако, вовсе не так сплочена, как ее сторонники пытаются внушить окружающим. Внутри ее существуют три меньших течения – выходцы из Генуи, Венеции и Пизы – которые яростно переругиваются между собой.

> Касательно терминологии
>
> Слово «католический» в переводе с греческого означает «всеобщий». Вероятно, ранние христиане объявили свою церковь «католической» в попытке породить ощущение того, что церковь выше проблем, порождаемых ее фракционностью. С годами, однако, слово стало писаться с прописной буквы и относиться исключительно к определенному религиозному течению.

Несторианцы[46]

[45] Раскол христианской церкви (также Великий раскол, Великая схизма) — церковный раскол, после которого окончательно произошло разделение Церкви на Римско-католическую церковь на Западе с центром в Риме и Православную — на Востоке с центром в Константинополе. Исторические предпосылки схизмы коренятся в эпохе поздней античности и обусловливаются появлением обрядовых, догматических, этических, эстетических и других различий между западной и восточной традициями. В 1965 году взаимные анафемы были обоюдно сняты лидерами обеих сторон раскола.

[46] См. примечание на стр.26.

Одна из первых группировок, отколовшихся от основного учения христианства, известна под названием несторианцев. Несторий, архиепископ Константинополя, утверждал, что Иешуа обладал двойственной природой, человеческой и божественной, а Мария стала матерью только лишь человека Иисуса. В 431 году н.э. этого стало достаточно для латинской церкви, чтобы предать последователей архиепископа анафеме и вынудить их отколоться от устоявшейся Церкви.

Когда крестоносцы захватили Иерусалим, несторианцы были изгнаны из города вместе с последователями прочих мелких течений христианства. Несторианцы довольно терпимо относятся к другим монотеистическим традициям и не преследуют тех, кто исповедует иные верования.

Греческие православные

Восточная, или греческая православная, церковь отделилась от римско-католической церкви в 1054 году. Ее последователи верят, что третий сегмент Святой Троицы, а именно Святой Дух, исходит только от Бога-отца, но не исходит от Бога-Сына. Кроме того, они используют дрожжи при выпечке ритуального хлеба.

Подобно несторианцам, греческие православные веротерпимы и известны своим относительным беспристрастием. Салах ад-Дин, отобрав Иерусалим у крестоносцев, препоручил Храм Гроба Господня именно их заботам.

Армяне

Армянские христиане поселились в Иерусалиме в 1030 году. С тех пор их община потихоньку росла, со временем превратившись в крупное сообщество, занявшее в городе целый квартал. Они следуют собственным традициям, говорят на своем языке и не жалуют прозелитов.

В отличие от несторианцев, армяне верят в полностью божественную природу Иисуса, не приписывая ему ни единой человеческой черты. Время проведения их празднеств не совпадает с торжествами прочих христианских течений, и они постятся перед празднованием Рождества. Говорят, что они испытывают к грекам непримиримую ненависть.

Осколки осколков

Некоторые небольшие группы приверженцев иных христианских учений также существуют в Иерусалиме. Религиозные традиции и обычаи поклонения сирийцев повторяют греческие, но они поддерживают собственную субкультуру благодаря языковым различиям. Говорят, что они отдают представителям других течений деньги, чтобы их

оставили в покое. Традиции грузин также сходны с греческими, но они почитают также и Святого Георгия.

Религиозные течения ислама

Вновь повторимся, что описания, приведенные ниже, суть лишь обобщения, и в каждом веровании возникают свои внутренние расхождения. Например, шииты известны огромной раздробленностью своего религиозного течения.

Сунниты

Мусульмане-сунниты составляют основную часть последователей ислама и следуют учению Корана, законам шариата и Сунне[47]. Для суннитов важно само их сообщество, и в их среде сильно стремление достичь согласия миром вместо того, чтобы вводить ограничения с помощью законов.

Сунниты не приписывают своим религиозным лидерам какой-либо особой мудрости, скорее, они считают, что любой набожный мусульманин достоин стать лидером. Сунниты, как правило, являются поборниками равноправия и терпимости по отношению к иным религиозным воззрениям.

Шииты

Мусульмане-шииты отличаются от суннитов сразу в нескольких отношениях. Самое крупное их теологическое расхождение состоит в отношении к значимости Сунны; шииты не чувствуют себя обязанными следовать всем привычкам Пророка (да пребудет с ним мир), который, как любой человек, все-таки совершал ошибки.

Тем не менее, шииты менее гибки в своей интерпретации Корана. Они наделяют своих религиозных лидеров священной мудростью, а их набожность близка к фанатизму.

Суфии

Суфии не являются отдельным верованием в рамках ислама, этим термином обозначают, скорее, мусульманского мистика. Суфизм не следует каким-то обособленным традициям и не считается отдельной конфессией. Суфии идут по тонкой линии между молитвой и обвинениями в том, что они претендуют на звание святых; ведь человеку не следует приписывать себе исцеление хворей и прочие чудеса, совершая их во имя Аллаха.

Хариджиты

---

[47] Сунна (араб. «обычай, пример») – мусульманское священное предание, излагающее примеры жизни пророка Мухаммеда как образец и руководство как для всей мусульманской общины, так и для каждого мусульманина. Сунна зафиксирована в виде совокупности хадисов (араб. «беседа»), каждый из которых описывает поступок Пророка (*фи'ль*) в той или иной ситуации, описанный им образ (*васфи*), его высказывание (*кауль*) или невысказанное одобрение (*такрир*).

Хариджиты никогда не были силой в исламе, но в 1197 года они все еще имеют определенное значение. Они, как и иудеи-караимы, верят в то, что религиозные структуры поставили законы между людьми и Аллахом. Они дословно следуют учению Корана и так же отрицают Сунну и шариат, как караимы отвергают Мишну и Талмуд.

Средневековый ислам: обзор

Согласно откровениям, услышанным Мухаммедом от Аллаха через архангела Джабраила, иудеи были – и остаются – потомками Авраама.

Однако у Авраама было два сына. Если иудеи были потомками Исаака, то арабы происходят от Исмаила. Таким образом, иудеи (и их более поздние потомки, христиане) и мусульмане являются родичами.

Общие темы и элементы религиозных текстов каждой группы еще больше подчеркивают это родство. Христианство выросло из учений иудейской Торы. Коран отвергает христианские тексты (Иисус в понимании мусульман – просто смертный пророк), но все же так же строится на Торе. По сути, Коран предполагает, что читающий его уже знаком с преданиями Торы, поскольку ссылается на них и дополняет их подробностями, не пересказывая при этом самую суть притчей. Схожесть основных учений столь высока, что мусульмане называют иудеев и христиан *дхимми* (в переводе с арабского – «защищенные»), поскольку они являются *ахль аль-китаб*, то есть «людьми Писания».

Ислам, само название которого означает «подчинение» (подразумевается – воле Аллаха), основан на пяти базовых принципах, или Пяти Столпах.

Пять Столпов ислама

Первый из таких принципов-столпов – это простое публичное заявление о своей вере, называемое *шахада*. Оно состоит из произнесения (разумеется, подкрепленного верой) фразы «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – Пророк Его». Если первая часть этого утверждения просто подтверждает, что Аллах есть Аллах, то вторая подтверждает, что Мухаммед является только лишь смертным пророком. Также это высказывание выражает тонкое различие между исламом и христианством. В понимании мусульман, Бог самодостаточен. У Него нет нужды в сыновьях, Богоматерях или триединстве. Как гласит сура 4:171,

О люди Писания! Не преступайте [границ истины] в вере и говорите об Аллахе только истину. Ведь Мессия, Иса, сын Марйам, — посланник Аллаха и Его слово, которое он поведал Марйам, [он] — дух, сотворенный Им. Веруйте же в Аллаха и Его посланников. И не говорите: «[Бог] — это Троица». Удержитесь [от этих слов] — так будет лучше для вас. Воистину, Аллах — Единый Бог, пречист Он, и не может быть у Него ребенка. Ему принадлежит то, что в небесах и на земле. И только Аллах может быть поручителем!

Вторым столпом является молитва, или *салят*. Пять раз в день мусульмане слышат призыв к молитве. У этого ритуала так много правил и исключений из них, как и у молитвы иудеев или обедни христиан; суть, как и в обеих прочих религиях, в намерении. Ритуалы, предваряющие обряд, обращают все внимание молящегося к Аллаху, и выражают намерение человека вознести молитву.

Подаяние, или *закят* – это третий столп ислама. Это вовсе не то же самое, что церковная десятина. *Закят* представляет собой ежегодный налог со всего накопленного благосостояния и имущества, обычно это 2,5 процента от всей стоимости имущества верующего. Эти деньги не считаются благотворительностью, и мусульмане не скупятся их отдавать. Это воспринимается так, будто некто милостью Аллаха получает богатство, которым он как бы управляет по доверенности от своих менее удачливых единоверцев. *Закят* иногда перераспределяется правительственными структурами, иногда – религиозными организациями; львиная доля этих средств передается вдовам и сиротам.

Следующий, четвертый столп – это *Рамадан*. Это пост длительностью в лунный месяц. Мусульмане, чувствующие себя способными выдержать все строгости Рамадана, воздерживаются от употребления пищи и любых жидкостей (включая воду), а также сексуальных отношений в период от рассвета до заката каждый день этого периода. Поскольку календарное счисление ислама основано на лунном цикле, Рамадан постепенно сдвигается относительно солнечного календаря; из-за этого периоды поста, выпадающие на летний сезон, выдержать сложнее, чем зимние. Как и в иудаизме, для больных, детей и пожилых людей предусмотрены послабления в посте.

Пятым столпом является *хадж*. Каждый мусульманин, имеющий физическую и финансовую возможность, должен хотя бы раз в жизни посетить Мекку. Это путешествие сопровождается целой чередой необходимых религиозных ритуалов и молитв.

Сходства и различия

Вопреки обратным утверждениям, между всеми тремя монотеистическими религиями существуют весьма сильные сходства, помимо того, что все они почитают, по сути, одно божество. Есть между ними и разительные различия.

Иудеи и мусульмане строго ограничены в пище (и эти ограничения весьма схожи). Тем и другим запрещено употреблять свинину, а также падаль и кровь животных. Иудеям не следует смешивать в пище мясо и молоко, а мусульмане не должны пить алкогольные напитки. Христиане, напротив, не имеют диетических ограничений (хотя и имеют некоторые прочно устоявшиеся пищевые традиции) и могут есть и пить что пожелают.

Иудейский Шавват приходится на субботу, христиане передвинули священный для них день на воскресенье, а мусульмане, наоборот, отправляют свои ритуалы по пятницам. Священное Писание христиан включает в себя иудейские тексты, а Книга мусульман ссылается на них.

Взаимоотношения Мухаммеда с иудеями были сложными и одновременно всеобъемлющими. Изначально он велел своим последователям при молитве обращаться лицом к Иерусалиму. Живя в Медине, он просил первых мусульман считать иудейский День Искупления[48] однодневным святым постом. После того, как раввины стали насмехаться над ним, укоряя в неполном знании Торы, он обскакал их, превратив День Искупления в целый месяц поста и молитв, учредив таким образом Рамадан.

Религиозные тексты

Общие элементы и заимствования между учениями иудеев, христиан и мусульман очень тонки, но при этом глубоки. Наибольшую схожесть обнаруживают религиозные тексты всех трех религий, но и здесь христиане стоят особняком от иудеев и мусульман. Все три священных текста,

[48] День Искупления (Судный День, Йом-Киппур) – самый важный из праздников иудаизма, день поста, покаяния и отпущения грехов. Отмечается в десятый день месяца тишрей, завершая Десять дней покаяния. Согласно Талмуду, в этот день Бог выносит свой вердикт, оценивая деятельность человека за весь прошедший год. В этот день запрещены не только работа (как в субботу и в другие праздники), но и приём пищи, питьё, умывание, наложение косметики, ношение кожаной обуви и интимная близость.

однако, являются последним, решающим и властным словом Яхве, Бога или Аллаха – как говорится в них самих.

Иудеи следуют Торе, книге, название которой означает «учение» или «наставление». Она содержит первые пять книг Ветхого Завета и потому иначе называется Пятикнижием. Помимо Торы, у иудеев есть еще и Мишна – свод норм иудаистского права, обычаев, традиций и практик, применяемых в повседневной жизни. Наряду с этой книгой используется Талмуд – записанные обсуждения и комментарии к Мишне.

У христиан есть только Библия, в переводе – просто «книга». Это разумеется, сверхупрощение. Правда состоит в том, что даже в 1197 году христианство как религия настолько разобщено и раздроблено, что всевозможные его разновидности иногда практически недоступны пониманию. Незначительных разногласий бывает достаточно, чтобы отколоть от основной массы прихожан ту или иную группу, а иногда и раздуть серьезный диспут.

Мусульмане следуют слову Корана, или «назидание». Основным подспорьем в понимании Корана становится Сунна, сборник записей о действиях и обыкновениях Пророка. Шариат, свод норм, аналогичный по смыслу иудейской Мишне, представляет собой описание пути ислама, определяя обычаи и установки повседневной жизни.

Особенности арабских имен

Арабы того времени не использовали отчество так, как это делали европейцы. Иногда человеку давали прозвище по его родному региону или городу (Марокканец, Мекканец), иногда – в соответствии с его физической характеристикой или чертой характера (Надежный, Красивый). Тем не менее, индивидуума редко награждают прозвищем по его ремеслу. Образ твоего поведения гораздо важнее того, чем ты зарабатываешь себе на хлеб.

Обычно же человек получает имя, составленное из собственного имени, за которым следует конструкция [ибн («сын») плюс имя отца] для мальчика, или [бинт («дочь») плюс имя матери] для девочки. Абдулла ибн Юсеф, таким образом, означает, что Абдулла приходится сыном мужчине по имени Юсеф, а Мириам бинт Аиша – это Мириам, дочь Аиши.

Как только у человека появляется ребенок, его имя изменяется. В этот момент он перестает использовать данное ему имя (кроме как в компании ближайших друзей) и заодно теряет приставку от отца или матери: ребенок сам

становится родителем. Если первый появившийся ребенок – мальчик, и его нарекли Рашидом, тогда его родителей в общине будут звать «абу Рашид» («отец Рашида») и «ом Рашид» («мать Рашида»). Чтобы еще больше усложнить ситуацию, малыша Рашида будут называть Рашид ибн Абдулла (Рашид, сын Абдуллы).

Если первой в семье рождается девочка, правило сохраняется (с приставками к именам абу-салах и ом-салах отцу и матери соответственно), и так пока у пары не родится сын. Тогда имя индивидуума изменяется вновь (и у мужчины, и у женщины), и он становится известен как отец (или мать) старшего сына. Что касается пола и числа детей в семье, то на все воля Аллаха.

> *Сура 42: 49-50*
>
> *Аллах властен над небесами и землей. Он творит, что пожелает, Он дарует, кому пожелает, потомство женского пола, а кому захочет - мужского пола.*
>
> *Или же Он сочетает браком мужчин и женщин, а кого пожелает - делает бесплодным. Воистину, Он - знающий, всесильный.*

Мир, принесенный исламом

Арабские завоевания объединили огромные территории в одно политическое образование. Это получилось благодаря нескольким факторам, основным из которых стал непереведенный Коран. В многочисленных регионах, управляемых империей мусульман, было огромное количество различных наречий, но, кроме них, существовал и один общий язык – арабский. Он значительно облегчал общение и тем самым играл важную роль в поддержании торговли и управления. Более того, Мухаммед поддерживал дружественные отношения с теми странами, которые покорились ему ранее. Он оставлял на местах мелких администраторов и чиновников, сажая верных ему людей на высокие должности поверх уже отлаженной и знакомой людям системы правления, вместо того, чтобы выстраивать новую от начала и до конца.

Помимо этого, как только та или иная территория оказывалась завоевана, жизнь ее обитателей становилась относительно мирной. Исламский мир создавал огромную область свободной торговли, по которой можно было

перемещаться на большие расстояния быстро и сравнительно безопасно. Это помогало развиваться среднему классу, служило подспорьем ремесленникам и ученым.

Наконец, ислам охватил множество народов и культур, при этом являясь терпимым к другим вероисповеданиям и призывая защищать их. Хотя фактическая обстановка во всех отношениях пока далека от идеала, подобное отношение, по крайней мере, закладывает базис для мирного сосуществования и взаимного уважения.

Как вампиры следуют требованиям религии

Самый болезненный вопрос, встающий перед вампирами, придерживающимися иудаизма или ислама, – это запрет на употребление крови (странно, но вампиры-христиане таких ограничений не имеют и могут существовать в свое удовольствие, не мучая себя этой проблемой). К несчастью, один лишь тот факт, что Аллах или Адонай[49] запретил пить кровь, не может подавить в индивидууме желание сделать это, что ставит набожных каинитов в трудное положение. Таким образом, каждый каинит должен примирить свою греховную страсть к крови с почитанием Яхве или Аллаха; нам же стоит вкратце взглянуть на отрывки священных текстов, имеющих отношение к проблеме и, возможно, предложить достойное оправдание и примирить между собой термины «набожный» и «вампир».

Иудейский закон гласит:

> *Левит 7:26-27*
>
> *«…и никакой крови не ешьте во всех жилищах ваших ни из птиц, ни из скота; а кто будет есть какую-нибудь кровь, истребится душа та из народа своего».*

Некоторые каиниты утверждают, что конкретно эта цитата к ним неприменима, поскольку они фактически не живут. Что касается «истребления души из народа своего», то оно для вампиров значит мало, но среди самих каинитов бытует мнение, что под народом подразумевается род Каина.[50]

> *Левит 17:13-14*

---

[49] Одно из имен Бога в иудаизме. В качестве термина используется иудеями вместо произнесения непроизносимого имени Бога в молитвах и во время публичного чтения Торы и книг пророков.

[50] В английском тексте книги Левита говорится: «wherever you may live», и далее «father’s kin». Синодальный перевод Ветхого Завета уничтожает эту тонкость, поскольку эти фразы превратились в «жилища» и «народ» соответственно.

Если кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечь крови ее и покрыть ее землею, ибо душа всякого тела [есть] кровь его, она душа его; потому Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его: всякий, кто будет есть ее, истребится.

Оправдания кормлению, вырастающие из толкований этого отрывка, опираются на весьма шаткую логику. Согласно ей, этот запрет неприменим, поскольку при его соблюдении люди вообще не смогут как-либо питаться. Следовательно, их самих нельзя причислить к «телам», и они становятся исключением из запрета на употребление крови.

Второкнижие 12:23-25

Только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа: не ешь души вместе с мясом, не ешь ее: выливай ее на землю, как воду; не ешь ее, дабы хорошо было тебе и детям твоим после тебя, если будешь делать справедливое пред очами Господа.

Суть этого запрета в том, чтобы плоть и кровь не употреблялись в пищу вместе. Поскольку вампир не питается плотью, этот запрет можно также считать неприменимым к существам вроде каинитов. Более того, в отличие от прочих подобных изречений, этот стих не содержит слов о каком-либо наказании за нарушение запрета (исследователи текста отмечают, что на самом деле оно подразумевается, но в подобных делах такая тонкость крайне важна).

Исламский закон гласит:

Сура 2:173

Воистину, [Аллах] запретил Вам [есть] мертвечину, кровь, мясо свиньи и то, что заколото без произнесения имени Аллаха. Если же кто-либо вынужден съесть это по необходимости, не будучи нечестивцем и преступающим свой долг, то нет на нем греха. Воистину, Аллах - прощающий, милосердный.

Эта сура прямо запрещает поглощение запрещенных пищевых продуктов, которые приготовлены во имя любого другого божества, кроме Аллаха. Тем не менее, здесь ничего

не говорится о падали, крови и всем остальном запретном, приготовленном или забитом *во имя* Аллаха.

> *Сура 5:3*
>
> *Вам запрещено [есть] мертвечину, кровь, свинину, а также то, что заколото без упоминания имени Аллаха, [убоину] удавленную, забитую палками, издохшую при падении [с высоты], убитую рогами и [скотину], которую задрал хищник, — если только вы не заколете ее по предписаниям, и то, что заколото на [языческих] жертвенниках. Запрещено вам также предсказывать будущее. И все это — нечестие.*

Этот отрывок, увы, просто так со счетов не сбросишь. Однако он дает понимание того, что Аллах действительно милостивый и милосердный.

> *Сура 6:145*
>
> *Скажи [, Мухаммад]: "В том, что дано мне откровением, я вижу запретным употреблять в пищу мертвечину, пролитую кровь, мясо свиньи – ибо все это скверна, а также [мясо] запретного [животного], заколотого не с именем Аллаха". Если же кто-либо будет вынужден съесть [вышеупомянутое] без умысла совершить грех и преступить [предписание], то, воистину, твой Господь - прощающий, милосердный.*

А также,

> *сура 16:115*
>
> *Воистину, Он запретил вам [есть] мертвечину, кровь, свинину, а также то, что забито без упоминания [имени] Аллаха. Если же кто-либо вынужден [съесть запретное, чтобы утолить смертельный голод, или как лекарство], не преступая пределы необходимого, – то ведь Аллах – прощающий, милостивый.*

Как и в прочих сферах жизни мусульман, Аллах снисходителен к человеческим слабостям, и Он простит. Если вампир искренне просит прощения каждый раз, когда питается, возможно, он сможет избежать страстной жажды крови в следующий раз. Возможно также, что первая приведенная здесь сура относится только к мужчинам и не касается женщин, поскольку некоторые отрывки Корана обращены исключительно к женщинам. Отсутствие

конкретного указания в данной суре оставляет женщинам-каинитам, так сказать, лазейку для того, чтобы обойти запрет.

Глава III.
Улицы Святого города. География

Иерусалим раскинулся примерно в 35 милях от Средиземного моря, оседлав дорогу, петляющую меж Иудейских гор, и, таким образом, располагается на крупном торговом пути. Собственно город лежит между Масличной горой и горой Сион, каждая из которых возвышается над застроенной территорией на несколько сотен футов. Город расположен на высоте примерно 750 метров над уровнем моря, на возвышенности, которую много веков ваял ручей в Кедронской долине. Среднегодовой уровень осадков, выпадающих здесь, составляет около 510 мм, а температура воздуха колеблется от 9°С зимой до 24°С летом.

Иерусалим – город весьма древний, и заплатил за выживание огромную цену. На протяжении столетий его разрушали и вновь отстраивали несколько раз. Город представляет собой наслоение пластов истории, и некоторые из них навсегда потеряны для человечества. Мечеть стоит поверх храма, а тот, в свою очередь – поверх другого храма; новое здание возведено на остове предыдущего. Иерусалим – не единое поселение, а скорее целая цепь их, выстроенных одно поверх другого и перемежающихся друг с другом. Дома, построенные крестоносцами, располагаются подле руин, которые тихо осыпались, оставаясь нетронутыми со времен владычества римлян.

Этот хаос усугубляется (по крайней мере, для каинитов) тем, что по всему городу в произвольном порядке раскиданы места, священные для мусульман, христиан и евреев. Каждое из множества таких мест является источником ощутимого воздействия Истинной Веры, весьма болезненного, а то и смертельного для вампиров. Те из потомков Каина, кого не влечет религиозная нужда, обходят такие места десятой дорогой. Эта особенность вкупе с результатами многовековых вторжений и разграблений делает Иерусалим довольно трудным в смысле ориентирования для каинитов, привыкших свободно расхаживать там, где они пожелают. С другой стороны, следствием разрушений и перестроек стало образование многочисленных катакомб и тоннелей, главным образом под Храмовой горой, где вампиры могут обитать, спать и рыскать в поисках наследия древних.

Очертания земель

В 1197 году Иерусалим уютно устроился в пределах султаната, основанного Салах-ад-Дином. Земли к востоку от

реки Иордан, раньше принадлежавшие атабекам Мосула[51], покорились его войскам в ходе военной кампании 1174 года, а Иерусалимское королевство, основанное крестоносцами, пало в период между 1187 и 1189 годами[52]. Наследнику Салах ад-Дина недостает его военного таланта, но, по крайней мере, он на время способен удержать завоеванное. На всей спорной Святой земле преобладают устоявшиеся обычаи. Второе «Иерусалимское королевство», по сути, не включает в себя сам Иерусалим, оно состоит лишь из тех городов на побережье, которые Ричард I сумел захватить в Третьем крестовом походе.

Побережье

Путь от Иерусалима к побережью Средиземного моря идет через Лидду и оканчивается в Яффе. Его длина около 50 миль, и дорога слегка забирает к северу, а не устремляется строго на запад от города. От конечной точки пути вдоль берега на север уходит дорога через Цезарию, Тир и Сидон к северной границе Иерусалимского королевства. Там она пересекает границу графства Триполи и идет дальше к цитадели госпитальеров в Маркабе (сами они называют крепость Маргат).

Другая дорога уходит на юг. Город Газа отмечает старую (до завоеваний Салах ад-Дина) границу владений Фатимидов. Этот путь продолжается до Фарамы и Дамиетты на восточном краю дельты Нила, а затем, огибая берег Нила, ведет еще южнее, к Каиру. От Яффы до Газы около 40 миль, и столько же оттуда до Лидды, где еще одна дорога на Газу примыкает к основному пути. Затем путешественника ждут 150 миль засыпанного песками пустыни побережья, прежде чем он попадет в Фараму, и еще 50 миль необходимо пройти, чтобы достичь Дамиетты.

Иордан

Еще одна оживленная дорога идет на север от Иерусалима по долине реки Иордан. Иерихон, небольшое поселение тех времен, выстроенное на месте известного библейского города, расположен всего лишь в нескольких милях от Иерусалима в самой северной точке берега

[51] Имеется в виду государство Зангидов - династия сельджукидских атабеков и амиров в ряде областей Сирии и Месопотамии в конце XI — середине XIII веков; столицами владений различных ветвей династии были Дамак, Мосул, Халеб. В 1185 году правитель Мосула признал себя вассалом Салах ад-Дина. Титул «атабек» (от тюркск. «ата» - отец, «бек» - вождь) – нечто вроде должности автономного губернатора или регента при малолетнем правителе.

[52] На самом деле Иерусалимское королевство формально просуществовало вплоть до 1291 года, а в 1187 году крестоносцы просто утратили контроль над Иерусалимом, и оставшееся время столицей королевства была Акра (Акко).

Мертвого моря, у подножия крутых холмов, восходящих к Иерусалиму. Поля и деревни тянутся еще на какие-то 50 миль от Иерихона до Тверии[53]. До прихода Салах ад-Дина Тверия находилась на отшибе Иерусалимского Королевства, у его северо-восточных границ, и хотя сейчас земли по обоим берегам реки находятся во власти одного правителя, город все еще остается хорошо укрепленной крепостью. Из него контролируются рыбный промысел и передвижение по Галилейскому морю.

Боковая дорога уводит от основной к Назарету. По ней, лежащей меж бесплодных холмов, отправляются лишь самые набожные пилигримы. Назарет известен как место жития Христа, а в остальном он – небольшая затертая деревенька, ничем не отличающаяся от множества других в регионе. По прямой от нее до Тверии не более 20 миль, но дорога сильно петляет, так как для ее прокладки требовались прочная почва и качественное покрытие.

Основная дорога уходит на север и затем сворачивает к востоку, в труднопроходимые дебри Плодородного полумесяца[54], к Дамаску и Баальбеку. От Тверии до Дамаска около 75 миль, но извилистая дорога заставляет прошагать почти 100 миль. Еще 40 миль отделяют Дамаск от Баальбека. Покинув Баальбек, дорога вновь слегка забирает к западу и еще через 45 миль, возле Арка, что к северу от Триполи, опять выходит к побережью Средиземного моря.

От побережья путешественники могут отплыть на корабле к Кипру или в Византию, а по суше – отправиться в Малую Азию.

Красное море

Торговый маршрут уводит к югу от Иерусалима и, проходя по каньонам и пустошам, выходит к заливу Красного моря между Синайским и Аравийским полуостровами. Город Вифлеем расположен всего лишь в трех милях к югу от Иерусалима и потому находится в тех же природных условиях. Дорога затем огибает Мертвое море, проходит сквозь Эль-Карак и Эль-Шубак и достигает городка Айла, расположенного на побережье. Айла является удобным и важным портом, иначе никто бы не отправился в путешествие длиной в 130 миль по неприветливым каменистым равнинам, которые лишь изредка украшены

---

[53] Город в Северной части Израиля, на западном берегу Тивериадского озера в Галилее. Является одним из четырех священных для иудеев городов, так как после изгнания евреев из Иерусалима он стал главным духовным центром страны.

[54] Полоса плодородных земель в Передней Азии; месторасположение древнейших земледельческих поселений; колыбель ассирийской, вавилонской, финикийской, шумерской цивилизаций.

родниками и оазисами. Банды разбойников процветают, собирая богатую добычу с торговцев, не позаботившихся должным образом о безопасности.

Еще более трудная дорога уходит из Айлы на запад, она проходит через самое сердце Синайского полуострова и ведет в Кулзум[55], что в 140 милях. Подобное путешествие требует тщательной и длительной подготовки и большого количества припасов, поскольку в Синае путешественнику практически нечем утолить голод или жажду.

Восток

За долиной реки Иордан и несколькими ее притоками нет ничего, кроме пустыни, простирающейся на сотни миль. Никто не отваживается пересекать ее, чтобы добраться до Тигра и Евфрата; путешественники отправляются на север вдоль Плодородного полумесяца и затем огибают Сирийскую пустыню, достигая верховий обеих рек. Даже сверхъестественные существа чувствуют себя не очень хорошо в пустошах, где ветры дуют с силой до 100 миль в час, а температура может за несколько минут опуститься или подняться на пятьдесят градусов.

Климат

Земли на побережье и в долине реки Иордан весьма благоприятны для возделывания. Здесь выпадает достаточное количество осадков, а почва богата и плодородна. Между этими участками территории лежат холмы с крутыми склонами и небольшие бесплодные долины, на которых выпасают овец, но мало что еще возможно. К югу от Мертвого моря пустыня покрывает все вплоть до Красного моря.

К северу земли постепенно становятся все более и более плодородными и лучше снабжаются водой, даже в глубине территории. Знаменитые ливанские кедры наиболее выделяются в местной экосистеме. В реках, каскадами стекающих меж покрытых лесами гор, отлично себя чувствуют выдры, питающиеся рыбой, лягушками и прочей живностью. В более поздние века эти земли из-за чрезмерной обработки или, наоборот, заброшенности, поглотила пустыня, и их удалось рекультивировать лишь в XX веке.

Те, кто впервые оказался в Святой Земле, практически всегда отмечают резкие перемены климата, свойственные

[55] Эль-Карак – город, выросший вокруг замка крестоносцев Керак. Эль-Шубак – такое же поселение, образовавшееся возле замка Монреаль. Город Айла в настоящее время носит название Эйлат. Кулзум – древний город, располагавшийся у северного окончания современного Суэцкого канала. Описанная здесь дорога из Египта через Кулзум, по Синайскому полуострову и далее на север, в Дамаск, а оттуда в Персию, в античности и в Средние Века называлась Via Regia, или Царский Путь, и являлась древнейшим торговым маршрутом.

региону. Заверни за угол, перевали через вершину холма – и вот окружающий пейзаж полностью изменился. Крутые склоны становятся отличными преградами на пути дождей, и грозовые облака, приходящие со Средиземного моря, просто не достигают внутренних долин. Лишь самые мощные и высоко расположенные тучи преодолевают первую гряду холмов, и потому, если уж в глубине региона пошел дождь, он напоминает прорыв плотины и сопровождается стремительным потопом.

Летний и зимний периоды суровы на всей территории, они смягчаются только у морского побережья и в долине Иордана. Зимой везде, где в воздухе хватает влаги, образуются огромные сугробы, а остальные земли мучают порывы холодных ветров. В летние месяцы температура днем в глубоких внутренних низинах может достигать 50 градусов Цельсия, а ночами опускаться до заморозков. Крупные города, правда, не испытывают таких перепадов жары и холода: люди потому и обживают те или иные места, что их климат не столь суров; но все же и в городах летними днями царит весьма сильный зной. Горячие ветры приносят из пустыни песок и пыль, делая существование здесь практически невыносимым. Что касается весны и осени, то они посещают регион буквально на несколько недель, а то и меньше.

Город Давида, к югу от Иерусалима

За исключением Храмовой горы, большая часть исходной территории Иерусалима погребена под наслоениями векового насилия и разрушений. Изначальный Город Давида покоится к югу от самого Иерусалима, почти точно напротив Навозных Ворот. Когда-то Город Давида располагался на вершине холма Офель, рядом с родником Гихон – единственным источником пресной воды в регионе. По мере того, как город разрастался, а затем уменьшался в размерах, и так вновь и вновь, это место оказалось сокрыто под горами обломков и остатков материалов от нового строительства, и в конце концов городские стены передвинулись, а Город Давида оказался заброшен. Кое-кто верит, что настоящая гробница царя Давида покоится где-то там, в песках, под тоннами грязи в руинах. Как бы то ни было на самом деле, каиниты сторонятся этого места. Нечто, скрытое там, порождает в них беспокойство всякий раз, когда вампиры хотя бы приближаются к сердцу Города Давида.

Кедронская долина

Между стенами Иерусалима и Масличной горой пролегает Кедронская долина, другое название которой –

Иосафатова долина. Именно здесь, как предполагается, развернутся события Судного Дня, по крайней мере так утверждают каноны ислама и Книга пророка Иоиля[56]. Прямо за стеной в долине располагается гробница Авессалома, в которую иудеи до сих пор бросают камни[57], и гробница Захарии[58]. Первая со временем стала известным пристанищем для призраков, и одно из немногих строений в Иерусалиме, уцелевшее после многочисленных разрушений города. По слухам, где-то подле этих строений находится последний приют царя Иосафата, хотя ученые мужи, исследовавшие эти места, за множество столетий так и не нашли тому доказательств.

Если пойти дальше по долине, можно увидеть источник Гихон, питающий акведук Езекии, который, в свою очередь, снабжает живительной влагой Иерусалим, что весьма ценно во время осад. Водой из этого источника был помазан на царство Соломон, и здесь же, по легенде, Мария стирала пеленки младенца Иисуса. Вода, набранная в источнике в чистую посуду (если это сделал благочестивый человек), имеет показатель Истинной веры 2.

Истинная вера и святыни

Иерусалим обладает множеством мест, священных для смертных, от Западной стены и мечети Купол Скалы до Скорбного пути и прочих, менее известных локаций внутри и в окрестностях города. Эти места обладают показателями Истинной веры, хотя они вовсе не обязательно повлияют на каинитов так, как это бы сделал смертный, излучающий Веру.

Показателем Истинной веры обладает каждая из перечисленных ниже локаций (это упоминается при необходимости). Оказавшись рядом с таким местом, игроки должны сделать бросок на Силу воли со сложностью, равной показателю Истинной веры, присущему данной конкретной святыне. При успехе персонаж сможет войти, но все равно внутри будет испытывать неудобство и, скорее всего, будет чувствовать недомогание – что у каинитов бывает крайне редко – пока не покинет это место. Провал броска означает,

[56] Книга пророка Иоиля – часть Ветхого Завета, затрагивающая в основном темы грядущего Страшного Суда, предшествующих ему бедствий, а также необходимости смирения и покаяния, и последующего вознаграждения Господом праведных.

[57] Древнее надгробие, высеченное прямо в скале одного из склонов Кедронской долины. По легенде, возведено Авессаломом, сыном царя Давида, восставшим против отца. Местные жители бросали в здание камни и даже приводили к нему детей, чтобы те видели, что бывает с непослушными сыновьями.

[58] Еще одна целиком высеченная в скале конструкция, без каких-либо внутренних помещений, посвященная первосвященнику Захарии. Он обвинил царя Иудеи Иоаса в нарушении заповедей Божьих и за это был побит камнями на ступенях Храма.

что персонаж не сможет войти, не испытав сильнейшую физическую боль. Если в таком случае герой останется внутри, он будет терять по одному пункту Здоровья каждую сцену. Критический провал броска выражается в том, что персонаж теряет один пункт Здоровья каждый ход, проведенный в пределах святыни. Кроме того если персонаж пытается остаться внутри, его Сила Воли уменьшается на 1 каждый ход, поскольку боль все усиливается. Если он проведет внутри святыни более трех ходов после критического провала броска, игрок должен будет вновь проверить Силу Воли, на этот раз со сложностью 7, и при неудаче персонаж впадает в безумие. Наконец, критический провал повторного броска означает, что герой воспламеняется и из-за этого теряет три пункта Здоровья в ход. Кроме того, игрок должен сделать удачный бросок на Храбрость (сложность 8), чтобы избежать Алого Ужаса. Весь ущерб Здоровью, полученный от воздействия Истинной веры, считается осложненным и не может быть поглощен.

Важно помнить, что не все такие локации являются строениями. Многие из них расположены прямо на улице, и неосторожный вампир может в буквальном смысле наступить на источник недомогания, а то и своей Окончательной смерти. Некоторые местные каиниты подошли к вопросу со всей тщательностью и не только изучили местоположение всех святынь, но и разработали сложные пути отступления, которые используют, чтобы сбить погнавшихся за ними врагов с толку и заманить их в ловушку. Изучение города спасло не одного местного каинита от преследователей, которые были сильнее, быстрее, могущественнее – и более небрежно относились к религиозным особенностям Иерусалима.

Примечание: физический ущерб, получаемый каинитами от пребывания в святынях, как правило, согласовывается с их религиозным статусом и легендарной подоплекой. Обычные формы ущерба Здоровью каинитов включают появление стигматов или нарывов, поражение проказой, слепота и иссушение конечностей.

Перечень святынь Иерусалима

Ниже приведены отдельные локации внутри и в окрестностях Иерусалима с указанием их показателей Истинной веры.

Городская стена	нет
Золотые ворота	3
Львиные ворота	1
Ворота Ирода	1
Дамасские ворота	нет
Навозные ворота	1

Сионские ворота	2
Яффские ворота	нет
Сионская горница	4
Гробница царя Давида	5
Башня Давида	2
Храмовая гора и Купол Скалы	7
Стена Плача	7
Скорбный путь	5
Храм Гроба Господня	7
Пруд Езекии	1
Базар Мюристан	нет
Церковь Святой Анны	2
Овечья купель (Вифезда)	4

Примечание: эманации Истинной веры, источаемые святынями, иногда простираются в странных направлениях; например, катакомбы под Храмом Гроба Господня, причиняют каинитам невыносимую боль, тогда как тоннели под Храмовой горой практически не доставляют им беспокойства. Некоторые каиниты предполагают, что это связано с природой Веры, порождаемой каждым подобным местом: Храмовая гора побуждает молящихся обращать взор к небесам, тогда как Храм Гроба Господня был выстроен над огромной пещерой.

Описание города

Лучшие дома в Иерусалиме располагаются в его восточной части, постепенно подступая к Храмовой горе. Также жилища знатных и состоятельных жителей города занимают территорию к северу от горы, вплоть до самых Ворот Ирода. Совсем рядом с воротами частные дома больше напоминают дворцы, особенно в сравнении с лачугами, расположенными в юго-западном секторе города. Многие дома на северо-востоке огорожены стенами, их охраняют хорошо оплачиваемые наемники и слуги небольших личных гвардий. Днем здесь можно ходить без проблем, но в ночное время эти улицы могут быть очень даже опасны для неосторожного бродяги или бедняка. Некоторые жители богатых кварталов считают, что лучший способ удержать преступников подальше от своих жилищ – отдать страже приказ убивать или калечить любого, кто, возможно, представляет угрозу.

Резким контрастом к изяществу и достатку восточного Иерусалима служит западная часть города, демонстрирующая крайнюю нищету. Множество зданий пустует, либо в них обитают самые отчаянные души; эти дома не ремонтировались после очередного завоевания, либо вообще не перестраивались с последнего разрушения города. Есть и жилища, обитателей которых выкосила чума. Такие кварталы вовсе не безопасны для прохожих, по крайней мере,

для смертных прохожих, поскольку каиниты, посещающие Иерусалим, свободны охотиться в этих районах.

Политические структуры Иерусалима

Взаимная изоляция кварталов города, обусловленная вероисповеданием, характерна как для сообщества смертных, так и для нежити. Даже в самых захолустных трущобах Иерусалима существуют незримые границы, и так же, как в богатых кварталах, там царят свои неписаные правила, и тот, кто шатается по бедняцкому району в неурочный час, временами подвергается определенной опасности. Хотя граница, разделяющая жилища состоятельных и бедных, ощущается четко, территории, где обитают приверженцы разных вероисповеданий, вовсе не так отчетлива. Лишь тот, кто провел в Иерусалиме достаточно длительное время, будет точно знать, какие улицы возле Дамасских ворот безопасны для мусульман, а на каких проулках у Навозных ворот не стоит появляться христианам. Тем же, кто города не знает, должны ходить по нему на свой страх и риск, особенно после захода солнца.

Что касается политической картины, то город можно условно разбить на три части: сектор иудеев, примыкающий к южной стене Иерусалима; христианский сектор, занимающий северо-запад и запад города, и мусульманский сектор, расположенный на востоке. Линии разграничения не нарисованы на картах, но тем не менее весьма ощутимы. Они отнюдь не размыты, и лишь места, священные для той или иной фракции, имеют хоть какой-то, призрачный нейтралитет. Они остаются нетронутыми, если только пожар не разгорается до небес.

Городские стены

Стена, полностью окружающая Иерусалим, относительно новая, и еще достаточно крепка для того, чтобы выстоять против самой настойчивой атаки. Башни возвышаются на 12 метров над землей, а толщина стены меж ними такова, что несколько человек могут пройтись по ней рядком. Помимо защиты города, стена позволяет наблюдать за тем, что происходит как внутри, так и за ее пределами, на всех дорогах, ведущих в Иерусалим. Подразумевается, что на гребне стены ночью могут находиться только стражники. На самом деле доступ наверх имеется у множества вампиров, и они с завидной регулярностью гуляют по стенам. История Иерусалима, полная насилия, убедила большинство каинитов: тонкая грань между не-жизнью и Окончательной смертью может зависеть от знания о том, что приближается к городу с той или иной стороны.

Ворота

Как и любой город, заключенный в кольцо стен, Иерусалим имеет ворота – проходы в окружающий мир. К северу расположены Дамасские ворота, самые большие и, пожалуй, имеющие важнейшее значение. Если обходить город против хода Солнца, следующими окажутся ворота Ирода. В восточной стене прорублены Львиные ворота – основной вход в Иерусалим, хорошо укрепленный и гораздо чаще открытый, чем следующие, Золотые ворота. Эти, в свою очередь, находятся ближе всего к Храмовой горе и снабжены самой суровой защитой. Львиные и Золотые ворота открываются на обширное кладбище, где вот уже несколько десятков лет находят последний приют последователи ислама. Непочтение к этому месту может нести немалую угрозу здоровью неосторожного путника. В южной стене расположены еще двое ворот – Навозные к востоку и Сионские к западу. Этой парой входов в город воспользоваться проще всего, поскольку они ведут в развалины старого Иерусалима, и смертные чувствуют, что здесь им мало что угрожает. Конечно, потомкам Каина виднее, но они – по очевидным причинам – поощряют столь небрежное поведение людей. С запада в город ведут еще двое ворот: Яффские, являющиеся одним из крупнейших и важнейших входов в Иерусалим, и Новые ворота, ставшие недавним усовершенствованием городских стен. Лишь немногих путников пропускают внутрь сквозь Новые ворота, хотя официальные причины, по которым это делается, остаются загадкой.

Все городские ворота могут быть с легкостью перекрыты и хорошо защищены. Любой желающий войти в город после захода солнца должен упросить стражников позволить ему сделать это; большая часть воинов требуют крупные суммы денег с каждого, кто не выглядит достаточно важной персоной. С приходом ночи ворота запираются окончательно, и попасть в Иерусалим становится практически невозможно вне зависимости от обстоятельств; в этом деле могут не помочь даже взятки. Ничто не помешает стражнику взять деньги за проход и «забыть» про свою часть сделки: трупы, валяющиеся за городской стеной, уже никому ничего не расскажут.

Дамасские ворота

Дамасские ворота расположены к северу от Храма Гроба Господня; это самые большие ворота, ведущие в Иерусалим,

оседлавшие один из важнейших торговых маршрутов, проходящих через город.

Сразу после ворот дорогу облепляют многочисленные домишки, большинство которых – не более чем лачуги; теснота после захода солнца превращает улицу в весьма опасное и пугающее место. Если пройти по дороге до развилки, где на запад уходит улица Дамасских ворот, а на восток – улица Долины, путник попадет на базар, крупнейший в Иерусалиме.

На Дамасском базаре торгуют всем подряд, от привезенного товара до домашнего скота, и это место – поистине финансовое сердце города. Здесь можно найти все, что только можно приобрести легально; городская стража регулярно патрулирует район, поддерживая относительный порядок – если уж преступления и совершаются, то самые безобидные. Мелкая кража может сойти воришке с рук, но более серьезные злодеяния караются весьма быстро. Посетители базара обыкновенно защищены от всех зол, за исключением, пожалуй, карманных краж и собственной жадности, но такая опека имеет место только лишь до закрытия базара.

Смертные могут полностью контролировать район базара в дневные часы, но, когда на город опускается ночная тьма, все меняется. Большинство стражников давно научились поворачиваться спиной практически к любым бесчинствам, творимым после заката солнца, если, конечно, их невнимание подкрепляется регулярными подношениями. Если пропустить очередной «взнос», зачастую можно попасться страже «во время совершения преступления». Из всех городских каинитов одна лишь Ханна показывается неосторожным путникам, рискнувшим подобраться чересчур близко к старым зданиям возле Дамасских ворот, где вампирша устроила себе приют.

Ворота Ирода

Ворота Ирода были одним из первых входов в Иерусалим; они хорошо охраняются, поскольку семьи, живущие неподалеку – наиболее богатые и обладают значительным влиянием в городе. Хотя никому не довелось стать свидетелем, чтобы так или иначе доказать правдивость слухов, многие считают, что эти городские ворота снабжены особой защитой. Полагают, будто любой, кто попытается нанести Иерусалиму вред и при этом войдет в город через ворота Ирода, умрет ровно через сутки после того, как вступит под свод этих ворот.

Львиные ворота

Для набожного человека – неважно, какую религию он исповедует, но в особенности для христиан – пройти в город через Львиные ворота считается добрым знаком. Территория, расположенная между Храмовой горой и Овечьей купелью, у которой, по легенде, Иисус исцелил расслабленного, столь ценится, что крестоносцы не так давно воздвигли неподалеку церковь во имя Святой Анны, матери Пресвятой Девы Марии. Здание церкви – настоящий шедевр акустики, и отзвуки песнопений монахов-григорианцев разносятся за пределы стен храма на несколько сотен метров. Церковь еще пахнет свежей штукатуркой, но вера христиан, поселившихся вокруг нее, весьма сильна.

Дорога от Львиных ворот переходит в Виа Долороза, или Скорбный путь, последнее странствие Иисуса Христа среди смертных.

Золотые Ворота

Эти ворота открываются непосредственно на вершину Храмовой горы, к мечети Купол Скалы – то есть к двум наиболее почитаемым местам Иерусалима. Мусульманское кладбище и несколько небольших христианских церквушек обрамляют дорогу, ведущую к воротам, но, несмотря на соседство двух соперничающих вероисповеданий, конфликты здесь возникают редко. Большинство тех, кто приходит сюда, желают посетить Купол Скалы или Храмовую Гору, а не торговать или причинять беспокойство. Торговый люд также пропускают сквозь ворота, но на купцов здесь смотрят очень хмуро. Торговцы, не желающие обрушивать целый град проблем на свои головы, предпочитают не превращать святыню в бойкое место. Те же, кто не обращает внимания на общественное недовольство, учатся быстро – как только расходится слушок об их глупом поведении. Хотя сам факт прохода сквозь Золотые ворота с деловыми целями официально не считается преступлением, многие набожные обитатели Иерусалима наверняка посчитают именно так. Такой поступок лишь умалит прибыль торговца; религиозные покупатели отвернутся от него и обратят внимание на товар более умных соперников – а те и рады будут воспользоваться случаем. Если же торговец предпримет новую попытку, это может привести и к гораздо более суровому наказанию от рук набожных горожан.

Навозные ворота

Навозные ворота ведут к давно схороненным руинам Силоама[59], Города Давида и источнику Гихон. Большинство

[59] Силоам (арабское название – Сильван, еврейское – Шилоах) – древнее местечко, расположенное между Иерусалимом и руинами Города Давида. Здесь расположен Силоамский

вампиров предпочитают избегать этих мест, хотя немногие могут объяснить, почему. Кое-кто просто утверждает, что там им просто нечего делать, но некоторые, сказав это, все равно вглядывались во тьму за воротами со страхом.

На самом деле Навозные ворота получили свое имя потому, что именно через них из города вывозятся нечистоты и прочий мусор. Войти через них в город считается дурным предзнаменованием, а выйти – унижением. Неудивительно также, что окрестности ворот стали излюбленным обиталищем местных Носферату, использующих эту территорию для встреч со своими соплеменниками, находящимися в Иерусалиме проездом. Большая часть района имеет дурную репутацию среди каинитов как раз благодаря Носферату, обрушивающих свое неудовольствие на любые неосторожные уши.

Сионские ворота

Сионские ворота прорублены в юго-западной секции стены и ведут непосредственно к горе Сион, месту, считающемуся священным у христиан и иудеев. Считается, что именно здесь расположена настоящая гробница царя Давида, и многие горожане приходят отдать дань уважения предполагаемому основателю Иерусалима и одному из величайших предводителей иудейского народа. Неподалеку расположена Сионская горница, где Иисус и Его ученики собрались на Тайную Вечерю. Хотя причины, по которым оба места считаются святынями, разнятся, показатель Истинной Веры каждого из них равен 5.

Сразу за Сионскими воротами начинается обширное христианское кладбище; то и дело возникают споры между теми, кто хоронит здесь своих близких, и теми, кто не столь терпимо относится к верованиям христиан. На постоянно меняющейся политической арене христианское кладбище является очередным предметом взаимных разногласий, игнорировать которые нельзя. Надгробия нескольких могил были разрушены, и суеверные горожане шепчутся о том, что призраки погребенных в них людей обеспокоились и разозлились. Уже трижды тех, кого считали виновными в разрушении надгробий, находили не то что мертвыми, а даже изрядно разложившимися – через какие-то часы или даже минуты после того, как их видели живыми и здоровыми. Каиниты подозревают, что к этому могут быть причастны Каппадокийцы, несмотря на то, что Абрахама редко видят вне сводов его тщательно лелеемой библиотеки.

пруд и башня Силоама (то и другое упоминается в Новом Завете). Силоамский пруд наполнялся водой источника Гихон через два подземных акведука.

Внутри же городских стен сразу за Сионскими воротами начинается огромный базар. Он, в отличие от северного, охраняется не так тщательно, и зачастую неосторожный покупатель обнаруживает пропажу своего кошеля – а то и вовсе не возвращается домой. Базар у Сионских ворот также известен как неофициальный центр торговли людьми, и часто в его рядах можно увидеть упырей, приценивающихся к «товару» для своих хозяев. Разумеется, работорговля в Иерусалиме вне закона, но на этом базаре вообще заключается большая часть запрещенных властями сделок.

Яффские ворота

Этот вход в город расположен в середине западной стены Иерусалима. У этого участка стены история длинная и кровавая, начинающаяся не позднее 70 года н.э., когда десятый легион римской армии ворвался в город, и его солдаты уничтожили все, до чего дотянулись их руки. В течение шестидесяти семи лет легион был расквартирован неподалеку от Яффских ворот, и его воины убивали всякого иудея, пытавшегося пробраться в город. Согласно местным суевериям, место населено призраками убитых, только и ждущих возможности обрушить свою месть на головы давно умерших палачей. Однако это всего лишь домыслы, а достоверно известно лишь то, что ни один из обитающих в Иерусалиме Каппадокийцев никогда не ходит сквозь Яффские ворота, и тореадор Элш также избегает этого.

Башня Давида

В зависимости от того, у кого спрашивать, башня Давида, также называемая Цитаделью, была либо построена царем Давидом, чтобы наблюдать за городом и защищать его, либо возведена гораздо позже для тех же целей и только названа в честь царя.

В любом случае, башня Давида – одно из немногих строений в Иерусалиме, которое в той или иной степени целостности простояло сотни лет. Несколько раз Цитадель была повреждена, со временем слегка теряя в высоте, и ее подновляли, но не более того. Во времена царя Ирода рядом с Яффскими воротами стояли три массивные башни, но после войн и осад все они оказались разрушены. Когда римляне завладели городом, они распорядились сровнять с землей все, кроме оставшихся оснований этих башен – их сохранили как напоминание всякому путнику о том, что перед мощью Римской Империи пал даже столь могущественный город.

Можно с уверенностью сказать, что башня имеет огромное значение для города, особенно при его обороне. Во время многочисленных нападений на Иерусалим в ней

хранились запасы, а в самые трудные времена башня давала горожанам последний хрупкий шанс на спасение от захватчиков.

Башня Давида на протяжении столетий становилась свидетельницей кровавых и трагических событий, и многие считают, что она помнит все несправедливости, когда-либо творившиеся у ее стен[60]. Под основанием башен Ирода обитает Каппадокиец по имени Марк, которого давно уже не видел никто из смертных, однако кое-кому из сведущих каинитов известно, где его найти. Марк мало что видел в своей не-жизни, однако он слышал звуки, доносящиеся из глубин земли под башней Давида, а время от времени перед ним представали видения: фигура, окутанная тьмой, медленно и терпеливо царапающая когтями тяжелую каменную преграду. Он верит, что эти звуки исходят от существа, неживого и в то же время не мертвого, но голоса беспокойных мертвых не дают ему узнать больше. Марк не рассказывал об этих кошмарах, приходящих ему в дневном сне, даже Палиуро, но в том ограниченном обществе, куда вхож Каппадокиец, на него уже посматривают искоса.

О фундаментах

Мечеть Купол Скалы восставлена на руинах строения, которое некогда называлось крепостью Антония. Оно же, в свою очередь, представляло собой башню, выстроенную на этом месте правителями династии Хасмонеев и укрепленную царем Иродом, который переименовал ее в честь императора Марка Антония. Позже император Тит, захватив Иерусалим в 70 году н.э., разрушил башню.

Храмовая гора (Харам аш-Шариф) и мечеть Купол Скалы

Храмовая гора являлась весьма значимым местом Иерусалима в той или иной форме, начиная с 1004 года до н.э. По сей день она остается одной из главнейших святынь города. Именно на ее вершине когда-то высился дворец царя Давида и хранился Ковчег Завета. Позже на этом месте Соломон выстроил свой огромный Храм вместе с еще большим дворцом.

Мечеть Купол Скалы

Собственно, мечеть Купол Скалы – лишь одна из трех мечетей, к которым мусульмане совершают паломничества (наряду со Священной мечетью в Мекке и Мечетью Пророка

[60] Примечание к врезке: Хасмонеи – священнический род в Иудее, потомки которого правили Царством Иудейским со 152 по 37 годы до н.э. Последний правитель рода Хасмонеев был убит Иродом I, который при поддержке римлян захватил власть в Иерусалиме и основал собственную династию.

в Медине). Она расположена в северо-восточной части Храмовой горы, к северу от мечети Аль-Акса[61]. Купол поднимается на высоту более 31 метра, а в ширину здание имеет около 20 метров, прикрывая собой Камень Основания, с которого Пророк Мухаммед вознесся на небо. Купол Скалы был возведен вокруг священного Камня так, что процесс строительства не затронул святыню, по приказу халифа из династии Омейядов Абд аль-Малика ибн Марвана в 685 году н.э., чтобы восславить память о Ночном полете Пророка Мухаммеда.

Мечеть Аль-Акса

Эта мечеть, перестроенная халифом Али аз-Захиром, на протяжении столетий являлась центром обучения. Считается, что после реконструкции план здания согласуется с предыдущими очертаниями мечети за тем исключением, что новое строение чуть-чуть у́же прежнего. На самом деле вся территория вокруг также считается частью мечети, и, когда святилище переполняется людьми, те, кому не хватило места внутри, молятся во внутреннем дворе.

Сура 36:1-6
Йа син.
Клянусь мудрым Кораном.
Воистину, ты - из числа посланников
[и стоишь] на прямом пути.
[Этот Коран] - откровение Великого, Милосердного,
[ниспосланное], дабы ты увещевал народ, праотцы которого не вняли увещеваниям в небрежении [к вере].

Стена плача

«Мы пришли оплакать наш разрушенный Храм,
Мы пришли оплакать нашу увядшую славу,
Мы пришли оплакать наших убитых братьев…»[62]

[61] На самом деле третьей по значимости святыней ислама является именно скромная по убранству мечеть Аль-Акса (в переводе с арабского «отдаленнейшая»), а огромный золотой купол Куббат ас-Сахра (Купола Скалы) – лишь центр архитектурного комплекса Храмовой горы. Это стандартная ошибка, чаще всего обнаруживаемая в туристических изданиях.

[62] В оригинальном тексте приведен отрывок из перевода на английский язык романа итальянской писательницы Матильды Серао (1856 – 1927) «В стране Иисуса». Перевод выполнен Ричардом Дэйви около 1905 года. Официального перевода этого произведения на русский я не нашла. Приведенный стих – это, очевидно, вольный перевод по цепочке [иврит-итальянский-английский].

Стена Плача – это последняя оставшаяся часть великого Храма, и потому она имеет неоценимое значение для последователей иудаизма. Стена – отрезок западной части окружавшего Храмовую гору кольца стен – составляет почти 20 метров в высоту и тянется примерно на 30 метров в длину. Ближайшие к ней строения отстоят от нее всего лишь на четыре метра, что оставляет чрезвычайно мало места паломникам, приходящим сюда для поклонения последнему уцелевшему элементу Храма. Ирония состоит в том, что собственно Стена не была частью самого Храма, а лишь поддерживала и отгораживала от остального города изменения в структуре комплекса Храмовой горы, произведенные царем Иродом.

Щели между массивными камнями, образующими стену, заполнены клочками бумаги, на которых написаны молитвы, а земля подле стены отполирована до гладкости тысячами ног паломников, приходивших сюда в течение столетий. Существуют весьма строгие правила молитвы у Стены Плача, например, разделение мужчин и женщин – женщины должны молиться как можно ближе к правому краю Стены, поскольку, согласно иудаистским верованиям, женщине не должно молиться там, где это делают мужчины; кроме этого, молиться необходимо в специальной одежде, и так далее.

За Стеной Плача, в подошве Храмовой горы, находится настоящий лабиринт, череда пещер, тоннелей и ловушек, о которых обитатели Иерусалима в большинстве своем не знают. Кое-кто из местных каинитов уверен, что в этой тьме сокрыто нечто весьма могущественное, но многие попросту используют этот лабиринт как превосходное место для обустройства убежища. Смертные, однако, время от времени заходят в пещеры, чтобы подновить опоры, удерживающие Храмовую гору выше общего уровня города.

Виа Долороза (Скорбный путь) и Храм Гроба Господня

Считается, что Скорбный путь повторяет маршрут Иисуса Христа по Иерусалиму от претория[63] до места распятия на Голгофе. Мать императора Константина, императрица Елена, отправившись в путешествие по региону, совершила и паломничество в Иерусалим. Здесь она тщательно изучила последний путь Иисуса по этой земле, руководствуясь традиционными верованиями, различными хрониками и собственными видениями. С этого времени Скорбный путь стал часто посещаемой цепочкой священных локаций, к которым многие паломники приходят, чтобы

[63] Преторий – дворец, построенный царем Иродом, жилище римских правителей Иудеи (согласно Евангелию от Марка, 15:16).

поразмышлять над актом самопожертвования, который Сын Божий совершил во имя всех людей.

Вот остановки Скорбного пути:

I: Иисус осужден на смерть; его жестоко пытают, в том числе надевают терновый венец, из ран от его шипов течет кровь.

II: Иисус берет крест на свои плечи у крепости Антония.

III: Иисус спотыкается и падает, кровь из его ран окропляет землю.

IV: Иисус встречается с матерью.

V: Симон Киринеянин берет крест на плечи, помогая Иисусу нести его.

VI: Св. Вероника утирает кровь и грязь с лица Иисуса.

VII: Иисус падает во второй раз.

VIII: Иисус утешает плачущих набожных женщин.

IX: Иисус падает в третий раз.

X: С Иисуса сдирают одежды

XI: Иисуса прибивают к кресту.

XII: Иисус умирает на кресте.

XIII: Иисуса снимают с креста и передают Его тело матери

XIV: Тело Иисуса погребают в пещере, после чего Он воскресает.

Все эти остановки священны для христиан и весьма почитаемы, поскольку напрямую связаны с Сыном Божьим. Последние пять из них находятся внутри Храма Гроба Господня.

Скорбный путь также известен в Иерусалиме как отрезок дороги, вдоль которой можно найти продавцов любого товара, о каком только можно помыслить. Здесь торгуют всем подряд, от самых обыденных вещей до – как утверждают сами торговцы – действительно чудотворных; купить можно практически все, что угодно – надо только знать, к кому за этим подойти. Большинство товаров, продающихся на этом неофициальном базаре, либо краденые, либо вообще запрещенные. Главное отличие от обыкновенных торговых рядов состоит в том, что собственно рядов-то и нет. Местные торговцы – лишь тени, прячущиеся по темным углам, или зеваки, которых лишь горожане могут с легкостью отличить от паломников, поклоняющихся той или иной остановке Крестного пути Христа. В этом районе часто можно встретить Бонифация, чье явное недовольство продавцами фальшивых реликвий и прочими мошенниками широко известно. Те, кто желает остаться в хороших отношениях с этим Бруха, стараются, чтобы их не заставали

за беседой с купцами «не того сорта» в окрестностях Скорбного пути.

Храм Гроба Господня был несколько раз разрушен и отстроен заново. В последний раз здание храма получилось самым большим и наиболее искусно украшенным по сравнению с предшественниками, из-за чего оно соперничает в размерах и великолепии с комплексом на Храмовой горе.

Источник Иезекии

Говорят, что этот неглубокий бассейн, полный чистой пресной воды, наполняется через тоннель, пробитый в скале по приказу Иезекии. Хотя мало кто верит в подобные утверждения, есть люди, которые настаивают на целебных свойствах вод источника. Как бы ни обстояло дело, вода здесь всегда чистая и свежая, а сам источник является местной достопримечательностью и служит местом встреч.

Базар Мюристан

К востоку от источника Иезекии расположен базар Мюристан, одна из лучших торговых площадей, где продавцы могут получить неплохую прибыль, а покупатели не рискуют быть обманутыми или обвешенными… по крайней мере, на крупную сумму. Поскольку торговые ряды раскинулись прямо под открытым небом, а попасть к ним легко, люди здесь чувствуют себя более свободно, чем в прочих кварталах города, а работа грабителей немного усложняется. Расположенный вдали от городских стен, этот базар чуть хуже охраняется стражей, но все равно заключать здесь сделки почти так же безопасно, как и на других известных рынках Иерусалима. Торговцы Мюристана предлагают множество различного товара, почти весь он законен, а продавцы охотно готовы угождать представителям всех вероисповеданий и национальностей.

Атмосфера дружелюбия, однако, испаряется вместе с торговцами, когда те закрывают лавки и уходят с площади с наступлением темноты. Несколько раз в окрестностях базарной площади находили сваленные туши изувеченных животных, а один раз обнаружили тело женщины в таком же бедственном состоянии. Никто из городских каинитов не знает, что – или кто – оставляет такие находки, но некоторые связывают их появление с таинственной личностью по имени Мандалай.

Глава IV.
Бурлящая толпа. Каиниты Иерусалима

В Иерусалиме слишком много каинитов. Обыкновенно потомки Каина обитают в относительном одиночестве; чересчур большое их скопление в одном месте приводит к подозрениям, зарождающимся среди смертных, и к конфликтам из-за ограниченных ресурсов. Поэтому, подобно другим хищникам, каиниты очерчивают для себя границы территории, достаточно обширных для спокойной охоты. Такая система далека от идеала, но в большинстве случаев она работает хорошо.

Но существует Иерусалим. Слишком много каинитов жаждут властвовать в нем. В ворота города входят толпы паломников, и если кто-нибудь из них вдруг исчезнет, его не станут искать. Множество торговцев могут себе позволить потерять одного-двух охранников, сопровождающих караван. Здесь чересчур много святынь и источников силы – и все они притягивают потомков Каина, как мертвечина привлекает мух. Итак, пока в городе смертных установился тревожный мир, город бессмертных сочится едва сдерживаемым напряжением. Постоянный приток пилигримов, наемников, купцов и бродяг обеспечивает вполне достаточное количество безопасного пропитания, но, тем не менее, сложившееся положение вещей не устраивает никого. Никто не чувствует себя в безопасности.

По улицам Святого Города однажды уже бежали потоки крови. Вполне возможно, что алые реки разольются снова.

Ассамиты

Если вампиризм служит доказательством того, что Аллах может проклинать людей, то именно в святых местах, благословленных самим Аллахом, Ассамиты надеются вновь обрести Его милость. Теперь, когда Иерусалим отобран у европейских крестоносцев, Ассамиты не намерены отказываться от возможности отомстить.

После зверств 1099 года в Иерусалиме, которыми увенчался Первый крестовый поход, и Окончательной смерти, постигшей нескольких членов клана, Ассамиты собрали своих шпионов и наняли новых, оттачивая и без того острое лезвие своей ненависти. Один могущественный Ассамит, потомок берберов и иберийцев, дитя Тарика, недавно участвовавший в интригах, затеянных Фатимидами в Каире, предпринимает активные попытки проникнуть в иерусалимские организации крестоносцев. Аль-Айн, Око

Аламута, – пока что новичок в городе, однако он быстро осваивает тайны всех сторон конфликта. Кроме него, в регионе обитают женщина-асассин Хабиба и молодой разбойник-мусульманин по имени Рашид, жаждущий отомстить крестоносцам за то, что они лишили его дома и крова.

Габриэль Чавес, аль-Айн, Око Аламута

Происхождение. Габриэль Чавес был рожден в Ситжесе[64], городке рядом с Барселоной, в 699 году н.э.; мать-иберийка родила его, незаконнорожденного сына, от неизвестного бербера-мусульманина. Лояльность его матери походила на листья, летящие по ветру, пока за окружающие земли мусульмане-омейяды дрались с христианами-вестготами, и постепенно Габриэль стал презирать ее, отвернувшись от материнского наследия. При первой же возможности он покинул дом, стремясь присоединиться к армии Омейядов, чтобы встать на подлинный путь чести и познать истины Книги.

Военачальники мусульман, будучи людьми практичными, вскоре поняли, что Аллах не даровал Габриэлю силы воина. Вместо этого он проявил хитрость и бдительность кота, обладая при этом идеалистичной преданностью пса. Габриэлю поручали проникать в иберийские сообщества, аккуратно собирая информацию и убивая спящих врагов, очерняя невинных и поднимая недовольство в стане противника при первой возможности. Он набрался опыта в этой роли, ведь его знание обычаев Корана также росло: Аллах благословил его, дав юноше способность карать деспотичных и косных вестготов, и он не питал никаких симпатий к местным иберийцам, которые не приветствовали приход цивилизованных правителей-мусульман. Тонкий слух, искусное владение мечом и верное сердце, не знающее жалости, вскоре сделали Габриэля объектом внимания Тарика, мастера-ассассина при дворе Омейядов в Кордовском халифате.

Восемью годами позже Габриэль обнаружил прямые доказательства сговора его халифа с готами, целью которого был раздел региона исключительно на основе доходов, а не идеологии, и этот факт поразил его в самое сердце. Юноше стало ясно: халиф и его советники размякли и стали слабыми, поддались влиянию западной культуры, и все годы, которые Габриэль провел в трудах во имя Аллаха, потеряли свою значимость, прошли впустую. Картины о великой

[64] Город в Испании на побережье Средиземного моря, примерно в 40 км от Барселоны.

мусульманской Иберии, которые он рисовал себе, обратились бесплодным прахом. Зная, что донесения об увиденном будут восприняты как предательство, и не желая участвовать в этом обмане, Габриэль почти уже приготовился добровольно расстаться с жизнью, когда его внезапно нашел Тарик.

Тарик рассказал Габриэлю об Аллахе, о Мухаммеде, о Хакиме и духовном пути каинитов Аламута. Слушая уверенную, твердую речь Тарика, юноша вновь уверовал в свое предназначение, и отдал свою верность и жизнь клану. После обычных тренировок, принятых у Ассамитов, Габриэль был Обращен Тариком, а затем в течение двухсот пятидесяти лет продолжал свое образование, пока не достиг положения *рафик*, полноправного потомка крови своего клана. Он с готовностью изучал языки региона, так как все еще питал уважение к ученым аль-Андалус, одновременно презирая мелочные склоки смертных мавров.

В 975 году нескольким сдержанным и верным Ассамитам было поручено проникнуть в зарождающийся в Каире халифат Фатимидов. От Фатимидов и их фараонической культуры за версту разило интригами Последователей Сета, а мавританское происхождение Габриэля не вызывало у египтян никаких подозрений на его счет. Он выучился собирать сведения в городах и сумел получить доступ во дворцы Фатимидов, а заказы на убийства он принимал как от Сетитов-отступников, так и от обычных мусульман. Именно здесь хитрость Габриэля, его преданность и достоинство, с которым он вел дела со Змеями, принесли ему прозвище «Око Аламута».

Осознавая угрозу, исходящую от знакомых ему христианских войск Первого крестового похода – и в частности, наемников из Иберии – а также их варварские умонастроения, Габриэль в 1107 году прибыл в Иерусалим. Подобрать и уничтожить подходящую цель было простейшим делом, и вампир пришел в город под личиной паломника-христианина. В последующие годы он продавал сведения другим каинитам, если это было ему выгодно, разузнавая всевозможные секреты крестоносцев и их лидеров.

Однако недавнее поражение крестоносцев от армии Салах ад-Дина не возымело того объединяющего эффекта, какого ожидал Габриэль. Несмотря на то, что мусульмане торжественно умертвили две сотни рыцарей – храмовников и госпитальеров, религиозные уступки и присутствие христиан в городе терзали Чавеса. Он не может не сомневаться в мотивах даже такого набожного человека, как Салах ад-Дин, и чувствует, что его собственная вера в традиции Корана и

ислама колеблется, хотя жажда крови и мести все еще сильна в его сердце. Его сотоварищи по клану, Хабиба и Рашид, разделяют его взгляды, но в их глазах заметен лишь отблеск того огня, которым пылает взгляд Габриэля.

Итак, Габриэль вновь играет ту роль, благодаря которой заслужил свое прозвище: он сеет раздор между вампирами Вентру, Ласомбра и Тореадор, пришедшими с крестоносцами. У него появился упырь по имени дон Марко, благородный итальянский книжник, с помощью которого Чавес раздобыл важные сведения о каинитах-христианах и их перемещениях. Кроме того, он убил паломника-Тореадора и сохранил его кровь для Хабибы. Присутствие шпиона-Ассамита где-то в среде войск крестоносцев не укрылось от внимания отца Палиуро, который косвенно, осторожно подкидывает Габриэлю компрометирующую информацию о тех вампирах, кого он считает своими врагами. В последнее время такие сведения касаются в основном Магдалены, Ласомбра из Нарсеи[65]; они уличают ее семейство в многочисленных связях с крестоносцами.

Внешность. Смешанное происхождение Габриэля очевидно лишь тем, кто видел его истинный облик. Аккуратное использование дисциплины Затемнения вкупе со знанием языков и умением изменять внешность делают чрезвычайно трудной задачу узнать Габриэля даже с помощью самого тщательного расследования. В толпе его можно увидеть, но трудно проследить: он лишь еще одно лицо в толпе.

Подсказки для отыгрыша. Габриэль умен и осторожен. Когда он обменивается сведениями, он всякий раз каким-то образом ухитряется получить большую выгоду, чем его партнер, при этом сохранив видимость справедливой сделки. Он сосредоточен, осмотрителен, и никогда не отступает с намеченного пути.

Убежище. Время от времени Габриэль укрывается в жилище дона Марко. Иногда он присоединяется к Хабибе в ее пещерах рядом с городом, поскольку общество этой сильной духом женщины и ее уединенное служение делу ислама приносят ему отдохновение.

Секреты. Габриэль начинает уставать от своей двойственной жизни, от шпионажа вместо честной драки – ведь помимо непрочного вампирического существования ему приходится еще и изображать Ласомбра или Тореадора, в зависимости от надобности. Он желает наносить удары,

[65] Нарсеа – одна из территорий в северо-западной части Испании, в описываемый период времени входил в состав Королевства Леон.

которые бы уравновесили бесконечное предательство, стремится омыть мостовые кровью крестоносцев и возродить славу Аллаха. Ради этого он подумывает о том, чтобы заключить союз с Бруха Азифом.

Влияние. Габриэль быстро продвигается вверх в иерархии своего клана. Он имеет значительное влияние на Хабибу, в объятиях которой время от времени находит утешение; но его смешанная кровь смущает старейшин Ассамитов, *силсила*. И все же он держит слово чести, поставляет бесценную информацию, и подает большие надежды.

Судьба. Габриэль примет весьма мудрое решение не возвращаться в родные земли и таким образом избегнет Инквизиции. В начале XVI века он будет выдан туркам-османам и принесен в жертву своими братьями-Ассамитами за все более непокорный характер.

Клан: Ассамит.
Сир: Тарик.
Натура: Фанатик.
Маска: Мастер выживания.
Поколение: 7.
Становление: 729 н.э.
Внешний возраст: около 25 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 3, Ловкость 6 (Кошачьи рефлексы), Выносливость 5 (Крепкий).

Социальные: Внешность 4 (Очаровательный), Манипулирование 5 (Льстец), Обаяние 2

Ментальные: Восприятие 5 (Проницательный), Интеллект 4 (Хитроумный), Сообразительность 6 (Хладнокровие в бою)

Способности:

Таланты: Актерское мастерство 3, Бдительность 5 (Ловушки), Атлетика 4 (Метание), Рукопашный бой 3, Уворот 5 (Уклонение от удара), Хитрость 4 (Сменить тему).

Умения: Обращение с животными 2, Стрельба из лука 4 (Стрельба по подвижной мишени), Этикет 4 (Чужие обычаи), Холодное оружие (Обращение с ножом), Скрытность 4 (Искусство прятаться), Выживание 3.

Знания: Академические знания 3, Расследование 4 (Местные осведомители), Лингвистика 4 (Дипломат), Оккультизм 2, Политика 4 (Иерархия вампиров).

Окружение: Союзники 1, Контакты 3, Влияние 2, Наставник 3, Сторонники 1, Статус 2.

Дисциплины: Прорицание 4, Стремительность 5, Доминирование 4, Стойкость 2, Затемнение 5, Могущество 3, Смертоносность 5.

Добродетели: Убежденность 4, Самоконтроль 5, Храбрость 7.

Путь: Путь Крови 7.

Сила Воли: 8.

Хабиба аль-Сиккин

Происхождение. Хабиба аль-Сиккин – не-живое свидетельство того, что Становление Шаббы (первой женщины-Ассамита) отнюдь не было ошибкой. Но в отличие от Шаббы, которая использовала свои женские чары, чтобы заманивать свои жертвы в ловушку, Хабиба применяет другую черту, зачастую приписываемую слабому полу: мстительность.

Хабиба – набожная мусульманка, и Аллах благословил ее природным даром убийцы. Следование исламу, принадлежность к прекрасному полу и профессия убийцы – весьма необычное сочетание, но Хабиба задалась целью доказать, что ее способности (и благочестие), по крайней мере, сравнимы с теми же качествами любого мужчины. Для тех, кто знает ее плохо – а таких найдется немного – совокупность этих черт создают впечатление заносчивой женщины, отличающейся вызывающим поведением. Возможно, время и сотрудничество с Габриэлем сгладят манеру поведения Хабибы до спокойного понимания.

Хабиба родилась в племени аравийских пустынных кочевников в начале IX века. Она стала единственным ребенком в семье мясника и научилась у отца ловко обращаться с ножом, отделяя мякоть мяса от костей и умело перерезая горло ягнятам. Но ее отца стоит винить и в том, что он привил дочери неподобающую самоуверенность, которая так раздражает мусульман-мужчин, ведь они ждут от женщины вежливости и услужливости. Пророк Мухаммед, говаривал отец Хабибы, считал, что женщина должна думать своей головой, как и мужчина. Если это ставит под сомнение традицию мужского главенства, значит, так и должно быть.

Отец девушки старел, его руки теряли былую ловкость, и Хабиба взялась выполнять его обязанности для племени. Однажды ночью, в месяц Рамадан – девушке тогда было пятнадцать – она умело разделывала тушу животного, тихонько напевая себе под нос стихи Корана и готовясь к

новому жаркому дню строгого поста. Эта сцена заинтересовала какого-то пожилого незнакомца; на вопрос девушки тот степенно ответил, что, по его мнению, ни один достойный человек не потерпит в доме такой женщины, как она. Пальцы Хабибы даже не дрогнули, и, продолжив свое занятие, она ответила, что своим ножом может придать ему самому форму достойной жены.

Наглая девчонка показалась каиниту забавной, но при всем при том ее искусность произвела на него впечатление, и он стал следить за перемещениями ее племени по пустыне. Хабиба была тверда в своей вере и постепенно научилась еще и защищать свое племя, оканчивая жизни налетчиков меткими бросками ножа. Но как-то раз тот же нож нашел горло члена племени, обуреваемого пороками женоненавистника, чьи бесконечные издевательства над девушкой в конце концов вылились в попытку физического насилия. Именно тогда сир Хабибы решил, что она обладает достаточной силой и волей для Становления и следования Пути Крови.

После Обращения и обучения в Аламуте вера Хабибы не пошатнулась, и она, сочетая требования Пути Крови и мусульманские обычаи, составила собственный, уникальный комплекс верований. Она решила для себя, что мусульмане – потомки Хакима, как женщины, так и мужчины, суть воплощения могущества Аллаха в земном мире. Они очищают толпу смертных, чтущих Писание – мусульман, иудеев, христиан – от проклятых Аллахом плевелов. А эти последние, как и их приспешники – это агнцы, предназначенные ее кланом на заклание.

Закончив свое ученичество, Хабиба отправилась в окрестности Иерусалима где-то около 850 года. С тех пор она в основном исполняла контракты на убийства. Свое положение в городе она считает примером того, ка Аллах может возвысить женщину; она также уважает городских иудеев, поскольку они следуют Писанию, и разбирается как в обычаях раввинитов, так и несколько иных взглядах караимов. Однако все это для нее стоит ступенью ниже собственной чести и обязательств по исполнению контрактов.

Кочевое прошлое Хабибы позволяет ей уверенно странствовать по окрестностям Иерусалима ночью. Она уцелела в резне, устроенной крестоносцами в 1099 году, расставив смертельные ловушки в пещере на склоне Масличной горы, что к западу от города, в которой устроила себе убежище. Это место Хабиба выбрала потому, что из ее

зева открывается вид на равнину аль-Сахира, на которой мусульмане соберутся перед Днем Воскресения[66]. Она – одна из тех каинитов, кто обитал в Иерусалиме еще до вторжения христиан, и потому не обязана Этерии за спасение. На самом деле Хабибу не столько раздражает заносчивое поведение Этерии, сидящей в своем Вифлееме, она просто считает политические игры каинитов дурным и подлым делом. Если Хабибе когда-нибудь удастся раздобыть доказательства того, что Этерия подстрекала рыцарей к крестовым походам, та встретит Окончательную Смерть на лезвии клинка женщины-убийцы.

В хаосе и притеснениях последовавших лет Хабиба была серьезно ранена, и ей срочно потребовался союзник; по этой причине она Обратила местного знакомого ей юношу по имени Рашид, который знал долины и дороги вокруг Иерусалима почти так же хорошо, как и она сама. Не особо привлекательный, он обладал немалой силой, и Хабиба тайком наслаждалась, наставляя мстительного юнца на Путь Крови, пока Габриэль и другие Ассамиты несколькими годами позже не прибыли в окрестности города.

Теперь Хабиба вновь работает в качестве наемной убийцы и иногда делит ложе с Габриэлем, споря с ним о вере и свободе. Непривычные обычаи этого чужеземца и его таинственная, смешанная кровь интригуют ее, и эти двое питают друг к другу трогательное уважение, но Хабиба верит в мусульманский порядок, в традиции Корана и мудрость халифа, и не разделяет дурных предчувствий Габриэля насчет исламских правителей. Габриэль же понимает, что нуждается в Хабибе и ее власти над Рашидом, что позволяет ему проникать во франкские караваны или уничтожать их, и поэтому Чавес использует свою искусную лесть, чтобы подчинить вампиршу своей воле.

Хабибе, в общем-то, все равно, кого убивать: контракт есть контракт; но ей самой интереснее охотиться за предводителями крестоносцев. Они настолько уверены в собственной неуязвимости (как и в умении своих охранников), что всегда испытывают неподдельное удивление, заметив блеск приближающегося клинка Хабибы. А она наслаждается их беззвучными предсмертными воплями, неспособными разбудить сотоварищей.

---

[66] Подразумевается долина сразу за Воротами Ирода в Иерусалиме, отведенная под мусульманское кладбище. Арабский географ аль-Мукаддаси писал: «Гора Зейта [Масличная] господствует над мечетью [Храмовой горой] и находится на востоке этой долины. На вершине есть мечеть <…> и место, называемое ас-Сахира <…> – земля восстания мертвых из гробов; она бела, и на ней не проливалась кровь» (Трактат «Лучшие разделения для познания климата» (985 г.))

Крестоносцы Вентру, ставшие теперь легкими мишенями, представляют особое «лакомство» для девушки, поскольку наивно полагают, что поединки чести могут происходить исключительно на поле битвы. В последнее время информаторы Хабибы тщательно отслеживают перемещения Луция и двух его потомков.

Внешность. Темные волосы Хабибы острижены гораздо короче, чем у большинства женщин – так они не лезут в глаза. Несмотря на свою набожность, вампирша полагает, что традиционные женские вуали только мешают, когда она делает свою работу. Наедине с собой Хабиба предпочитает удобные мужские одежды, простую рубашку и свободные брюки, штанины которых при необходимости можно плотно примотать к ногам. В темных закоулках улиц Иерусалима ее легко можно принять за мужчину тем, кто не станет присматриваться.

Подсказки для отыгрыша. Хабиба настороженна и обычно молчалива. В разговоре ее ответом, как правило, служит кивок или передергивание плечами. Произнося слова, она умышленно понижает голос до шепота.

Убежище. Хабиба обитает в небольшой пещере, удачно расположенной на склоне Масличной горы, на другой стороне долины от Иерусалима. Она смастерила и расставила внутри несколько смертельных ловушек, чтобы тот, кто осмелится зайти в пещеру, не пережил путешествия по ней.

Секреты. Изредка Хабиба сожалеет, что потеряла свою привлекательность. Однако Аллах взамен наградил ее талантом убийцы и женской хитростью, и она считает себя обязанной использовать эти дары во славу Его.

Влияние. Хабиба не обладает особым влиянием – пока. Но слухи об ее искусности уже распространяются среди других Ассамитов.

Судьба. Хабиба станет одним из величайших ассасинов всех времен. Ее подозрения относительно действий Этерии подтвердятся, и впоследствии Хабиба выследит и диаблеризует ее. Нет точных сведений о том, где Хабиба обосновалась, чтобы отдохнуть; но столетиями гуляющие слухи помещют ее то в Каир, то в Тобрук[67], то в Мюнхен.

Клан: Ассамит.
Сир: Кусай ибн Хамдар.
Натура: Фанатик.
Маска: Мастер выживания.

---

[67] Крупный портовый город в исторической области Киренаика (современная Ливия), неподалеку от границы с Египтом. Известен со времен античности (древнегреческая колония Антипиргос).

Поколение: 7.
Становление: 842 год н.э.
Внешний возраст: около 25 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 2, Ловкость 4 (Гибкая), Выносливость 3.
Социальные: Внешность 2, Манипулирование 2, Обаяние 2
Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 3, Сообразительность 3.
Способности:
Таланты: Бдительность 3, Запугивание 2, Хитрость 2.
Умения: Стрельба из лука 2, Ремесла 1, Травничество 2, Хололдное оружие 5 (Обращение с ножом), Верховая езда 2, Скрытность 4 (Засада), Выживание 2.
Знания: Академические науки 2, Расследование 3, Лингвистика 1, Оккультизм 2, Наука 1.
Дисциплины: Стремительность 5, Затемнение 4, Власть над тенью 2, Смертоносность 5, Могущество 2.
Окружение: Союзники 1, Ресурсы 1, Статус 1.
Добродетели: Убежденность 5, Самоконтроль 4, Храбрость 4.
Путь: Путь Крови 8.
Сила Воли: 6.

Рашид ибн Мусафир

Происхождение. Рашид некогда был молодым фермером и жил в Иерусалиме, когда в 1099 году город завоевали крестоносцы. Он спрятался вне городских стен и слышал предсмертные крики, полные ужаса, эхом разносившиеся по равнинам. Изгнание из собственных жилищ и убийства собратьев, совершаемые кровожадными франкскими захватчиками, оставили в душах выживших сильнейший отпечаток. В частности, Рашид в одно мгновение превратился из относительно веротерпимого человека в одержимого идеей. Он дал Аллаху и самому себе клятву, что положит свою жизнь на алтарь освобождения аль-Кудс. Он был уверен, что те, кто поклоняется кресту, на самом деле не следуют заветам собственной святой Книги.

Собрав других обездоленных горожан, которым новые франкские правители закрыли путь в город, Рашид в течение нескольких месяцев терпеливо выжидал подходящей

возможности. Одним вечером, собирая сведения, подслушанные в чужих разговорах, он обнаружил раненую Хабибу подле входа в ее пещеру под Масличной горой. Он обработал ее раны, подумав, что ее избили и оставили умирать бесчинствующие франки, после чего она попросила внести ее под свод пещеры ради безопасности.

Изощренные ловушки, расставленные у входа, навели молодого человека на мысль, что женщина была вовсе не простой крестьянкой, а могла оказаться ценным союзником. Рашид заботился о ней в течение всей ночи и нескольких последующих ночей. Когда она стала слабеть, гордость заставила ее объяснить молодому мужчине свою суть и миссию. В его же памяти всколыхнулись и ожили воспоминания о ночи ужаса, и он с готовностью позволил ей напиться своей крови, чтобы Хабиба оправилась от ран и слабости. Вампирша наставляла его, сделав своим упырем, а позже Обратила, поняв, что для будущих битв ей потребуется союзник как раз с такой горящей в сердце верой.

С самого Становления Рашид сосредоточил свои усилия на том, чтобы отплатить кровью за пролитую кровь. Используя информацию, по крупицам полученную от аль-Айна, он несет месть Аллаха, причиняя огромный ущерб или вовсе разоряя источники снабжения крестоносцев, питаясь исключительно теми, кто, по его сведениям, был замечен в поддержке западных каинитов. Рашид действует в одиночку или в паре с Хабибой, если это необходимо; кроме того, он знаком с женщиной-Гангрел по имени Канис и ее анималистической манерой действий. Кроме того, он проникся идеей Азифа, мечтающего очистить город от христиан, но считает ненависть Азифа к Бонифацию проявлением узости мышления.

Развитие Дисциплины Превращения сделали Рашида убийцей, приспособленным для работы вне городов: впадая в бешенство, он разделывается с целыми караванами, а следы его когтей часто путают с работой оборотней. Где Ассамит сумел столь быстро изучить эту Дисциплину – неизвестно, хотя ходят слухи, что он не раз сопровождал Канис в ее охоте, ведь обоих одолевает горячая жажда мести.

Одна из немногих радостей Рашида – при всем при том смущающая его до глубины души – это его увлеченность Шахарой. Несмотря на то, что он все еще имеет долг крови перед Хабибой, Шахара более внимательна и снисходительна к нему, и манит его удовольствиями, получить оторые можно лишь в городе. Ее не заботят некоторые черты его характера, раздражающие прочих каинитов. Его сущность изгнанника

исполнена желанием защитить Святой город, его жителей и свою родину. Главная цель Рашида – выставить из Иерусалима пришлых каинитов и усилить собственных собратьев до такой степени, чтобы никакие крестоносцы более им не досаждали.

Внешность. Высокий и крепкий, со смуглой кожей, черными волосами и горящими, как уголья, темными глазами, Рашид не выделяется в толпе. Но его натура затворника и инстинкты одиночки провоцируют пренебрежение окружающих.

Подсказки для отыгрыша. Рашид не интересуется теми, кто не может быть полезен ему в достижении его цели. Те, с кем он общается – за исключением Шахары и Канис – либо принадлежат к его клану, либо являются потенциальными жертвами. Третьего не дано.

Убежище. Ранее Рашид обитал в пещере на склоне холма, что на другой стороне долины от города, рядом с убежищем Хабибы. Недавно, однако, он взял за обыкновение оставаться с Шахарой в Иерусалиме.

Секреты. Рашид начинает подозревать, что в большей степени сам подчиняется Шахаре, чем она ему. Он, однако, не уверен в этом… как не уверен и в том, желает ли он докопаться до истины в этом вопросе.

Влияние. Рашид опирается на Габриэля и Хабибу в деле получения новой информации; он претворяет их волю в жизнь на дорогах вне города. Собственного влияния на что-либо он практически не имеет.

Судьба. Рашид исчезнет без вести примерно в то же время, когда Габриэль пропадет из поля зрения каинитов.

Клан: Ассамит.
Сир: Хабиба аль-Сиккин.
Натура: Защитник.
Маска: Одиночка.
Поколение: 8.
Становление: 1099.
Внешний возраст: 20-25 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 5 (Здоровяк), Ловкость 4 (Стремительный), Выносливость 4 (Крепкий).

Социальные: Внешность 1, Манипулирование 2, Обаяние 2.

Ментальные: Восприятие 4 (Зоркий), Интеллект 1, Сообразительность 3.

Способности:

Таланты: Бдительность 2, Атлетика 3, Рукопашный бой 4 (Обхват), Уворот 2.

Умения: Обращение с животными 2, Стрельба из лука 2, Травничество 1, Холодное оружие 4 (Владение мечом), Скрытность 4 (Засада), Выживание 4 (Выслеживание).

Знания: Народная мудрость 2, Лингвистика 1, Медицина 2.

Дисциплины: Стремительность 3, Затемнение 2, Превращение 2, Смертоносность 4.

Окружение: Союзники 1, Контакты 2, Стадо 2, Наставник 1, Ресурсы 2, Сторонники 1.

Добродетели: Убежденность 4, Самоконтроль 4, Храбрость 4.

Путь: Путь Крови 8.

Сила Воли: 7.

Бруха

Иерусалимские Бруха делятся на две группировки, придерживающиеся двух классических линий поведения: Этерия и Бонифаций стремятся обеспечить другим гармонию и покровительство, а Азиф со своим потомством предпочитают более воинственные действия. Если добавить в эту гремучую смесь оказанные и не оплаченные услуги, а также различные фанатичные религиозные верования – и вот уже Бруха в Иерусалиме не могут сойтись практически ни по одному из множества вопросов.

Бонифаций

Происхождение. Бонифаций родился в 410 году во влиятельном семействе римского сенатора, и выбрал для появления на свет время подлинного смятения и страха – пройдет всего лишь два дня, и Рим будет разграблен. В этом хаосе захватчики-вестготы позволили ошарашенным римлянам спрятаться в трех самых крупных христианских храмах города. Там, среди тысяч других горожан, и укрылась мать Бонифация; его отец был убит, когда пытался спасти дом от огня огромного пожара, который охватил город. Лишившись мужа, мать Бонифация тем не менее была рада, что осталась в живых; она оставила своего младенца на попечение римских священников, а сама вернулась к своей семье в Умбрии[68].

[68] Умбрия – историческая область и современная провинция в центральной Италии.

У монахов Бонифаций выучился чтению и счету, а у одного заезжего ученого – греческому языку в дополнение к своей родной латыни. Ему едва исполнилось двадцать, а он уже обратил на себя внимание Папы римского Целестина I, и удачливый юноша стал одним из секретарей Епископа Рима. Набожный и серьезный молодой человек пользовался доверием самого Целестина, и тот несколько раз поручал ему важные теологические миссии: он посещал южную Галлию, Карфаген и даже двор Константинополя с посланиями для императора. Папа Целестин умер, и Бонифаций стал служить его преемнику Сиксту III, а затем и Льву I[69]. В 442 году н.э. Бонифаций стал одним из архидиаконов Рима, а через два года был рукоположен во священники. В 451 году перед ним открылась просто-таки блестящая карьерная возможность: Папа Лев избрал его одним из своих легатов на Вселенском Соборе в малоазиатском Халкидоне[70], вторым стал некий епископ из южной Италии. Бонифаций даже помогал Льву тщательнейшим образом составлять послание к Собору, хотя подписывал его, естественно, лишь сам Папа. После этого Бонифаций уверился в том, что дальнейшая карьера ему обеспечена.

Работа Собора оказалась чрезвычайно плодотворна, а самому Бонифацию понравилось, как все было устроено. Кое-кто даже негласно признал его участие в авторстве послания; кроме того, молодой священник получил приглашение на вечерний прием во дворце императора Марциана, устроенный в ознаменование создания Константинопольской и Иерусалимской патриархий. Как и подобает члену духовенства, всю свою жизнь Бонифаций избегал женщин – и все же почувствовал странное влечение к бледнокожей зрелой придворной даме по имени Этерия. Она хвалила его речь, произнесенную на заседании Собора, и предрекала ему великолепную карьеру в лоне Церкви. Этерия также намекнула, что может поспособствовать назначению Бонифация в Иерусалим, и возможно, когда-нибудь – через несколько лет, когда умрет тот дурень, что сейчас занимает престол – молодой человек станет новым патриархом города.

И Бонифаций поверил ей. Он оттянул возвращение в Рим и стал проводить все больше времени в обществе Этерии, сначала в императорском дворце, а затем, вечерами, наедине с нею в ее доме. В 452 году из Рима наконец пришло

[69] Целестин I занимал Святой Престол в 422 – 432 годах, Сикст III – в 432 – 440 годах, а Лев I – с 440 по 461 год н.э. Все трое позже были причислены католической церковью к лику святых.

[70] Четвертый Вселенский собор проходил в конце 451 года н.э. в Халкидоне (современный Кадыкёй, пригород Стамбула). Признан как католической, так и православной церковью.

долгожданное письмо: Папа Лев благословлял его на переезд в Иерусалим. Бонифаций и Этерия отправились в Святой город порознь: он – по суше, она – по морю, а затем в паланкине. Бонифаций присоединился к клиру церкви Неа[71] и стал секретарем патриарха, а затем возглавил приход храма Воскресения (который через пару столетий будет известен как Храм Гроба Господня). Этерия использовала все свое, очевидно, немалое влияние на местные церковные структуры, чтобы продвинуть своего протеже. Бонифаций же продолжал навещать ее каждый вечер, очарованный ее красотой. Во время этих визитов он почему-то не замечал голодного блеска в ее глазах – а может быть, ему застила глаза его Вера.

Однако и Этерия, и сам Бонифаций переоценили те высоты, которых латинянин мог достичь в православной церкви. На место умершего патриарха Иерусалима византийский император выдвинул известного проповедника из Антиохии. На следующий год скончался и Папа Лев, и Бонифаций лишился последнего из своих покровителей.

Дело всей его жизни рушилось на глазах, и в отчаянии Бонифаций стал рассматривать церковную политику с более прагматичных позиций. В 462 году Этерия предложила ему принять Становление, и он согласился. Да, ему не достался патриарший престол, но он мог сохранить свое влияние в окружении патриарха. Такое положение многого не обещало, да и удовлетворения не приносило; проходили десятки лет, и Бонифаций стал подвергать сомнению роль, предназначенную ему Господом, и мощь Его самого. Не получив ответов, каинит одной ночью совершил стремительное путешествие в иудейскую пустыню и, найдя себе пещеру, укрылся в ней и спал в оцепенение.

Бонифаций вернулся в Иерусалим около 800 года нашей эры, и оказалось, что знания, полученные им в скитаниях, преобразили его. Он вновь укрепился в своей вере и осознал новую роль, уготованную ему Господом, в защите мирных пилигримов-христиан, посещающих Иерусалим. Это и стало его миссией на годы и годы. Его ужаснули и разгневали бессмысленные убийства Первого крестового похода, и многие чувствуют тайное облегчение, которое испытывает Бонифаций от того, что город, хоть и в руках мусульман, снова открыт для всех, и в нем установился относительный мир. Он питает уважение к идеалам Салах-ад-

[71] Церковь Неа, или Новая церковь Пресвятой Богородицы (англ. *Nea Ekklesia of the Theotokos*) – храм в Иерусалиме, построенный около 543 года на Сионской горе. Точное время разрушения церкви неизвестно, но не позднее 870 года.

Дина и глубоко убежден в том, что его Окончательная Смерть станет искрой, от которой разгорится новая огненная буря, несущая региону разрушение.

После Первого крестового похода Бонифаций обосновался под казармами госпитальеров; ими он и кормится, а еще пьет кровь вояк, обкрадывающих и вводящих в заблуждение христиан-пилигримов ради наполнения собственных карманов. Он знает, что Ласомбра и Вентру используют рвение крестоносцев к собственной выгоде, и в прошлом старался подорвать их прямое влияние на обладающих политической властью рыцарей орденов госпитальеров и тамплиеров. Время от времени он оставляет Иерусалим – например, в 1091 году он уезжал вместе с Этерией в Рим, чтобы со стороны христиан способствовать заключению пятилетнего перемирия.

Вопрос, к которому Бонифаций относится крайне серьезно – это охота каинитов на смертных в четырех христианских лечебницах, находящихся под его опекой: госпиталь Девы Марии в Сионе, а также Провансальская гостиница, и гостиницы святого Марка и святого Стефана. Он запрещает вампирам кормиться их постояльцами без его разрешения, и уже выследил и проткнул колом не одного каинита, посмевшего проигнорировать его распоряжение.

Внешность. Бонифаций – невысокий мужчина с узким лицом и черными волосами, в которых выстрижена тонзура. На вид он то ли приближается к пятидесяти годам, то ли недавно перешагнул этот рубеж. Он худ и подтянут, чего и следует ожидать от монаха-аскета, а его сильные пальцы нередко измазаны чернилами.

Подсказки для отыгрыша. Бонифаций упорен и непоколебим в своем предназначении – защищать паломников, приходящих Иерусалим. ОН может быть грубым и несдержанным в общении. Время от времени Бонифаций втягивается в богословские дискуссии, хотя в последние дни скорее склоняется к теологии греческой, а не латинской церкви.

Убежище. Убежищем Бонифацию служит полуразрушенная крипта под казармами госпитальеров.

Секреты. Политика смертных имеет для Бонифация большее значение, чем должна бы – по его собственным предположениям. Ведь он, в конце концов, ученый и представитель духовенства, а не какой-нибудь мелкий интриган. Тем не менее он признает, что возможность наблюдать за происходящими событиями на

протяжении веков – увлекательнейшее дело, и отказаться от него весьма трудно.

Влияние. Бонифаций полностью и напрямую контролирует все лечебницы и гостиницы, о постояльцах которых печется. Отсюда и проистекает его влияние в городе.

Судьба. Бонифаций сумеет пройти невредимым сквозь хитросплетения интриг Азифа. Он сохранит тесную связь с Этерией, хотя в конце концов устанет от Иерусалима и погрузится в оцепенение; Этерия будет наблюдать за ним, спящим.

Клан: Бруха.
Сир: Этерия.
Натура: Фанатик.
Маска: Защитник.
Поколение: 7.
Становление: 462 год н.э.
Внешний возраст: около 50 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 4 (Жилистый), Ловкость 2, Выносливость 4 (Стойкий)

Социальные: Харизма 4 (Красноречивый), Манипулирование 3, Внешность 2.

Ментальные: Восприятие 4 (Проницательный), Интеллект 4 (Информированный), Сообразительность 4 (Опытный)

Способности:

Таланты: Бдительность 4 (Засады), Атлетика 3, Рукопашный бой 3, Уворот 4 (Найти укрытие), Запугивание 4 (Коварный)

Умения: Этикет 2, Холодное оружие 3, Верховая езда 2, Скрытность 2, Выживание 3.

Знания: Академические знания 4 (Теология), История 4 (Римская цивилизация), Расследование 2, Лингвистика 2, Политика 4 (Религиозная).

Дисциплины: Прорицание 2, Стремительность 5, Доминирование 3, Стойкость 4, Затемнение 2, Могущество 5, Присутствие 6.

Окружение: Контакты 2, Влияние 3, Наставник 3, Ресурсы 2, Статус 3.

Добродетели: Совесть 3, Самоконтроль 4, Храбрость 3.

Путь: Путь Небес 8.
Сила Воли: 6.

Азиф

Происхождение. Азиф был Обращен около 230 года до нашей эры, при жизни он торговал специями и ладаном, был жесток и к тому же нечист на руку. Из общения с каинитами он узнал, что сир наверняка потребует от него связать себя кровавыми узами, и потому Азиф напал на вампира первым и совершил диаблери, предпочтя подвергнуться преследованию, чем стать рабом. Ускользая от погони, он лишился своего состояния, и, едва избегнув встречи с оборотнями и рассветными лучами, он вернулся домой, в южную Аравию, к своему многочисленному семейству.

Через посредников и подвергшихся Доминирования родственников Азиф подчинил себе всю семью, приступив к восстановлению богатства. Однако ему, каиниту, вскоре наскучило существование в окружении смертных. Он стал изучать фольклор, собирать народные легенды, полуночным пересказом которых мог очаровать небольшие группы слушателей. Истории, достигшие ушей Азифа и его упырей и заново ими изложенные, затрагивали самые истоки христианства и ислама, ведь знание верований, которых придерживаются торговцы и купцы, суть лишь еще один рычаг, и им можно воспользоваться для заключения выгодной сделки. Проходили годы, границы стран менялись, и Азиф перенес свою деятельность из южной Аравии в Медину, а затем в Палестину, где, начав с Цезарии, он двинулся вдоль побережья на север. С приходом крестоносцев он переехал вновь, на этот раз на восток, в Дамаск.

Около 1120 года Азиф прибыл в Иерусалим, намереваясь отыскать способ разрушить государство крестоносцев и вернуть город его законным владельцам – мусульманам. На протяжении десятков лет ему удавалось скрывать свои истинные привязанности, вместе с Бонифацием ослабляя госпитальеров и тамплиеров; однако после битвы при Хаттине в 1187 году Азиф развернул свои торговые маршруты, начав снабжать армии Салах ад-Дина. Азиф считает идеалистические, защитнические настроения Бонифация проявлением слабости, несмотря на то, что в жилах обоих течет кровь Бруха, и знает, что Бонифаций – слуга Этерии и нечестивцев, воюющих под знаком креста. Поэтому он ищет возможности напасть и уничтожить их, как

он сделал это с собственным сиром; ради достижения этой цели он Обратил нескольких потомков, а одного из них, Джареда, он держит под более плотным контролем с помощью кровавых уз.

Внешность. Азиф обладает весьма смуглой для каинита кожей. У него короткие курчавые волосы, а в одежде он предпочитает серые и черные тона. Он привык к вниманию окружающих, одевается богато и поддерживает вокруг себя ореол харизматического изобилия.

Подсказки для отыгрыша. Азиф, как и Равнос по имени Варшик, торговец и рассказчик в одном лице. Однако он решительно настроен против христиан и столь же стойко поддерживает воинствующих мусульман, и данный им самому себе обет истребить в регионе всех неверных яростным огнем пылает в сердце Азифа. Он хитрый и изобретательный торговец, обладающий к тому же огромным количеством сведений об обычаях и верованиях.

Убежище. Убежище Азифа – боковая камера в вырубленных в скале пещерах под Храмовой горой.

Секреты. Азиф почти что уже приготовился одержать победу над Бонифацием… а когда это случится, сообщество городских Бруха ждут серьезные изменения!

Влияние. В полном и безраздельном распоряжении Азифа имеется группа полуобразованных ребятишек, которых становится все больше; кроме того, он располагает огромным количеством друзей и союзников среди своих собратьев по вере – мусульман.

Судьба. Интриги Азифа, направленные против Бонифация, не увенчаются успехом. Его контроль над потомками слишком слаб, а действует он вызывающе. Оказавшись в угрожающем положении, Азиф соберет всех потомков, кого сможет найти в кратчайшие сроки, и удерет из Иерусалима в Александрию.

Клан: Бруха.
Сир: Неизвестен.
Натура: Жулик.
Маска: Инноватор.
Поколение: 4.
Становление: 230 год до н.э.
Внешний возраст: 35-40 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 4 (Жилистый), Ловкость 5 (Юркий), Выносливость 6 (Упорный).

Социальные: Харизма 4 (Красноречивый), Манипулирование 4 (Убедительный), Внешность 3.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 3, Сообразительность 4 (Смышленый).

Способности:

Таланты: Бдительность 3, Рукопашный бой 2, Уворот 2, Эмпатия 4 (Деловые переговоры), Лидерство 3, Хитрость 3.

Умения: Этикет 3, Холодное оружие 4 (Кинжалы), Верховая езда 2, Скрытность 4 (В толпе).

Знания: Расследование 4 (Оценка), Знание закона 4 (Коммерция), Лингвистика 4 (Деловое общение), Оккультизм 2, Политика 4 (Иерархия вампиров).

Дисциплины: Прорицание 3, Стремительность 4, Доминирование 3, Стойкость 3, Затемнение 4, Могущество 4, Присутствие 4, Превращение 2.

Окружение: Союзники 3, Контакты 4, Стадо 1, Влияние 3, Ресурсы 3, Сторонники [?], Статус 2.

Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 2, Храбрость 3.

Путь: Путь Небес 4.

Сила Воли: 7.

Джаред

Происхождение. Джаред родился в семье христиан и в юном возрасте вступил в орден госпитальеров, проявив недюжинные способности к лекарскому искусству. Это было до того, как молодой рыцарь был Обращен Азифом и связан клятвой крови со своим сиром, которому требовался слуга из числа воинов, расквартированных рядом с убежищем Бонифация. Джареда возмущает идеалистическая слепота Бонифация, и в то же время он выполняет просьбы Азифа и борется с собственными слабеющими христианскими убеждениями. Он свободно говорит на французском и латыни, а его греческий и арабский медленно, но совершенствуются.

Джаред четче, чем большинство каинитов, ощущает себя пешкой в чужих руках. Он понимает, что Бонифаций питает к нему отвращение за принадлежность к воинствующему ордену смертных, а Азиф, со своей стороны, ненавидит его, поскольку Джаред – христианин. Не чувствуя в своем сердце симпатии ни к своему сиру, ни к его врагу, Джаред тратит все свободное время, вместе с Носферату

облегчая страдания прокаженных при помощи своих скудных познаниях в медицине, или поддерживая многочисленных бедняков Иерусалима. Охотиться он старается исключительно на воров и убийц – так, считает он, их постигает справедливая кара за совершенные преступления.

Внешность. До недавних пор Джаред одевался в белое одеяние с черным крестом – обычную, мирскую униформу рыцарей-госпитальеров. Когда мусульмане изгнали орден из Иерусалима, Джаред стал носить робу из некрашеного полотна, напоминающую рясы монахов-цистерцианцев[72]. В его светлых волосах выстрижена тонзура, а выглядит он примерно на сорок лет.

Подсказки для отыгрыша. При жизни Джаред отличался хладнокровием и собранностью, и старается казаться таким и после Обращения. Однако теперь внутри него тлеет дикий гнев: в его крови полыхает пожар Зверя. Основную часть времени он выполняет поручения сира, из-за чего его познания о мире вампиров скудны и неполноценны. В результате Джаред часто бывает растерянным, раздраженным, нервным и голодным, а его внешнее спокойствие в любом длительном конфликте или споре подвергается недюжинным испытаниям.

Убежище. Джаред укрывается в заброшенном резервуаре под монастырем при госпитале Святого Иоанна.

Секреты. Для Джареда его сущность все еще внове, и он пока что пытается осознать свое место в не-жизни.

Влияние. Пока что Джаред не обладает влиянием ни в какой мере. Вскоре он возьмется за построение собственной сети информаторов, и его понимание и размах действий начнут расти.

Судьба. К несчастью для Джареда, его судьба тесно связана с Азифом.

Клан: Бруха.
Сир: Азиф.
Натура: Бунтарь.
Маска: Опекун.
Поколение: 7.
Становление: 1189.
Внешний возраст: около 40 лет.
Атрибуты:

---

[72] Католический монашеский орден, ответвившийся в XI веке от бенедиктинского ордена. Название ордена происходит от первой обители ордена — монастыря Сито́ (фр. *Cîteaux*, лат. *Cistercium*).

Физические: Сила 2, Ловкость 2, Выносливость 3.

Социальные: Харизма 2, Манипулирование 2, Внешность 2.

Ментальные: Восприятие 2, Интеллект 4 (Дальновидный), Сообразительность 2.

Способности:

Таланты: Актерское мастерство 1, Бдительность 2, Атлетика 3, Рукопашный бой 2, Уворот 2, Эмпатия 3.

Умения: Травничество 2, Хололдное оружие 1, Верховая езда 3, Скрытность 1.

Знания: Академические науки 2, Лингвистика 3, Медицина 3.

Дисциплины: Прорицание 1, Стремительность 2, Могущество 2, Присутствие 2.

Окружение: Союзники 1, Контакты 1, Наставник 1.

Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 3, Храбрость 3.

Путь: Человечность 3.

Сила Воли: 4.

Этерия

Происхождение. Этерия родилась в Испании, в хорошей испано-римской семье, и в раннем возрасте обратилась в христианство. В возрасте шестнадцати лет она стала монахиней, предпочтя эту долю замужеству с юношей, которого находила в равной степени надоедливым и некрасивым, но позже пожалела о своем решении. Она быстро поняла, что монастырская жизнь – вовсе не то, что нужно ее свободолюбивому духу; тем не менее, она сумела добиться места аббатисы, а вскоре после этого использовала свое новообретенное влияние, чтобы отправиться в паломничество в Иерусалим.

Отлично зная ценность исторических хроник, в пути она писала множество писем и вела дневник, куда заносила описания различных виденных обрядов и ритуалов, впечатления от крупных церквей и храмов, посещенных ею и ее спутниками. Прибыв в Иерусалим, Этерия решила остаться там: на нее произвел впечатление недавно возведенный собор и массу пилигримов, которых он притягивал. Отправив домой свои путевые заметки, Этерия обзавелась домом в Святом городе и вскоре попала в поле зрения некоего каинита, которому показалась и

привлекательной, и умной женщиной. Около 395 года н.э. Этерия получила Становление.

За последовавшие годы она укрепила свое положение и власть в Церкви, черпая влияние внутри монастырей. Присоединившись к свите патриарха, она несколько лет путешествовала с важными церковными миссиями, в ходе которых Обратила нескольких смертных, в том числе Бонифация. После того, как Бонифаций около 800 года н.э. очнулся от сна, Этерия переехала в Вифлеем. Когда воины Первого крестового похода устроили побоище в Иерусалиме, Этерия укрыла нескольких каинитов Святого города, и они все еще обязаны ей за спасение своих не-жизней; среди этих должников оказался и Каппадокиец по имени Адам, который взамен пообещал защищать Бонифация в его стычках с Азифом.

Этерия навещает Иерусалим каждый год в Пасхальную седмицу и на Троицын день, и всякий раз остается в городе на несколько дней. Но и в это время встретить ее можно лишь изредка. Во времена Первого крестового похода она предоставила убежище в Вифлееме и его окрестностях огромному числу вампиров, но многие каиниты – и христиане, и мусульмане – верят, что ее влияние в немалой степени способствовало приходу крестоносцев.

Внешность. Этерия – тонкая, гибкая женщина с римскими чертами лица и смуглой – для вампира – кожей. Она одевается в скрывающие фигуру одежды, простого кроя, но пошитые из дорогой ткани, что выдает и ее благородное происхождение, и тот факт, что свою смертную жизнь она посвятила религии. На вид Этерии примерно тридцать пять лет, и она красива надменной, высокомерной красотой.

Подсказки для отыгрыша. Когда пожелает, Этерия способна поразить кого угодно: ей не чужда чувственность и соблазнительность, что отлично сработало на Бонифации. Подобное поведение часто удивляет христиан, поскольку внешностью и манерой поведения Этерия походит на монахиню. Ей нравится культивировать образ «святой женщины из Вифлеема». Этерия кажется своим жертвам слабее, чем она есть на самом деле, до тех пор, пока не становится слишком поздно. Многие каиниты Иерусалима обязаны ей спасением своих не-жизней от бойни, учиненной воинами Первого крестового похода.

Убежище. Этерия сделала своим домом поместье неподалеку от Вифлеема; когда же она бывает в Иерусалиме,

укрытием ей служит пещера рядом с гротом Иеремии[73], что к северу от города.

Секреты. Этерия пользуется всеми благами, которые предоставляет ей ее репутация «Вифлеемской святой». Чтобы защитить это ее реноме, она готова пойти на все, что угодно.

Влияние. Этерия весьма и весьма влиятельна среди каинитов, обитающих в Иерусалиме сотню лет или больше. Это не означает, что она требует быстрой уплаты долгов, ведь помощь другим в прошлом обещает ей прибыток в будущем, и это дает Этерии определенное ощущение покоя.

Судьба. Этерия продолжит обитать в Вифлееме, предоставляя убежище каинитам, спасающимся от политических волнений, в уплату требуя помощи в случае, если кому-то из ее потомков требуется защита. Так будет продолжаться до тех пор, пока Хабиба наконец не раздобудет доказательства ее причастности к организации крестовых походов.

Клан: Бруха.
Сир: Неизвестен.
Натура: Мастер выживания.
Маска: Инноватор.
Поколение: 6.
Становление: 395 год н.э.
Внешний возраст: около 35 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 2, Ловкость 3, Выносливость 3.
Социальные: Харизма 4 (Чарующая), Манипулирование 4 (Убедительная), Внешность 5 (Ослепительная красота)
Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 4 (Хорошая память), Сообразительность 3.
Способности:
Таланты: Актерское мастерство 3, Бдительность 3, Уворот 3, Эмпатия 4 (Завоевывает доверие), Хитрость 4 (Смена темы разговора)
Умения: Ремесла 3, Этикет 4 (Церковный), Холодное оружие 1, Музыка 3, Верховая езда 2, Скрытность 2.

[73] Грот Иеремии – рукотворная пещера, расположенная в скалах к северу от Иерусалима. Издалека эта пещера в комплексе с соседними естественными кавернами образует очертания черепа, что позволило в середине XIX века выдвинуть предположение о том, что именно это место было «истинной Голгофой», а сам грот Иеремии – истинное место погребения Христа (на арамейском диалекте «голгофа» означает «череп»).

Знания: Академические знания 4 (История), Лингвистика 3, Политика 4 (Услуги), Искусство управления 3.

Дисциплины: Прорицание 4, Стремительность 3, Доминирование 2, Стойкость 4, Затемнение 2, Могущество 3, Присутствие 6.

Окружение: Союзники 4, Контакты 3, Стадо 2, Влияние 4, Ресурсы 4, Сторонники 2, Статус 3.

Добродетели: Совесть 3, Самоконтроль 3, Храбрость 3.

Путь: Человечность 6.

Сила Воли: 8.

Юсуф

Происхождение. Юсуф – торговец-мусульманин, которого Азиф Обратил тридцать лет назад; он – главный инструмент, с помощью которого Азиф управляет своими деловыми предприятиями по всей Палестине. Его, как и Джареда, Азиф поначалу поработил с помощью кровавых уз, но крепость этого поводка значительно ослабла за долгие годы дальних странствий. Юсуф с гордостью использует могущество, дарованное ему Аллахом и Азифом. Припасы, которые он продает от имени Азифа, а также методичное истребление отставших от своих отрядов солдат противника (чем занимаются люди и Юсуфа, и Азифа), стали значительным вкладом в военные успехи арабов под предводительством Салах-ад-Дина.

Юсуф остается в Иерусалиме на одну неделю каждый месяц. Он немного возмущен тем фактом, что Азифу потребовалось давать Становление Джареду, и ревнует к этому слабаку лекарю, мало чем отличающемуся от Бонифация, вместо того, чтобы полагаться на собственный воинственный пыл. Не так давно, однако, удача улыбнулась Юсуфу: под его влияние попала Жанетта, христианка-прорицательница, Малкавиан, обладающая в*и*дением, и, кажется, ему удалось внушить ей доверие к себе. Ее грезы, оказавшиеся правдивыми – например, местоположение убежищ некоторых крестоносцев-Вентру, или смерть Салах-ад-Дина – придали Азифу уверенности в том, что он и его дело благословлены самим Аллахом.

Юсуф предпочитает питаться врагами – своими и Азифа. Если Зверь донимает его, он ночами удаляется от своих караванов довольно далеко; иначе же он пьет кровь христиан и иудеев, не брезгуя даже случайным паломником возле одной из опекаемых Бонифацием лечебниц.

Внешность. Юсуф – невысокий, полный мусульманин персидского происхождения; в сообществе торговцев он старается подчеркнуть свой статус – носит перстни и богатые одеяния. С теми, кто может ему пригодиться – купцами, стражниками, танцовщицами – он словоохотлив, а свойственное Юсуфу радушие обеспечило ему доверие множества его знакомых.

Подсказки для отыгрыша. Юсуф разговорчив и очарователен, особенно если он уже осознал, как можно использовать его очередного собеседника. Он обожает разыгрывать роль хозяина города перед теми мусульманами, кто сражается с христианами за власть над Иерусалимом и окружающими землями. Наряду с этим он питает сильную нелюбовь к Гангрелам и оборотням; те и другие, по мнению Юсуфа, – дикари, зачастую наносящие вред его деловым отношениям. Хотя узы крови, привязывающие его к сиру, слабеют, Юсуф всецело разделяет дело Азифа: сохранение владычества мусульман в Святом городе.

Убежище. Бывая в Иерусалиме, Юсуф отдыхает в старом, сохранившемся с римских времен, погребе, расположенном неподалеку от Ворот Ирода.

Секреты. Юсуф начинает задумываться о том, настолько ли безумна Жанетта, какой она кажется с виду. Возможно ли, что она использует сумасшествие, свойственное всем Малкавианам, чтобы скрыть свою женскую слабость? Где она добывает информацию, и откуда берутся ее пророчества?

Влияние. Юсуф обладает меньшим влиянием, чем ему хотелось бы думать. Азиф начал уставать от источаемой Юсуфом ревности, и может счесть, что вполне обойдется и без своего способного потомка.

Судьба. Выходки Юсуфа в конце концов приведут к тому, что Азиф, раздраженный его поведением, «забудет» забрать Юсуфа с собой, покидая Иерусалим. Юсуф исчезнет в хаосе исторических событий, и в современной истории упоминаний о нем нет.

Клан: Бруха.
Сир: Азиф.
Натура: Мастер выживания.
Маска: Фанатик.
Поколение: 7.
Становление: 1167 год н.э.
Внешний возраст: около 45 лет.

Атрибуты:

Физические: Сила 2, Ловкость 2, Выносливость 3.

Социальные: Харизма 3, Манипулирование 3, Внешность 1.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 2, Сообразительность 1.

Способности:

Таланты: Бдительность 2, Уворот 3, Эмпатия 2, Хитрость 3.

Умения: Стрельба из лука 2, Холодное оружие 2, Верховая езда 3, Выживание 2.

Знания: Знание закона 3, Лингвистика 2, Политика 3.

Дисциплины: Стремительность 3, Могущество 3, Присутствие 4.

Окружение: Контакты 3, Влияние 1, Наставник 2, Ресурсы 3.

Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 3, Храбрость 2.

Путь: Человечность 5.

Сила Воли: 6.

Каппадокийцы

Где еще, кроме Иерусалима, можно найти столько сведений по вопросам религии? Каппадокийцы, стремящиеся больше знать и лучше понимать, желающие впитывать древние знания, приходят обучаться именно в Святой город.

Абрахам

Происхождение. Абрахам – старший из Каппадокийцев, обитающих в Иерусалиме, и трудно установить, сколько времени он таковым является. Он один из самых старых вампиров в городе – впервые он появился здесь одновременно с Неемией, в 445 году до н.э. Конечно, Абрахам иногда покидал Иерусалим, чтобы посетить ежегодные собрания клана в день зимнего солнцестояния. Дважды он уходил на довольно долгое время: с 602 по 811 год, и позже, с 1068 по 1125 годы. И все же он пробыл в городе в течение семи с половиной веков, что по любым меркам может считаться весомым достижением.

Сейчас объект изучения Абрахама – документ, известный как Черная Тора, свиток, предположительно написанный белыми чернилами на вычерненном пергаменте и содержащий неизвестные откровения пророка Илии.

Считается, что Абрахам принес Черную Тору с собой, когда возвратился в Иерусалим в 811 году. Со временем его охватило разочарование: манускрипт оказался чересчур сложным; тогда он Обратил перспективного молодого ученого-раввиниста Адама, чтобы тот помогал ему в расшифровке замысловатого послания, которое, как считает Абрахам, скрыто в документе.

Поиск ответов на терзающие его вопросы длится вот уже почти четыре сотни лет, и все же Абрахам трудится, рассылая письма своим европейским и персидским коллегам из числа смертных и каинитов в надежде отыскать подтверждение своим открытиям. Пещеры под синагогой Тиферет Исраэль[74], где работают Абрахам и Адам, заполнены сотнями кусков пергамента и велени[75], покрытых анаграммами гематрии и нотарикона[76], – от одной искры помещения могут превратиться в настоящую огненную ловушку, и подобная перспектива может вывести из равновесия любого каинита.

Абрахам изучает свой разоблачительный документ уже довольно давно, но до постижения всех его секретов ему еще далеко. Он полностью посвятил себя изучению мистических таинств, чтобы осознать назначение смерти во вселенной и, возможно, – собственное место в не-жизни. Поскольку Иерусалим стал средоточием нескольких религий, а работа Абрахама также посвящена этой теме, он твердо верит, что понятия веры, борьбы и смерти в окрестностях Святого города обретают более глубокое значение.

Абрахаму известно, что его дитя Адам, его ученик и помощник, считает его помешавшимся на этой идее, и в присутствии молодого каинита стал более вести себя более осмотрительно. Знает он и то, что Адам жаждет скорее власти, нежели мудрости. Абрахам пытался направить часть честолюбивых помыслов Адама по иному пути, чтобы тот вернулся к благородному делу изучения священных текстов и откровений.

---

[74] На самом деле строительство синагоги Тиферет Исраэль (ивр. «великолепие Израиля») было начато лишь в 1858 году, участок под возведение синагоги был приобретен в 1843 году. В 1948 году в ходе войны за независимость Израиля синагога, расположенная в Старом городе, была разрушена. В мае 2014 года был заложен первый камень в основание нового здания синагоги. В описываемый период времени на этом месте могла находиться могила некоего арабского шейха, которую обнаружили при изначальном строительстве.

[75] Велень – тот же пергамент, только более тонкого качества. На изготовление пергамента шли шкуры овец, коз или свиней, а для велени брались шкуры телят и ягнят.

[76] Два из трех каббалистических методов, применяемых для извлечения и толкования скрытого смысла слов Священного Писания. *Гематрия* исследовала числовое значение составляющих слово букв и их суммы, а *нотарикон* – замену первой или последней букв слова на другие. Третий метод – *темура* – подразумевал замену одних букв еврейского алфавита на другие по специальной схеме.

Несмотря на то, что по всей Малой Азии ходят слухи о союзе кланов Вентру и Каппадокийцев, Абрахам не доверяет крестоносцам-Вентру, признавая, впрочем, за ними силу и преданность своему делу. Временами он встречается с Вентру по имени Луций; в обмен на сведения об истории местных каинитов, например, о Марке, тот обеспечивает безопасную доставку посланий Абрахама на запад.

Внешность. Жаркий, сухой воздух склепа превратил тело Абрахама в мумифицированное подобие его прежнего. Его волосы побелели и истончились, а сам он исхудал и осунулся. Часто он впадает в глубокую задумчивость, как будто читает про себя молитву, отрешившись от всего окружающего мира.

Подсказки для отыгрыша. Иногда посреди беседы Абрахам резко замолкает, как будто его внезапно посетила некая мысль. Он бормочет что-то себе под нос и уходит от разговора, а иногда устремляет взгляд в одному ему видимое окно. Абрахам. Кажется, готов обсуждать исключительно сложности его исследований и роль, которую играют в них каиниты и Иерусалим.

Убежище. Убежищем Каппадокийцам служит древний семейный склеп, расположенный в Кедронской долине, к западу от города.

Секреты. Абрахам владеет огромным, прямо-таки безмерным количеством тайн – где он прячет Черную Тору, что открыла ему гематрия, как повлияют откровения пророка Илии на будущие поколения – но ни один из хранимых им секретов не имеет отношения к политике.

Влияние. Абрахама интересуют лишь другие ученые, на иные сферы общества или политики он влияния не имеет.

Судьба. Со временем Абрахам просто уйдет со сцены в тень; за многие годы никто не услышит о нем и слова. Впрочем, никому не известно и о том, принял ли он Окончательную смерть.

Клан: Каппадокиец.
Сир: Неизвестен.
Натура: Фанатик.
Маска: Кающийся.
Поколение: 5.
Становление: до 500 года до н.э.
Внешний возраст: несоизмеримо древний.
Атрибуты:

Физические: Сила 2, Ловкость 2, Выносливость 7 (Крепкий)

Социальные: Харизма 2, Манипулирование 3, Внешность 0.

Ментальные: Восприятие 4 (Проницательный), Интеллект 5 (Хорошая память), Сообразительность 3.

Способности:

Таланты: Бдительность 4, Рукопашный бой 1, Уворот 3.

Умения: Травничество 2, Верховая езда 3.

Знания: Академические знания 6 (Теология), Народная мудрость 3, Расследование 6 (Поиск в библиотеках), Лингвистика 6 (Переводы), Медицина 3, Оккультизм 6 (Каббала), Наука 3.

Дисциплины: Прорицание 6, Стремительность 2, Доминирование 3, Стойкость 6, Смерть 7, Затемнение 4, Власть над тенью 2, Могущество 3.

Окружение: Союзники 1, Контакты 4, Ресурсы 2, Статус 3.

Добродетели: Совесть 3, Самоконтроль 4, Храбрость 3.

Путь: Путь Небес 9.

Сила Воли: 9.

Марк

Происхождение. Марк давно не был в Иерусалиме – в последний раз он пришел в город вместе с отрядом рабочих, отправленных разрушить Храм Бога иудеев, который подстрекал, казалось бы, покоренный народ к восстанию против Римской империи. Во время очередного восстания Марку было приказано казнить каждого десятого жителя в двух городах. За три недели он и его люди поставили вдоль дороги из Иоппии[77] в Тир более двух тысяч деревянных крестов, на которых затем медленно погибали распятые люди. Марк же надзирал за казнью.

Беспристрастность Марка привлекла внимание вампира по имени Теофилис, который Обратил воина, похоронил его заживо и продержал в таком состоянии трое суток. Пройдя свое испытание «тьмой ночи», Марк стал сопровождать своего сира в путешествиях по владениям империи; а пока они, два бродячих воплощения смерти, странствовали, римская цивилизация осыпалась прахом.

[77] Иоппия – древнее иудейское название города Яффы.

Примерно в 650 году н.э., неподалеку от Афин, Марк и Теофилус расстались.

С того времени Марк в основном блуждал по Византийской империи, хотя в своих странствиях доходил до самой Персии. В период возвышения иконоборцев, около 730 года н.э., будучи в Византии, он присоединился к балканским Цимисхам, разрушавшим церкви и монастыри, за что его возненавидели вампиры клана Вентру, в том числе и Луций. За прошедшие пять веков он то и дело увлекался различными религиозными учениями: исламом, латинским и греческим течениями христианства, манихейством[78] и многими другими.

Примерно двадцать лет назад Марк вернулся в Иерусалим, город, где он получил Становление, и обосновался в непосредственной близости от святынь иудаизма, христианства и ислама, чтобы поразмыслить над тем, что он узнал за несколько столетий. Он подозревает, что Тореадор по имени Элш – призрак далекого прошлого – все еще находится в городе; соседство древнего строителя храмов и не менее древнего разрушителя храмов в городе, разрушенном святыми войнами, веселит его. Марка не интересуют эзотерические изыскания Абрахама и его потомка – Адама; по его мнению, если эти дурни желают провести вечность в набитой пергаментом трутнице, он не будет им мешать.

Три года назад к Марку подошел упырь Палиуро Рустуччи и провел его чередой секретных ходов в подземные катакомбы рядом с Храмом Гроба Господня. Бывший самозваный князь города потребовал помощи Каппадокийца, разглагольствуя о планах своих экспериментов: он собирался через разрушение воскреснуть и обрести вечную жизнь. С той поры Палиуро доминировал Марка, искажая священные ритуалы Каппдокийцев для достижения своих саморазрушительных целей. Он и раньше привлекал к своим обрядам более слабых каинитов, которых больше никто не видел.

Внешность. Маркус ростом чуть выше среднего, имеет крепко сбитую фигуру, квадратное лицо, обрамленное бородой в римском стиле, и орлиный нос. Он выглядит примерно на тридцать лет и часто одевается в одежды кающихся паломников, чтобы без помех, не привлекая

[78] Манихейство - религиозное учение, последователи которого придерживались представления о вселенском характере истинной религии, которое проходит через скрытую и явленную стадии. Это позволило манихейству встраиваться в самые разные культурные контексты, хотя само оно состояло в основном из гностических толкований Библии, а позже впитало многие догматы других учений, в том числе зороастризма и буддизма.

излишнего внимания, перемещаться по христианскому кварталу.

Подсказки для отыгрыша. Марк много путешествовал еще будучи смертным и позже, уже став каинитом. Он чрезвычайно упрямый, эгоистичный и дисциплинированный. Он питает к местам религиозного поклонения мало почтения – ведь он участвовал в разрушении Храма в Иерусалиме, а возмездие Яхве так и не пало еще на его голову. И пока что не похоже, чтобы Яхве, Господь или Аллах, или какое другое божество, собирается вмешаться в судьбу Марка.

Убежище. Убежищем Марку служит пещера глубоко под Цитаделью; участвуя в очистительных ритуалах Палиуро, он занимает несколько помещений возле Храма Гроба Господня.

Секреты. При дерзком отношении Марка к святыням он предпочел бы, чтобы никто не узнал о том влиянии, которое на него оказывает Палиуро.

Влияние. Марка практически не заботит то, что думают о нем другие, поэтому обладает малым влиянием сам, да и на него мало кто оказывает влияние.

Судьба. Ходили слухи, что Марка проткнет колом Тореадор Дуйал, чтобы отомстить ему за уничтожение работы своего собрата, Элша.

Клан: Каппадокиец.
Сир: Теофилис.
Натура: Жулик.
Маска: Варвар.
Поколение: 7.
Становление: 70 год н.э.
Внешний возраст: 30-35 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 4, Ловкость 3, Выносливость 4 (Стоик).

Социальные: Харизма 2, Манипулирование 3, Внешность 3.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 2, Сообразительность 4 (Хладнокровие в бою).

Способности:

Таланты: Бдительность 3, Атлетика 3, Рукопашный бой 4 (Борьба), Уворот 3, Запугивание 3, Лидерство 2.

Умения: Холодное оружие 4 (Меч), Верховая езда 3, Скрытность 2, Выживание 2, Метательное оружие 2.

Знания: Академические знания 4 (Теология), Лингвистика 3, Медицина 3 (Лечение боевых ранений)

Дисциплины: Анимализм 3, Прорицание 4, Стремительность 3, Стойкость 5, Смерть 5, Затемнение 3, Могущество 4, Присутствие 3, Превращение 2.

Окружение: Влияние 1.

Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 4, Храбрость 4.

Путь: Человечность 4.

Сила Воли: 9.

Адам

Происхождение. Адам был подающим надежды иерусалимским ученым-раввинистом. Ему удалось расшифровать для Абрахама несколько замысловатых текстов на арамейском языке, и в 813 году каинит Обратил его. С тех пор Абрахам еще глубже вовлек Адама в изучение Черной Торы и прочих документов, содержащих различные откровения; молодой каинит служил ему переводчиком, писцом, библиотекарем, занимался систематизацией и расшифровкой множества свитков, хранящихся в их рабочих пещерах под синагогой.

В мрачные времена Первого крестового похода Адам укрылся в Вифлееме, но при бегстве сумел унести с собой лишь самые важные документы. Его с его скарбом приютила Этерия, подав это под соусом «христианской добродетельности», но перед тем выудив из Адама обещание того, что он и Абрахам защитят ее дитя, Бонифация, по возвращении в Иерусалим. Таким образом, Адам задолжал клану Бруха, и об этом долге он с радостью предпочел бы забыть, поскольку уверен, что Этерия и ее собратья тайно сносятся с крестоносцами.

В ходе своих изысканий Адам узнал, насколько глубоко проник его сир в откровения пророка Илии и как много тайн Абрахам сумел разгадать. За это время сила и возможности самого Адама возросли, от имени старшего каинита он наладил множество контактов с учеными и мистиками и постиг глубочайшие тайны гематрии. Его раздражает, что в последнее время Абрахам все чаще погружается в параноидальные настроения из-за наиболее ценных своих документов, да Адам и сам не уверен, что

таинственная Черная Тора есть нечто большее, чем отголосок стремления Абрахама к прозрению.

Адам принадлежит к клану Каппадокийцев вот уже больше трех столетий и все пока что остается по-прежнему: он в услужении у своего ученого наставника и имеет обязательства перед Бруха, которые сговариваются с кровожадными захватчиками. За свою не-жизнь он сумел ощутить лишь слабый привкус власти, свободы и независимости, и жаждет увидеть мир, простирающийся за пределами пещеры под синагогой в разрушенном войной городе. Подозревают, что он желает освободиться и от своей интеллектуальной натуры, и от еще сохранившихся в нем остатков преданности работе Абрахама.

Внешность. Внешне Адам – молодой мужчина чуть за тридцать лет, с длинными, черными, вьющимися волосами и такой же бородой. Правая сторона его лица обезображена огнем – несколько десятков лет назад в его архиве случился пожар.

Подсказки для отыгрыша. Адам проводит все больше и больше времени вдали от архивов и Абрахама, тратя часть его на защиту Бонифация и его агентов в лечебницах. Он считает, что бред сумасшедшего, заключенный в таинственной Черной Торе, вовсе не содержит исчерпывающих ответов на все его вопросы. Он стремится расспрашивать любого каинита, встреченного им впервые. В настоящее время Адам исследует некоторые книги в христианских и мусульманских библиотеках города, пытаясь найти сведения, которые могут продвинуть исследования Абрахама – или позволят Адаму сбежать от своего сира.

Убежище. Адам обитает в пещере глубоко под синагогой Тиферет Исраэль.

Секреты. Как бы ни хотел Адам поверить воззрениям Абрахама, он начинает подозревать, что Черная Тора существует лишь в воображении самого Абрахама.

Влияние. Адам обладает небольшим влиянием – но это только пока. Вполне возможно, что его стремление вырваться за границы мира, очерченного для него Абрахамом, постепенно изменят его замкнутую натуру, свойственную всем Каппадокийцам.

Судьба. В конце концов Адам покинет и Абрахама, и Иерусалим, чтобы уехать в Венецию и достичь новых вершин. Там, в XV веке, история его не-жизни внезапно оборвется.

Клан: Каппадокиец.

Сир: Абрахам.
Натура: Щеголь.
Маска: Одиночка.
Поколение: 6.
Становление: 813 год н.э.
Внешний возраст: около 35 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 2, Ловкость 2, Выносливость 3.
Социальные: Харизма 2, Манипулирование 3, Внешность 1.
Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 4 (Образованный), Сообразительность 3.
Способности:
Таланты: Бдительность 2, Рукопашный бой 2, Уворот 2, Хитрость 3.
Умения: Травничество 2, Скрытность 2.
Знания: Академические знания 5 (Иудейская культура), Расследование 3, Лингвистика 3, Оккультизм 4 (Каббала).
Дисциплины: Прорицание 3, Стойкость 4, Смерть 2, Затемнение 2, Присутствие 3.
Окружение: Наставник 2, Ресурсы 2.
Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 3, Храбрость 2.
Путь: Путь Небес 5.
Сила Воли: 4.

Гангрел

Гангрел в Иерусалиме ведут именно такой индивидуалистический образ существования, какого от них можно ожидать. Они не участвуют в битвах тех, кому важна судьба города, их не касаются проблемы каинитов, дерущихся друг с другом. Они могут продавать свои услуги, но даже в этом случае будут не более чем наемными солдатами в возникающих то и дело конфликтах. Не нужно говорит о том, что самих Гангрел это устраивает.

Канис

Происхождение. Канис пребывает в окрестностях Иерусалима с тех пор, как город был разграблен войсками Первого крестового похода. Однако она знакома с многими древними каинитами Ближнего Востока, поскольку обитает в Египте и Леванте со времен Пунических войн. Если бы не ее

очевидная разумность, многие каиниты приняли бы Канис за какую-нибудь собаку или волчицу, подвергшуюся акту Обращения, несмотря на самую невозможность такого деяния.

Канис побывала в Багдаде, Александрии, Каире, Антиохии, Карфагене и Вавилоне и обошла все земли, что лежат между этими городами. В различные времена и эпохи она была любимицей, компаньонкой, охранником или посланцем многих ближневосточных каинитов, Хатшеп-серу, ученых – всех, кто имел связи с оккультным миром.

До сей поры Канис оставалась вне политических дрязг Иерусалима, питаясь домашним скотом и смертными, сбившимися с дороги. В суматохе вокруг города некому руководить охотой на вампиршу, и она считает окрестности Иерусалима удачным убежищем, где она может оттачивать свои умения, не опасаясь порицания могущественного местного князя.

Обычно она возглавляет стаю бездомных собак-упырей, хотя ни одну из них она не привязывает к себе на долгое время. Стаи приходят и уходят, а Канис остается. Она не принимает человеческий облик, но это не означает, что в ней меньше от каинита, чем в ее двуногих собратьях. Она не способна (или не желает) общаться иначе, чем предполагает ее звериная форма, однако весьма искушена во множестве Дисциплин, свойственных ее клану или используемых другими.

Канис не торгует своим обществом, зато готова за плату послужить охранником или посланцем. Хорошо известно, что она за свои услуги она попросит обучить ее какой-нибудь Дисциплине, потребует крови, крова или ответной услуги, именно в таком порядке предпочтений. Она – хороший бегун и воин, но главный талант Канис – умения разведчика. Она рождена для того, чтобы выслеживать добычу, а ее инстинкты отточены многовековой практикой. Лишь самые искусные и удачливые каиниты могут ускользнуть от охотящейся Канис, неважно, насколько остыл след жертвы или как быстро она умеет бегать.

Один или два раза в десятилетие Канис со своей стаей уходят в незнакомые земли в компании какого-нибудь просителя, кому нужна ее помощь в качестве загонщика или лидера боевого отряда. Хотя никому из местных каинитов ее услуги пока что не требовались, она имела временные контакты большинством старейших вампиров Иерусалима. Канис путешествует далеко и, будучи уникальным существом, уже заработала себе славу и известность.

Константинопольский Хранитель Веры, передал шпиону Цимисхов, Алексусу Симокатте, знак, который тот мог бы показать Канис, если ему потребуется помощь вампирши. Этот знак, маленькая золотая статуэтка волчицы, Канис узнает мгновенно: это символ услуги, которую она задолжала Дракону и самому Хранителю.

Внешность. Канис выглядит как крупная собака, которой ко всему прочему присущи черты одновременно шакала и волчицы. Хотя иной облик она практически не принимает, Канис регулярно прибегает к своим Дисциплинам и не менее умна, чем любой из каинитов, осмелившийся бросить ей вызов.

Подсказки для отыгрыша. Канис воспринимает самое себя как собаку, и ее собственное «я» и повадки соответствуют этому представлению. Однако она вовсе не тупое животное, она *сама* предпочла бегать со стаей собак и вести такой образ жизни. Канис принадлежит к шестому поколению каинитов и так же умна и безжалостна, как и любой из ее собратьев по Проклятью Каина. Однако в отличие от многих прочих вампиров, она не стремится к власти, участвуя в войнах других старейшин. Зная все о так называемом Джихаде, она не поддалась тоске и апатии. Собакам не нужно что-либо, чтобы отвлечься от скуки вечной не-жизни. Давным-давно Канис предпочла участвовать в извечной войне лишь косвенно и лишь пока это устраивает ее – обычно, если она получает в уплату возможность совершить диаблери или шанс освоить какую-нибудь новую Дисциплину.

Убежище. В настоящее время Канис устроила себе и своей стае из полудюжины собак логово в монастыре, сожженном крестоносцами во время разграбления Иерусалима – он расположен примерно в десяти милях от городских стен. Днем она отсыпается в заваленном камнем винном погребе, а ночью бегает по окрестностям со своей стаей. Канис весьма разумно действует: при охоте она пересекает весь регион, число собак в ее стае невелико, а жертвы погибают так далеко друг от друга, что никто не прилагает серьезных усилий, чтобы изловить ее.

Секреты. Если бы каиниты Иерусалима знали, сколь много их тайн сумела вынюхать мягколапая Канис со своей стаей, они, без сомнения, гораздо больше озаботились бы ее присутствием рядом с собой. Канис не так много знает о *планах* местных каинитов, зато ей известно практически все об их привычках и убежищах. Она даже знает многое о передвижениях таинственного вампира по имени Мандалай. Если персонажи не окажутся в высшей степени

хитроумными, вскоре после их прибытия в регион Канис будет знать о них почти все.

Влияние. Единственное существо, которому Канис всецело доверяет – это сама Канис. Тем не менее, за столетия довольно большое число старых каинитов имели удовольствие общаться с ней, а другие испытывали к ней благодарность за то, что в ее когтях закончили свой путь множество врагов. В числе этих благодарных и Михаил из Константинополя, и сам Дракон, с которым она оставалась почти целый век в период расцвета его Мечты. Те каиниты, кто будет слишком сильно давить на Канис или пожелает уничтожить ее, скорее всего, выяснят, насколько много у нее друзей среди старейшин.

Судьба. Канис окончательно поддастся Зверю в начале XVII века. Почти через десять лет, в 1640 году, она вместе со своей стаей попадется группе христианских колдунов и охотников на вампиров. Сопровождаемые целым отрядом легкой кавалерии местного губернатора, маги и охотники будут гнаться за ней на протяжении трех дней. В конце концов одна из самых древних каинитов Ближнего Востока найдет свою окончательную смерть в их руках.

Клан: Гангрел.
Сир: Неизвестен.
Натура: Мастер выживания.
Маска: Одиночка.
Поколение: 6.
Становление: Год неизвестен.
Внешний возраст: Собака примерно 6 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 4 (Свирепая), Ловкость 4 (Дикая грация), Выносливость 5 (Не знающая усталости).

Социальные: Харизма 1, Манипулирование 2, Внешность 2.

Ментальные: Восприятие 5 (Острое зрение), Интеллект 2, Сообразительность 5 (Хладнокровие в бою)

Способности:

Таланты: Бдительность 4 (Толпа), Атлетика 4 (Бег), Рукопашный бой 4 (Укус), Уворот 4 (Прыжок), Запугивание 5 (Страшный взгляд), Лидерство 3.

Умения: Скрытность 4 (Рысканье), Выживание 5 (Выслеживание).

Знания: Расследование 3, Лингвистика 3.

Дисциплины: Анимализм 6, Прорицание 3, Стремительность 5, Доминирование 2, Стойкость 7, Затемнение 4, Могущество 4, Присутствие 2, Превращение 6.

Дисциплины:

Окружение: Контакты 4, Статус 3.

Добродетели: Убежденность 4, Инстинкт 4, Храбрость 5.

Сила Воли: 9.

Хаккон

Происхождение. Прошло совсем немного времени после наступления X века н.э., и случилось так, что один мужчина и одна женщина полюбили друг друга. Мужчину звали Хаккон Арнульфсон, а женщину – Торхалла. Хаккон был удачливым грабителем, сыном мелкого царька, Торхалла же была валькирией, одной из потомства Старца клана Гангрел, известного как Всевышний. Встретились эти двое в самый разгар лета в городе Тронхейм.

Хаккон набирал в Тронде людей, чтобы построить корабль и следующей весной отправиться грабить побережья к югу. Торхалла в своей сияющей кольчуге явилась, чтобы лицезреть *хольмганг*[79], в котором участвовал другой знаменитый воин, Ульф Гриммсон. Если бы он храбро сражался или даже победил, он бы принес клятву на крови и был взят в чертог Всевышнего в Уппсале, чтобы служить ему в качестве одного из эйнхериев[80]. Увы, к моменту прибытия Хаккона на место поединка более именитые бойцы уже сразились друг с другом, а Ульф Гриммсон умер, хныкая, как дитя и на коленях вымаливая пощаду. Хаккон и Торхалла встретились, бесцельно слоняясь в окрестностях Тронхейма поздним вечером. Проведя вместе несколько последующих ночей, они влюбились друг в друга, и Торхалла поведала Хаккону о своей не-живой сущности, рассказала о своем служении Всевышнему и о том, с чем бы ему пришлось смириться, чтобы быть с ней.

После того, как Хаккон принял Обращение Торхаллы, они развлекались друг с другом до конца лета, пока другие валькирии не пришли за ней. Торхалла велела

---

[79] Хольмганг (древнеисл. «прогулка по острову») – поединок двух викингов, нередко служивший формой узаконенного разбоя, так как при вызовах боевой опыт соперников не учитывался. При этом отказавшийся от поединка становился изгоем. Причинение смерти на хольмганге не считалось убийством.

[80] Эйнхерии - в скандинавской мифологии лучшие из воинов, павшие в битве и попавшие в чертоги Вальгаллы.

Хаккону бежать на юг, поскольку Всевышний неизбежно узнал бы о его Становлении. Молодой воин к тому времени уже освоил искусство превращения в волка и в этом обличье бежал сначала на восток, а потом на юг, остерегаясь оборотней и других каинитов. Он отправился сначала в Византию, где его родственник служил в варяжской страже[81]. Однако, прибыв в империю, он обнаружил, что родич заключен в темницу, а город прямо-таки кишит каинитами. Учитывая их законы и извращенность линий крови, все, что оставалось храбрецу в их мире – это безвестно пасть в чужой войне, не обретя ни славы, ни богатства.

Итак, Хаккон отправился дальше на юг, в земли темнолицых мусульман. В своих скитаниях он дошел до самой Александрии, а затем повернул назад, к Иерусалиму, поскольку посвящал свой меч и силу тем, кто мг уплатить сильному и яростному в бою наемнику. За годы он сражался во многих битвах на стороне множества разных группировок. Его когти раздирали до крови тела Ассамитов, когда те дрались с Сетитами, и Сетитов, когда те бились с Бруха-Фатимидами. При последней смене властителей региона Хаккон решил, что ему стоит переселиться севернее.

Несколько лет после бегства из Египта Хаккон провел в безделье. К тому времени, как на Святую землю прибыл Первый крестовый поход, он уже некоторое время обитал в собственном «поместье» за стенами Иерусалима в компании нескольких северян из своего стада. Обладая светлой кожей и зная христианский закон, он и его люди смогли присоединиться к прибывшим из Европы захватчикам в качестве наемников. Они участвовали в разграблении города, но весьма мудро поступили, уйдя из него в Неделю безумия; карманы их распухли от золота, а репутация среди крестоносцев стала заслуженно высокой.

В последующие десятилетия Хаккон со своим отрядом существовали безбедно. Его воины и упыри служат охраной богатеям, и у всех хватает монет на кусок мяса и бутылку вина каждую ночь. Для остальных Гангрел Хаккон – нечто вроде культурной аномалии, но для мусульман он не более чем очередной безумный *франж*, а латинские короли считают его еще одной деталью сюрреалистичного пейзажа земли сарацин. После возвращения Иерусалима в руки мусульман Хаккон и его люди превратились в охранников, сопровождающих богатых паломников. Они предпочитают

[81] Отборное воинское формирование в Византии (X – XIV вв.), набиравшееся из норвежских и англосаксонских наёмников. В мирное время исполняли роль дворцовой стражи, отличались выучкой, верностью и дисциплиной.

поддерживать связь с миром смертных и при этом воздерживаться от основных течений политики каинитов Иерусалима.

Не так давно, однако, Хаккон узнал от шведского торговца о сожжении города Уппсала. С этого времени он отчаянно ловит всевозможные слухи. Весть о падении Всевышнего воскресила в Хакконе желание вернуться домой, увидеть родные земли и отыскать свою любовь, Торхаллу. Его упыри, разумеется, пылают равным энтузиазмом – а как может быть иначе?

За последний год Хаккон со своим отрядом трудился едва ли не вдвое усерднее, чем обычно (то есть, отрабатывая на совесть все ночи напролет), чтобы собрать деньги, нанять корабль и запастись провизией для путешествия на север. Любой каинит, сообщивший Хаккону сведения о Великих Северных землях, а в особенности что-нибудь о Всевышнем и валькириях, заслужит его вечную благодарность и дружбу. Если же кто-то попытается убедить его в том, что времена изменились, и на севере для Хаккона больше нет места, того Гангрел окинет презрительным взглядом и обзовет трусливой бабой.

Внешность. Хаккон широк в плечах, имеет мужественное лицо и ярко-рыжие волосы – они достались ему от матери, пленницы родом из Ирландии. На его коже нет следов оспы, а широкая улыбка открывает ровные зубы, что делает его довольно привлекательным мужчиной. Тело его, однако, покрыто шрамами. Его слабый загар и свойственная вампирам бледность вместе придают ему вид человека, оправляющегося от долгой болезни.

Подсказки для отыгрыша. Хаккон – истинный воин Севера, настоящий мужчина. Он не боится ничего и никого. Он берет то, что желает, говорит то, что считает нужным и делает, что хочет, какой бы наглостью это ни было. С другой стороны, Хаккон вовсе не глуп. Он знает разницу между осторожностью и страхом. Его бесстрашие основано на понимании того, что в плохих условиях все противники равны. Хаккон верен своим людям, импульсивен, как подросток, и уважает только лишь грубую силу. При этом он хитер, удачлив и поистине суров, чем и объясняется его столь долгая не-жизнь.

Убежище. Хаккон обитает в традиционном скандинавском медовом зале, адаптированном к климату Ближнего Востока. Строение длинное, узкое и низкое, с лавками вдоль стен; каждая секция стены закреплена на стойках не гвоздями или штифтами, а подпорками, что

позволяет при желании убирать стенные щиты, превращая дом в подобие открытой беседки. Крыша покрыта черепицей, а стены обшиты грифельной плиткой во избежание пожара. Съемные стены, по большей части, призваны защитить хозяев от старой тактики сжигания домов.

Секреты. Хаккон не знает каких-либо тайн, если они не касаются его лично. Он не встречался с доброй половиной каинитов города и даже не слышал о существовании Мандалая или Канис. О нем самом, однако, знает Бруха по имени Азиф, который прикидывает возможность использования отряда Хаккона в качестве грубой силы, если его положение в борьбе с Бонифацием или Этерией осложнится.

Влияние. Хаккон возглавляет отряд сильных мужчин, которые знакомы с влиятельными смертными в регионе, поскольку служат (или служили) их телохранителями. Поскольку никто не станет оказывать ему услуг добровольно, Хаккон сведущ в искусстве подкупа и вымогательства. Каиниты, имеющие непосредственное влияние на регион, смогут с легкостью остановить Хаккона, но он точно знает, в какой момент следует распустить завязки кошеля, чтобы получить желаемое. Кроме того, Хаккону удалось скопить огромное богатство, и он весьма скуп.

Судьба. Хаккон со своим отрядом успешно доберется до Великих Северных земель, где они присоединятся к местному сообществу варгов. После нескольких десятков лет безуспешных поисков своей возлюбленной Торхаллы Хаккон впадет в оцепенение, в котором и находится до наших дней, пока пробуждение валькирий не нарушит его дремоту.

Клан: Гангрел.
Сир: Торхалла.
Натура: Мастер выживания.
Маска: Фанатик.
Поколение: 7.
Становление: 905 год н.э.
Внешний возраст: 25-30 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 4 (Широкоплечий), Ловкость 3, Выносливость 4 (Смеется над болью).

Социальные: Харизма 3. Манипулирование 2, Внешность 3.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 2, Сообразительность 4 (Стальные Нервы).

Способности:

Таланты: Бдительность 4 (Засады), Атлетика 3 (Плавание), Рукопашный бой 3 (Обхватывание), Уворот 3 (Шаг в сторону), Запугивание 3, Лидерство 4 (Пример для своих).

Умения: Стрельба из лука 2, Холодное оружие 4 (Секира), Скрытность 2, Выживание 3.

Знания: Народная мудрость 2, Лингвистика 2.

Дисциплины: Анимализм 2, Стремительность 3, Стойкость 4, Могущество 3, Превращение 4.

Окружение: Союзники 2, Ресурсы 3, Сторонники 4, Статус 2.

Добродетели: Убежденность 3, Самоконтроль 4. Храбрость 4.

Путь: Путь Эйнхериев 8.

Сила Воли: 7.

Ласомбра

На протяжении сотен лет клан Ласомбра контролировал религиозных лидеров Иерусалима или влиял на их решения с помощью влиятельных паломников и советников, несмотря на то, что нестабильность обстановки в регионе превращает постоянный контроль в неприятную и тщетную работу. Генуэзец Палиуро Рустуччи со своей свитой неотлучно находился в городе с момента кровавого захвата Иерусалима крестоносцами в 1099 году. Римско-католический священник Палиуро только что не называл себя князем Иерусалима, пока Салах-ад-Дин не вошел в город, что случилось менее десяти лет назад. Однако вера и предательство настигают его, и его призрачная хватка и остатки могущества начинают утекать сквозь его пальцы, а вместе с ними и его рассудок. Его противники из числа итальянских Ласомбра послали в Иерусалим дитя Нарсеса из Венеции, чтобы та разобралась с окопавшимися в городе генуэзцами; она оспаривает власть Палиуро, сговариваясь с крестоносцами-Вентру и армянином из клана Равнос, Варшиком.

Отец Палиуро Рустуччи

Происхождение. Палиуро Рустуччи, благородный потомок достойного купеческого семейства, родился близ Генуи в 683 году нашей эры и в раннем возрасте был отправлен постигать добродетель смирения, чтобы в дальнейшем принять священный сан. Ему с его ясным,

живым умом понравилось течение веры в Церкви, однако его острый язык, скрывавшийся за блаженной внешностью, снискал ему нелюбовь церковных сановников. Молодой Палиуро полюбил проводить ночные часы в необъятных церковных библиотеках, сосредоточенно изучая религиозные догматы прошлого; в нем крепла уверенность в том, что его собственное понимание веры расходится с мнением на этот счет его наставников. Наглость Палиуро, однако, сошла ему с рук, что стало доказательством его обаяния и растущего влияния на других молодых прихожан.

В процессе своих ночных исследований Палиуро многое узнал о современной католической философии, включая истории о щедром и необходимом с точки зрения идеологии приказе императора Константина о восстановлении церквей в Иерусалиме. Вера, распространяемая Церковью, – вот что поддерживало общество и всю цивилизацию, расставляя все по своим местам и полагая цели для всех людей, от простого крестьянина до благородного властителя, а Константин был благословлен видением и могуществом, чтобы претворить это в жизнь. Когда Палиуро думал о неверных, захвативших Святой город, ограничивших доступ верующих к святыням с помощью тяжких налогов, в нем вспыхивал огонь гнева, и эта идеалистическая убежденность вместе с бесспорным знанием церковных доктрин придавала его проповедям пламенную глубину.

Растущее влияние Палиуро в среде ученых и торговцев оружием в Генуе, как светское, так и религиозное, вскоре привлекло внимание Энрико, второго по значимости Ласомбра в Генуе после князя: верность молодого человека своим убеждениям вкупе с полученным им образованием могла превратить его в ценного союзника. Энрико стал давать молодому священнослужителю советы по отдельным тонкостям католичества и вскоре заинтересовал Палиуро своим глубочайшим знанием истории Церкви и ее восхождению к славе.

Энрико встречался с Палиуро на протяжении нескольких месяцев, заводя с ним беседы на самые разнообразные темы: от крепости иерархии Святого Престола и ответственности кардиналов до моральных аспектов насильственного приобщения к вере и спасения душ язычников. В одном из мечтательных разговоров, посвященных бессмертию дарованного Господом духа, Палиуро выразил свое искреннее желание: когда-нибудь снова увидеть Иерусалим в руках католической церкви.

Тогда-то Ласомбра и предложил Палиуро вечность, в течение которой тот мог проповедовать не хуже божественного ученика и – даст Господь – узрит возвращение Святой Земли во владение истинно верующим. Палиуро же почувствовал в этом предложении могучую возможность по-своему толковать церковные догматы и легко согласился принять Обращение и стать отпрыском тьмы.

Влияние Палиуро возросло одновременно с восшествием его сира на вершину власти в 797 году и ритуальной коронацией Карла Великого, который получил корону императора Священной Римской империи из рук Папы римского в 800 году. Однако его разочаровали тонкие, тактичные шаги внутренней церковной политики, а также десятилетия, которые проходили между ответными ходами Ласомбра и Вентру в борьбе за власть. Как-то ночью, после исполненного горечи выпада в адрес патриарха Пизы, Энрико мягко посоветовал своему потомку усмирить свою страстную натуру, совершив паломничество.

Несколько лет после этого Палиуро странствовал с генуэзскими торговцами и моряками; дальновидные капитаны гарантировали ему безопасное путешествие в обмен на вдохновение, которое Палиуро вселял в сердца команды своими благословениями. Его мрачная аура и западающие в душу проповеди даже в самом неверующем смертном пробуждали страх; после мольбы о спасении люди приносили пожертвования, наполнявшие корабельные сундуки.

В 820 году Палиуро Рустуччи впервые вступил в Иерусалим, его, как благородного паломника, сопровождали старательные и роскошно одетые свитские. В те времена Иерусалим еще процветал, был цивилизованным и открытым для всех городом, каиниты досадовали на собираемый мусульманами налог с неверных, *джизью*, и роптали в ответ на слухи о том, что христиан заставят писать свои имена на кистях рук. Палиуро отписал обращение патриарху и пожертвовал большую сумму на обновление Храма Гроба Господня (каменные украшения для которого высекал Тореадор Элш), посчитав его убранство устаревшим и не выдерживающим сравнения с величайшими соборами Италии.

Убедившись, что его пожертвования потрачены на строительство (и небольшая их часть – на уплату налогов), Палиуро покинул Иерусалим. Еще столетие он продолжал свою миссионерскую деятельность и, хотя и добился на этом поприще лишь незначительных результатов, одновременно

укрепил свое влияние и даже заработал некоторое уважение, совладав, в конце концов, со своим темпераментом. В 980 году он получил право создавать потомство; на роль своего дитя он выбрал Пацифико, в котором увидел сурового и сильного союзника; При этом он связал перспективного и агрессивного молодого вампира кровавыми узами, чтобы обеспечить его верность. Вместе с потомком и своими сторонниками Палиуро в 990 году возвратился в Геную, где стал укреплять положение своей смертной семьи в годы Раскола.

Ситуация резко изменилась после призыва Папы Урбана II к Первому крестовому походу в 1095 году. Палиуро испросил у своего сира разрешения присоединиться к войску Роберта Фландрского[82], направлявшегося к Иерусалиму; разрушение Храма Гроба Господня он счел глубочайшим личным оскорблением. После захвата города, считал он, крестоносцам потребуется непосредственное руководство ответственного духовного лица. Энрико, увидев в этом возможность подмять под себя католическую церковь Иерусалима и обрести преимущество над ненавистными византийцами, естественно, согласился.

Несколько месяцев Палиуро провел в пути по землям Греции и Византии, двигаясь вместе с основными силами крестоносцев; его сопровождал Пацифико и рыцарь-генуэзец по имени Себастьян, ставший его упырем. Все это время Палиуро отчаянно торговался, выменивая у вампиров Вентру услуги в военной сфере на аналогичные, обеспеченные его властью в среде духовенства. С папским благословением амбиции Палиуро наконец могли быть полностью удовлетворены: армия на его глазах захватит Святой город, где воссядет верный лично ему новый патриарх, а сам священник удостоится чести восхвалить могущество Господа не где-нибудь, а в Храме Гроба Господня.

В 1099 году это важнейшее событие случилось: северная стена города пала, и армия захватчиков хлынула внутрь. Воины Креста убивали горожан тысячами, и Палиуро, вдохновившийся их яростью и жестокостью, сам осушал одного противника за другим… и опалил душу Истинной Верой, источаемой Храмом Гроба Господня – местом, куда вела его судьба. С той ночи его мучили сны, в которых агония помешательства перемешивалась с экстазом освобождения, но теперь в них появилось еще и разрушение святыни, которую он так старался вернуть к былой славе.

---

[82] Роберт II, граф Фландрии (1065 – 1111) – участник осады Никеи, взятия Антиохии и Иерусалима. За участие в крестовом походе получил прозвище Иерусалимский.

Однако боль и жажда крови, мучающие Палиуро, одновременно делают его сильнее и придают жестокости его взаимоотношениям с другими каинитами Иерусалима, которых он относит либо к полезным инструментам, или неверным безбожникам. В годы, предшествовавшие повторному захвату города Салах-ад-Дином, Палиуро вел себя практически как самозваный князь и безжалостно использовал Пацифико, Варшика и прочих вампиров-крестоносцев, чтобы восстановить устойчивый приток в город богатых и влиятельных паломников-католиков.

Иноверцы – арабы и иудеи – теперь плетут интриги, нацеленные на возвращение контроля над Иерусалимом и окружающими землями. Палиуро же требует ответных услуг от крестоносцев-Вентру и Варшика, армянского католика и приверженца истинной веры. Торговцы продолжают обеспечивать его деньгами, однако ему все труднее отличать союзников от предателей. Трусливые Ассамиты постоянно грозят подвергнуть Палиуро диаблери, и священник стремится найти себе безопасное убежище в одном из тех мест Иерусалима, куда, как он верит, ни один убийца-каинит не посмеет сунуться.

С помощью Каппадокийца Марка Палиуро очищает себя через боль, подвергая свое тело ритуалам в звуконепроницаемых катакомбах под Храмом Гроба Господня. С момента возвращения в Иерусалим он объявил эту церковь и прилегающий район своим доменом, и не собирается отдавать этот символ католического присутствия в Святом городе войскам мусульман или распущенным и слабым православным грекам. Сладкие и безумные воспоминания о резне самой первой ночи и вера в божественные откровения дают ему силы держаться, пока держится Церковь. Не так давно Господь ниспослал смерть Салах-ад-Дину, и возвращение Святого Города к его законным владельцам – лишь вопрос времени.

Внешность. Некогда Палиуро имел привлекательную внешность, был темноволосым и темноглазым – идеальный образ мужчины-генуэзца. Часть этой привлекательности еще у него осталась, однако его пророческий облик и мучения, которые он претерпевает еженощно, прочерчивают морщины на его плоти. Тем не менее его проповеди, как и прежде, берут прихожан за душу со всей силой его обаяния, и он способен запугать или смягчить сердца паломников, поодиночке и группами, используя всю свою завораживающую убедительность.

Подсказки для отыгрыша. Палиуро считает, что одарен верой сильнее, чем все остальные, и божественность – исключительно его призвание. Малейшее неуважение оскорбляет его. Он требует всего возможного почтения к своей персоне, причем тот факт, что христиане более не обладают властью в городе, не имеет для Палиуро значения. Наедине с собой его убежденность граничит с одержимостью, когда он пытается контролировать всех своих союзников. Всеми остальными же, по мнению Палиуро, можно управлять, если позволить им считать себя мелочным, жестоким, набожным или даже сумасшедшим – и использовать их к собственной выгоде.

Убежище. Отец Палиуро обустроил свое убежище в катакомбах поблизости от Храма Гроба Господня. Обитать здесь постоянно – для вампира дело не из приятных, правда, те, кто лишь желает встретиться с Палиуро, страдают куда меньше.

Влияние. Влияние отца Палиуро просто огромно, а сеть его связей простирается весьма далеко. Он знаком практически со всеми паломниками, имеющими вес в обществе, прибывающими в город и покидающими его; однако его все больше одолевает беспокойство о собственной безопасности, и он все чаще перекладывает деловые контакты на плечи Пацифико и Варшика. Угрозой для него является и недавний приезд в Иерусалим Магдалены, агента Нарсеса; хотя Палиуро и полагает, что на поступки девушки можно влиять, сталкивая ее с Ассамитами, за ней стоит следить пристальнее.

Судьба. Вечная цепь роковых событий поджидает святого отца впереди. Палиуро встретит свою Окончательную Смерть в 1244 году, когда Иерусалим подвергнется нападению хорезмийцев[83], и Храм Гроба Господня будет осквернен.

Клан: Ласомбра.
Сир: Энрико.
Натура: Автократ.
Маска: Фанатик.
Поколение: 7.
Становление: 717 год н.э.

[83] Имеется в виду нападение на город наемников – воинов Хорезмского царства. Само царство к тому времени уже не существовало, распавшись в 1231 году под натиском монголов. Однако оставшиеся войска совершали набеги на территорию Малой Азии, современных Ирака и Сирии. В 1244 году турецкий султан из династии Айюбидов ас-Салих Айюб нанял хорезмийцев для атаки на Египет. Направляясь туда, они по пути захватили и разграбили Иерусалим. В результате этого в Европе был сформирован Седьмой крестовый поход, однако Иерусалим с тех пор больше не был отвоеван крестоносцами и до 1917 года оставался под властью мусульман.

Внешний возраст: 35-40 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 2, Ловкость 2, Выносливость 3.
Социальные: Харизма 5 (Пленяющий), Манипулирование 3, Внешность 3.
Ментальные: Восприятие 5 (Проницательный), Интеллект 5 (Информированный), Сообразительность 4 (Прозорливый).
Способности:
Таланты: Актерское мастерство 4 (Религиозное благоговение), Эмпатия 3, Запугивание 4 (Тонкие Намеки), Воровство 3, Лидерство 5 (Оратор), Хитрость 3.
Умения: Этикет 5 (Учтивые манеры), Травничество 2, Верховая езда 3, Скрытность 2.
Знания: Академические знания 6 (Теология), Расследование 3, Лингвистика 5 (Дипломат), Оккультизм 4 (Древняя мудрость). Политика 5 (Религиозное сообщество).
Дисциплины: Доминирование 5, Стойкость 4, Власть над тенью 6, Могущество 4, Присутствие 2.
Окружение: Контакты 4, Влияние 4, Ресурсы 3, Сторонники 3, Статус 5.
Добродетели: Совесть 5, Самоконтроль 5, Храбрость 4.
Путь: Путь Небес 10.
Сила Воли: 9.

Пацифико Гриллати

Происхождение. Пацифико Гриллати поручено задание, которое сам он считает несколько унизительным: он исполняет роль переводчика в лечебнице аль-Бимаристан аль-Салахи, что в квартале кожевенников, одновременно собирая информацию и изредка обеспечивая спокойное убежище для других каинитов, где можно было бы отдохнуть и перекусить. Тем, кем движет нужда, он предлагает сделку на хитроумных условиях, и понимает, что у многих его «клиентов» долгая память и честь, которая не позволит им забыть оказанные «услуги». Однако Пацифико начинает поддаваться раздражению из-за того, что его держат в стороне от городской политики каинитов, и считает, что преданность Палиуро своему делу обманывает его ожидания.

Однако Пацифико явно достоин именно такого применения; он был рожден в могущественной семье в городке неподалеку от Рима, близкой к политическим интригам, но не настолько, чтобы принимать в них непосредственное участие. Пацифико обнаружил интерес к себе со стороны Палиуро вскоре после смерти своего отца и затем был Обращен; случилось это после того, как юноша предпринял дерзкую попытку расширить владения своего семейства. Люди Пацифико поместили свидетельства приверженности к еретическим дьявольским культам в домах соперников своего господина, с тем, чтобы он лично с факелом в руках повел горожан в поход очищения и изгнал бы недружественные семьи из города. Одним из таких врагов семьи Пацифико оказался беспокойный Гангрел, об истинной природе которого Палиуро знал, а Пацифико – нет. С точки зрения Палиуро, Гангрела стоило устранить.

Генуэзский священник одаривал молодого человека, и при очередной встрече рассказал ему о гораздо более ценных сокровищах мира, только и ждущих, чтобы они вдвоем обнаружили их. Свои посулы он обернул в полуправду и туманные намеки, соблазнив Пацифико воздушными замками, сотканными из мощи духовенства и финансовой поддержки торговцев оружием. Пацифико, которого и так искушали мечты о могуществе, до которого, казалось, рукой подать, и охотно позволил теням поглотить его.

За годы, проведенные вместе, Палиуро держал Пацифико под рукой, и вскоре тот стал его посланцем, его «кулаком». Чтобы увериться в непоколебимой верности молодого, заносчивого Ласомбра, Палиуро скармливал ему капли собственной крови в течение всего полного треволнений десятилетия Раскола, и относился к нему твердо, но по-доброму, чтобы скрепить их кровавые узы. Когда прозвучал призыв к крестовому походу, Пацифико был на своем месте – подле наставника; в глубине же души он точно так же радовался перспективе погружения в иностранные интриги и все то, что стояло за ними.

В годы властвования в Иерусалиме католической церкви Пацифико тратил подношения благодарных паломников, купаясь в золоте и наслаждаясь властью; иными словами, он вел образ не-жизни, наилучшим, по его мнению, образом отражавший его статус вампира Ласомбра благородного происхождения. Он содержал собственный дом, с разрешения отца Палиуро имел собственных упырей и организовывал в городе публичные увеселения для духовенства и мирян. Однако когда Иерусалим вновь попал в

руки мусульман, Пацифико пришлось умерить свои аппетиты. Его все меньше заботят политические дрязги смертных – но лишь до тех пор, пока власть имущие способны позаботиться о его благосостоянии и удовольствиях.

Значительно более прагматичный и менее идеалистичный по сравнению с Палиуро, Пацифико испытал гораздо меньшее потрясение, наблюдая за резней после взятия Иерусалима – наверное, потому, что смог ограничить себя кровью слабых беженцев, вместо того, чтобы присоединиться к оргии, развернувшейся в захваченном городе. Теперь же город вновь во власти последователей Пророка, влияние Пацифико тает, и его возмущает одержимость сира и его крепнущая «дружба» с Равносом Варшиком, а заодно и собственное положение больничного подхалима.

Пацифико стал подумывать о расширении источников собственного могущества и даже рассматривать возможность открытого неповиновения. Наверняка вокруг могут найтись влиятельные арабы, на которых можно обратить взгляд – многие из них обладают обширными знаниями и имеют хорошее происхождение. Если Обратить нескольких таких смертных, можно начать формирование отряда преданных последователей и с их помощью непосредственно контролировать хотя бы некоторые иерусалимские события.

Слабое место в его планах – симпатия Пацифико к женщине-Салюбри по имени Аиша, чего он, разумеется, предвидеть не мог. Свойственные ей высокая духовность, сострадание, простота и неустанное стремление к достижению великой цели – всего этого в мире Пацифико не было, как не существовало для него веры в иного Бога, кроме Господа католиков. Их сочувственные беседы могли стать той соломинкой, которая уже переломила хребет его агрессивной бравады.

Внешность. Пацифико – классический, «правильный» Ласомбра, обходительный и учтивый. Он дороден, надменен и источает ауру аристократической роскоши, даже будучи одет в больничный балахон.

Подсказки для отыгрыша. Пацифико делает все исключительно для себя, в этом не должно быть сомнений. В любой ситуации он интересуется прежде всего собственными выгодами. Он коварный, хитрый и, пожалуй, немного лукавый. Он отлично понимает, что Палиуро все глубже погружается в собственное безумие, однако сир все еще

служит Пацифико отличной ширмой, за которой так удобно организовывать собственные заговоры.

Убежище. Пацифико укрывается в комнате в сонной глубине лечебницы, окруженный злобными призраками смерти и отчаяния.

Секреты. Пацифико позволил Салюбри Аише укрыться в лечебнице. Ее положение после гибели Савлота от диаблери весьма неустойчиво; если кто-нибудь прознает об Аише, Пацифико во всеуслышание объявит о своем великодушном поступке. Сама Аиша полагает, что через Пацифико передает собранные ею сведения отцу Палиуро, но главная польза от нее состоит в том, что она бесхитростно высматривает для Гриллати перспективных кандидатов на Обращение.

Влияние. Влияние Пацифико растет – по крайней мере, среди тех Ласомбра, кто уже перестал витать в облаках. Он оказал услуги нескольким Вентру из числа крестоносцев, но никому не позволил подобраться к своей персоне чересчур близко. На взгляд Пацифико, Вицелин из Марселя слишком фанатичен, а вот Лефрой Прованский может удачно вписаться в его планы.

Судьба. Через какие-то семьдесят-девяносто лет Пацифико решит, что накопил достаточно политического влияния, чтобы забраться на вершину пирамиды власти, созданной кланом Ласомбра в Иерусалиме. Однако после гибели Палиуро ему придется возвратиться в Геную, где он в конце концов примкнет к Шабашу и будет уничтожен в ходе гражданской фоны внутри секты.

Клан: Ласомбра.
Сир: Палиуро Рустуччи.
Натура: Бунтарь.
Маска: Защитник.
Поколение: 8.
Становление: 980 год н.э.
Внешний возраст: 35 – 40 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 1, ловкость 2, Выносливость 1.

Социальные: Харизма 3, Манипулирование 3, Внешность 2.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 2, Сообразительность 2.

Способности:

Таланты: Актерское мастерство 2, Бдительность 2, Лидерство 2, хитрость 2.

Умения: Ремесла 1, Этикет 3, Травничество 2, Скрытность 2, Выживание 2.

Знания: Академические знания 2, Расследование 2, знание закона 1, Лингвистика 2, Медицина 2, Оккультизм 3, Политика 3

Дисциплины: Прорицание 1. Доминирование 2, Власть над тенью 3, Могущество 2, Присутствие 1.

Окружение: Союзники 2, Контакты 1, Влияние 1, Статус 1.

Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 3, Храбрость 2.

Путь: Человечность 4.

Сила Воли: 6.

Магдалена Кастелуччи Борчеллино

Происхождение. Магдалена была единственной дочерью, рожденной в союзе отпрысков двух известнейших венецианских династий, занимавшихся торговлей и перевозкой грузов морем. Она получила достойное воспитание: ее обучали игре на музыкальных инструментах, работе иглой (разумеется, вышиванию, а не профессии белошвейки!), и различным языкам – в достаточной мере, чтобы принести пользу семье. Также она могла поддерживать за трапезой разговор, если речь шла о торговле с заморскими странами. В этих беседах Магдалена узнавала о новых идеях и диковинах, привозимых купцами. Сама того не желая, она научилась ведению счетов и узнала важность практичной сделки, а кроме того, следила за политическими событиями в дальних странах.

Богатая наследница, обладающая к тому же прелестной внешностью и обаянием, Магдалена вскоре обнаружила, что ее потенциальное замужество, как и ее проницательный ум, стали темой бесконечных пересудов в обществе венецианской знати. Так она привлекла внимание Нарсеса, который попытался ухаживать за девушкой, приглашая ее на просто и элегантно обставленные ужины при свечах, каждый из которых он устраивал во все более отдаленном и необычном месте. Магдалена была очарована, но ее поклонник-каинит отказывался от ее собственных ответных приглашений, и девушка вышла замуж за другого.

В 933 году в Венеции развернулась борьба между торговыми домами. Магдалена стала отличной мишенью для похищения за выкуп или убийства, и ее со свитой как-то

вечером подстерегли в пути. Убийцы, нанятые конкурентами ее семейства, расправились с ее спутниками, а саму Магдалену пленили. Однако, увозя свою жертву в ночь, нападающие столкнулись с чрезвычайно мстительным призраком. Одного из убийц поглотила тьма, кожа другого мгновенно обгорела до пепла. В последовавшей драке кто-то полоснул Магдалену клинком по горлу; его, конечно, тут же разодрали на куски сотканные из тьмы чудовища, но девушка уже истекала кровью.

Когда Магдалена очнулась, подле нее сидел Нарсес; пока она утоляла свой первый голод, он объяснил, какую цену ей придется платить за возвращение в мир. Господь создал таких, как они, не просто так, и им суждено использовать богатство и влияние своих семейств, чтобы прославлять красоту и гармонию и карать слабых, развратных и бесстыдных. С той ночи Магдалена присоединилась к свите своего сира и стала помогать ему и всему клану проницательным умом и притягательной внешностью.

Теперь же Нарсес отправил Магдалену в паломничество в Иерусалим с заданием наблюдать за священником по имени Палиуро и его потомками и параллельно выяснить, какое могущество можно набрать в этом городе. Магдалена пришла к заключению, что Палиуро теряет связь с реальностью быстрее, чем предполагал Нарсес; собственная одержимость почти что уже сгубила его – в особенности потому, что арабы передали Храм Гроба Господня православным грекам, силой выставив оттуда итальянских католиков. Дитя Палиуро, Пацифико, представляется ей темной лошадкой: трудно определить, настолько ли он предан сиру, как утверждает. Крестоносец из клана Вентру, Лефрой Прованский, выглядит перспективно: забавная выйдет ситуация, если в Иерусалиме вампир Вентру окажется в подчинении у вампира Ласомбра, не так ли? Такой поворот стал бы достойным ответом на события в Константинополе.

Внешность. Магдалена одевается так, как подобает женщине ее происхождения и положения. Ее темные волосы изысканно уложены, а наряды расшиты золотом. У нее с собой всегда пяльцы с вышиванием, а на шее цепочка с висящими на ней резной игольницей из слоновой кости и тонкими золотыми ножничками.

Подсказки для отыгрыша. Магдалена держится с величием царственной особы, лишь иногда дозволяющей низшим существам запечатлеть поцелуй на ее ручке. Эта

роль – ее вторая натура от рождения, столь же для нее естественная, как дыхание при жизни. Внутри, однако, она остается прекрасным наблюдателем социальных взаимодействий, подмечающим абсолютно все и складывающим мельчайшие кусочки мозаики в единое целое. Магдалена ценит в других благородство, силу красоту и ясность ума; уродство и беспорядок лишь портят картину.

Убежище. Магдалена укрывается в разрушенном доме, расположенном у северной стены Иерусалима. рядом с Дамасскими воротами; ее окружает свита прислужников и упырей.

Секреты. Для Магдалены политические интриги Иерусалима – увлекательнейшее занятие и, в некотором роде, развлечение – ну разве это не возмутительно? Увы, есть одна вещь, которой Нарсес не поделился со своим потомком, а именно, своей ролью в так называемой Ереси каинитов. Если бы Магдалена обнаружила свидетельства «подвигов» своего сира, ее видение мира наверняка бы резко пошатнулось.

Влияние. Влияние Магдалены весьма обширно и продолжает расти. За ее спиной маячит фигура Нарсеса, она обладает прочными связями в могущественных торговых династиях, и водит близкую дружбу с Епископом Альфонсо в Константинополе. Она стремится управлять Варшиком, исходя из того, что торговые связи вампира-Равнос подразумевают наличие у него чутья и неких целей в соответствующей сфере; тем не менее она понемногу приходит к мысли, что Азиф и его дитя в большей степени подходят для претворения в жизнь ее планов. Кроме того, она намеревается укрепить свои связи в сообществе каинитов, попросив Тореадора Элша выстроить для нее дом побольше.

Судьба. Магдалена вскорости поймет, что обладает куда большими способностями к интригам и манипулированию, чем сама предполагала. Правда, пройдет еще много столетий, прежде чем ее принадлежность к прекрасному полу перестанет быть значительной помехой, и Магдалена приучится прокладывать себе дорогу в мире мужчин. Она вернется в Италию и станет активным и успешным игроком на политической арене будущих веков. Она исчезнет почти одновременно с уничтожением лидера клана, однако еще долго будут ходит слухи о том, что Магдалена примкнула к отступникам-Ласомбра.

Клан: Ласомбра.
Сир: Нарсес Венецианец.

Натура: Мастер выживания.
Маска: Автократ.
Поколение: 7.
Становление: 933 год н.э.
Внешний возраст: 30-35 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 2, Ловкость 4 (Легкие касания), Выносливость 2.
Социальные: Харизма 4 (Очаровательная), Манипулирование 4 (Убедительная), Внешность 5 (Ослепительная красота)
Ментальные: Восприятие 4 (Проницательная), Интеллект 4 (Хорошая память), Сообразительность 4 (Смышленая)
Способности:
Таланты: Актерское мастерство 4 (Притворные эмоции), Бдительность 3, Эмпатия 3, Запугивание 4 (Тонкие намеки), Лидерство 4 (Неотразимая), Хитрость 3
Умения: Ремесла 3, Этикет 4 (Учтивые манеры), Травничество 2, Музыка 2, Верховая езда 2.
Знания: Академические знания 1, Народная мудрость 1, Лингвистика 2, Политика 3.
Дисциплины: Прорицание 2, Доминирование 4, Власть над тенью 4, Могущество 2, Присутствие 4.
Окружение: Союзники 5 (Нарсес Венецианец), Контакты 4, Влияние 2. Ресурсы 4, Сторонники 5.
Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 4, Храбрость 3.
Путь: Путь Небес 5.
Сила Воли: 6.

Малкавиан

Малкавианы в Иерусалиме, как и во многих других городах, не имеют какой-либо вразумительной организации. Аль-Хаким по прозвищу Ящерица, с одинаковой жестокостью преследовавший христиан, иудеев и мусульман, прибыл в город, чтобы довершить начатое им в бытность халифом Каира (в XI веке) дело: разрушить местные святыни. Вероятно, на его мученическом пути из Каира в Иерусалим у него появятся неожиданные союзники – Сетиты. Но кто может сказать, что на самом деле нашел аль-Хаким – или полагает, что нашел? Брат Бернард ищет спасения от

чудовищного Зверя, сидящего внутри, и от вспышек своего безумия, оказывая помощь госпиталям в их миссиях милосердия и сострадания. В сменяющих друг друга периодах помешательства и ясного рассудка он ведет скрывающихся жертв охоты сквозь тени, осаждающие его самого. А танцовщица и гадалка, чье собственное безумие стало для нее и проклятием, и благословением, стала важным элементом в борьбе христиан и мусульман клана Бруха.

Безумие, как правило, настигает лишь одну жертву, и это хорошо. Малкавианы, обитающим неподалеку от Иерусалима и в самом городе, вероятно, не имеют особых причин оставаться в этом регионе или каком-то другом, ведь каждый следует голосам в собственной голове. Страх и предательство – сильные соблазны, а муки и искушения волнуют так, что просто захватывает дух.

Аль-Хаким, Ящерица

Происхождение. Всю свою жизнь аль-Хаким пытался связать воедино две линии своего происхождения. Он был сыном отца-мусульманина – весьма уважаемого и глубоко религиозного человека, занимавшего пост халифа Каира – и матери-христианки. Законами ислама такое допускается (ведь христиане и мусульмане поклоняются одному божеству), но «позорное пятно» христианской крови, замаравшее сына религиозного лидера последователей Пророка, заставило аль-Хакима тщательно обдумать свое место в религиозной иерархии. Аль-Хаким был еще ребенком, когда его отец умер, и мальчик неожиданно для себя оказался властителем халифата.

Никого не удивил тот факт, что аль-Хаким оказался никудышным халифом.

Зато он стал хорошим упырем вампира по имени Хассан абу Халид, заинтересованного в получении власти в регионе и ее сохранении в будущем. Озвучивая повеления своего господина, аль-Хаким приказал разрушить все церкви и синагоги в своих владениях. Когда же его подданные-мусульмане стали возражать, что иудеи и христиане вольны молиться согласно своим обычаям, аль-Хаким повелел разрушить и мечети тоже. В припадке мщения своим единоверцам халиф вернул иудеям и христианам отобранные у них земли, но отстроить ранее снесенные священные здания не позволил. Переутомление, вызванное необходимостью осознавать реальность в чем-либо еще, кроме собственных фантазий, сказалось на нем. Он

вообразил, что является не простым смертным, а подлинным воплощением Аллаха, вернувшимся в мир, чтобы нести ему новую мудрость. А раз так, решил он, то мусульмане при молитве должны обращаться к тому месту, где находится его персона[84], и произносить в своих ритуальных текстах его имя вместо имен Аллаха.

Последователи ислама взбунтовались, и аль-Хаким тайно бежал из Каира. Ему удалось добраться до окраин города целым и невредимым. Он оседлал лошадь, собрал небольшую свиту и покинул город.

Его господин, Хассан абу Халид (который и сам редко пребывал в здравом уме), Обратил аль-Хакима, когда тот неспешно удалялся от города, охваченного бунтом. Гнев народа подогревался тем, что халиф преследовал, по сути, собственных единоверцев. Абу Халиду же пришлось пожалеть – хоть и недолго – о своей несдержанности. Он намеревался всего лишь вознаградить своего упыря за верное служение на посту халифа Каира, однако сразу после Становления безумный аль-Хаким дотянулся до горла своего сира и совершил диаблери. Затем он превратил свою свиту в упырей, поскольку, испробовав это на собственной шкуре, полагал: его преданные последователи возрадуются, еще больше приблизившись к своему божеству.

Аль-Хаким более не питает интереса к трону халифа или прочим капканам власти, которые он оставил позади. Его слегка веселит тот факт, что мечеть в Каире, которую он выстроил в 1013 году и назвал в свою честь[85], еще стоит на месте. Главное, считает он, что все-таки была построена мечеть, в которой поклонялись ему, новому Аллаху.

Сейчас же все его помыслы связаны с Иерусалимом. Аль-Хаким искренне считает себя Аллахом, а Иерусалим – священный город Аллаха. А также Бога христиан и Яхве иудеев. То, что одно божество может иметь три имени, прекрасно подходит аль-Хакиму: если отдельные группы верующих используют «свое» имя, он всегда сможет определить, кто именно возносит ему молитвы в каждый момент времени. Осталось занять подобающее божеству место, где верующие могли бы почитать его, и существует лишь одно такое место: Иерусалим, центр религиозного мира.

---

[84] При молитве мусульманин должен обращаться лицом в направлении Каабы в Мекке. Для удобства в мечетях это направление (кибла) обозначено с помощью специальной полукруглой ниши – михраба.

[85] Мечеть аль-Хакима, или мечеть Анвар, Мечеть Просветления – вторая по величине мечеть в Каире, относящаяся к эпохе Фатимидов. Расположена неподалеку от Северных ворот старого города. В описываемый период времени Салах ад-Дин использовал ее как тюрьму для пленных крестоносцев и конюшню.

Однако существуют и проблемы, порожденные этой полубожественной комедией. Интриган Абдулла аль-Саттайя из клана Сетитов подогревает одержимость аль-Хакима, но христиане из кланов Вентру и Ласомбра, все внимательнее приглядываясь к бывшему халифу, начинают понимать: это и есть *тот самый* аль-Хаким, повелевший в 1009 году снести Храм Гроба Господня. Лишь одна неудачная попытка заткнуть рот слишком много болтающему священнику или рассудок, на одно мгновение прояснившийся в толпе истинно верующих – этого будет достаточно, чтобы отец Палиуро или Луций взяли след. Однако, если они решат открыть сезон хоты на аль-Хакима и его приспешников, они рискуют столкнуться с гневом всех городских мусульман, как вампиров, так и смертных.

Внешность. Аль-Хаким держится с достоинством, как и подобает халифу. Он одевается элегантно, сообразно положению, но под красивыми одеждами не спрячешь вполне заслуженного им прозвища «Безумец».

Подсказки для отыгрыша. Аль-Хаким заносчив, и в некотором смысле страдает манией величия. Он – Аллах, и ждет от последователей повиновения, раздражаясь от поступков непослушных и наказывая их. Если его капризы не исполняются, он грозится обрушить на виновника все небесные кары.

Убежище. В настоящее время аль-Хаким обитает в апартаментах возле мечети аль-Акса. Как только его божественность будет признана, он рассчитывает разместиться в самой мечети.

Секреты. Рано или поздно аль-Хакима признают воплощением Аллаха, это лишь вопрос времени. Он ведь и в самом деле воплощение Аллаха, не так ли?

Влияние. Влияние аль-Хакима – как и его престиж – не более реально, чем мираж в пустыне Сахара. С помощью Абдуллы он собрал вокруг себя небольшое стадо тех, кого он «благословил и просветил» прикосновением своей святой персоны.

Судьба. Аль-Хаким будет пребывать в заблуждении относительно того, что он есть Аллах, вплоть до Окончательной смерти. Он будет требовать уважительного отношения и принесения молитв своей персоне. Через несколько сотен лет он настолько уверится в своей божественности, что решит, будто своей волей сможет преодолеть несовместимость природы каинитов и солнечных лучей. Эта попытка окончится неудачей, к удивлению только лишь самого аль-Хакима и его ближайших последователей.

Клан: Малкавиан.
Сир: Хассан абу Халид.
Натура: Автократ.
Маска: Судья.
Поколение: 8.
Становление: 1021 год н.э.
Внешний возраст: чуть больше 50 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 2, Ловкость 3, Выносливость 4 (Не замечает препятствий)
Социальные: Харизма 4 (Повелительный), манипулирование 5 (Убедительный), Внешность 2.
Ментальные: Восприятие 2, Интеллект 3, Сообразительность 3.
Способности:
Таланты: Бдительность 2, рукопашный бой 2, Запугивание 3, Лидерство 4 (Подчиняющий), Хитрость 3.
Умения: Этикет 2, Холодное оружие 1, Скрытность 1, Выживание 1.
Знания: Знание закона 1, Лингвистика 2, Оккультизм 2, Политика 3.
Дисциплины: Прорицание 2, Помешательство 4, Доминирование 2, Затемнение 2, Присутствие 2.
Окружение: Контакты 2, Сторонники 3.
Добродетели: Совесть 3, Самоконтроль 2, Храбрость 2.
Путь: Путь Небес 8.
Сила Воли: 4.

Брат Бернард

Происхождение. Несчастный брат Бернард – полный, массивный мужчина, обычно имеющий смущенный, потерянный вид. Он не уверен даже в том, где он родился: наверное, Дорсет? Или может быть, это был Дорестадт?[86] Нетвердо знает он и то, сколько лет он топчет эту грешную землю. В какой-то момент своего прошлого он действительно прибился к курии монахов-христиан и потому знает, что связан с Церковью. Вряд ли, однако, Церковь все еще считает брата Бернарда своим сыном. Из монастыря его выгнали

[86] Крупный торгово-ремесленный центр эпохи раннего Средневековья, располагался на территории современных Нидерландов, южнее Утрехта. Служил перевалочным пунктом для купцов, вывозивших товары из глубины континента в города на побережье Балтийского и Северного морей.

после того, как он явил свой норов – даже после нескольких замечаний – и наорал на нескольких братьев-монахов за то, что те не проявили должного раскаяния в грехах, которые, как он счел, они совершили.

Брат Бернард, тем не менее, по-своему глубоко набожен. Он верит, что на него снизошел Святой Дух, благословив его даром «глоссолалии», или умением говорить на универсальном языке, понятном всем прочим чадам Божьим[87]. Его «дар» иногда заставляет его читать проповеди (не всегда понятные простым смертным) в попытке обратить неверующих в истинную веру.

Брат Бернард не помнит ни того, как он был Обращен, ни также момента, когда прибыл в Иерусалим. Зато он твердо знает, что пришел в город в группе нескольких субъектов, большинство которых питало странную привязанность к металлическим головным уборам странной формы. Да, вот уж в этом он убежден.

Также Бернард хорошо осознает Зверя, обитающего внутри него, и темные искушения, которым его слабый дух зачастую вынужден поддаваться. Учение Церкви подсказывает ему, что забирать кровь других дурно, однако этот тезис без конца оспаривает его не-живая сущность. Несмотря на все усилия, прилагаемые Бернардом к тому, чтобы следовать учению Церкви, его Зверь иногда вырывается наружу. В слабых попытках мыслить здраво Бернард приходит к заключению, что он должен спасти души неверующих, иначе те станут ужином для каинитов. От его внимания, однако, ускользает тот факт, что он – один из тех самых каинитов, угрожающих его слушателям. Увы, Бернард склонен выходить из себя, если кто-то из его собеседников не понимает, насколько это важно – спасти свою душу.

Странно, но, похоже, единственная вещь, приносящая Бернарду утешение – это время, проводимое им с христианскими паломниками в лечебницах. Его, кажется, не трогают вопли и стоны, издаваемые в агонии умирающими; он сидит подле них и облегчает им страдания. Бернард говорит, что разбирает смысл в криках пациентов, и что они знают, что кто-то слышит и понимает их. Вампирша из клана Салюбри по имени Аиша бинт Вахиба считает, что его присутствие действительно успокаивает пациентов, а сама

[87] Нестыковка: глоссолалия, как христианский тезис, «дар говорения на языках», появилась в отдельных течениях протестантизма в середине XIX – середине XX века в Северной Америке (харизматизм, пятидесятники), хотя отдельные стихи Библии упоминают этот дар. Соответственно, бедняга Бернард, обитавший в Иерусалиме в XI веке, не мог считать себя одаренным таким образом. Кроме того, этот термин используется в психиатрии и медицине, обозначая бессвязную или неосмысленную речь из обрывков фраз и отдельных слов, а также нарушение артикуляции из за патологии мышцы языка.

она добрым словом и твердой рукой помогает самому монаху справиться со Зверем внутри. В качестве ответной услуги тучный Бернард сопровождает беглых собратьев-Салюбри Аиши в город и за его пределы, хотя для него они – не более чем дружественно настроенные пилигримы, разделяющие его веру и поэтому заслуживающие лучшей защиты, которую он может обеспечить.

Помимо больных и убогих, брат Бернард хорошо ладит с молодыми и невинными. Он приглядывает за Ясминой, девчушкой из клана Равнос, и за женщиной по имени Ханна, калекой-Носферату. Он мечтает о том, как было бы хорошо обладать способностью исцелять, чтобы быть более полезным, но пока он пытается убедиться в безопасности своих подопечных, пока те блуждают по ночным улицам.

Бернард испытывает куда меньшее смущение при контакте с животными, и ему почти что удается отдохнуть в своем убежище, расположенном в бывших конюшнях крестоносцев. В общении с кроткими существами его не так мучает искушение идти против воли Божией, и он обнаружил, что забота о потерявшихся животных позволяет ему достичь некоторого согласия с самим собой. Кроме того, приманить зверей гораздо легче, даже если их кровь не столь вкусна и питательна, как человеческая.

Внешность. Брат Бернард не уделяет особого внимания своему внешнему виду. Его ноги покрыты мозолями, а тело укутано в лохмотья, достаточно теплые или достаточно прохладные, в зависимости от сезона. Свой гардероб он обычно подбирает на городских мусорных кучах.

Подсказки для отыгрыша. Бернард – прямолинейное, простодушное, наивное существо с весьма коротким терпением. Когда на него снисходит одухотворение, его речь становится бессвязной и теряет смысл, но чаще его реакцией становится агрессия.

Убежище. Брат Бернард обитает в конюшнях, которые когда-то занимали скакуны рыцарей-тамплиеров.

Секреты. Если бы брат Бернард и располагал какими-нибудь секретами, он не удержал бы их в памяти достаточно долгое время, чтобы кому-нибудь поведать. Он ничего не знает о подпольщиках Салюбри, которым он помогает и которых поддерживает, что последних, в свою очередь, весьма устраивает.

Влияние. Никакого, ни в какой области… за исключением, пожалуй, способности брата Бернарда появляться в неподходящих местах в еще более неподходящее время, вспарывая размеренное течение ночи

своим бредом. Иногда в его бессвязной речи можно что-нибудь разобрать – но тот факт, что его услышали, вовсе не означает, что ему поверили.

Судьба. Брат Бернард так и не обретет здравого рассудка, как и не сможет хоть как-нибудь уравновесить между собой противоречивые требования своей мятущейся души. В конце концов, через несколько столетий он будет уничтожен парой вампиров Равнос, которым надоест его привычка пугать лошадей.

Клан: Малкавиан.
Сир: Неизвестен.
Натура: Кающийся.
Маска: Фанатик.
Поколение: 9.
Становление: Год неизвестен.
Внешний возраст: около 45 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 4 (Широкие плечи), Ловкость 1, Выносливость 4 (Не знающий усталости).
Социальные: Внешность 4 (когда несет свой бред – падает до 0), Манипулирование 2, Обаяние 1.
Ментальные: Восприятие 2, Интеллект 3, Сообразительность 1.
Способности:
Таланты: Рукопашный бой 4 (Обхват), Эмпатия 2, Запугивание 1.
Умения: Обращение с животными 2, Ремесла 1, Травничество 2.
Знания: Академические науки 2, Лингвистика 1, Оккультизм 2, Политика 1, Теология 2.
Дисциплины: Анимализм 2, Прорицание 4, Помешательство 4, Стойкость 2, Затемнение 2, Могущество 2.
Окружение: Союзники 2, Стадо 2, Сторонники 2.
Добродетели: Совесть 4, Самоконтроль 1, Храбрость 3.
Путь: Путь Небес 9.
Сила Воли: 2.

Жанетта Авиньонская

Происхождение. Жанетта родилась в Авиньоне в 1125 году, в семье торговца. Она была чудаковатой малышкой, большую часть времени проводившей в мире собственных грез; иногда этот мир прорывался наружу в виде пугающих откровений, в основном правдивых. Природное очарование Жанетты и ее взволнованное поведение раздули пламя страсти в молодом хозяине харчевни, который взял ее в жены. Он привел Жанетту в церковь, обсудил с ней ее самые тревожные видения и велел ей не слушать больше голоса в ее голове. У супругов родилась дочь, и семейные дела помогли Жанетте примириться с самой собой и вести тихую, респектабельную жизнь.

Однако отказ от видений, ниспосланных ей Богом, принес свои плоды: они продолжали приходить к ней во снах. Однажды ночью она проснулась с криком, увидев ужасную картину: поток воды нес безжизненное тело ее трехлетней дочери Лизы. Несколько дней спустя, пока Жанетта стирала белье, Лиза упала в Рону и утонула.

Жанетта потеряла разум от горя – точнее, ту часть разума, что еще оставалась при ней. Неспособная смириться с потерей ребенка, часть своего времени она вновь проводила в своих детских грезах. Жанетта-ребенок носит с собой куклу, беседуя с ней, как с живой девочкой. Она ободряет ее, воспитывает, купает, укладывает спать и пытается кормить, чтобы та выросла сильной и здоровой. Взрослая Жанетта также не расстается с куклой – но только ради того, чтобы дочка не потеряла ее и ей не пришлось потом плакать. В тех редких случаях, когда другой взрослый обращается к ее кукле, как к настоящему ребенку, Жанетта обращается к своему Помешательству и вслух интересуется, неужели ее собеседник тоже видит рядом ребенка.

Ни одна из личностей Жанетты не помнит обстоятельств Обращения. Взрослая часть ее рассудка помнит о решении покинуть Авиньон, существование в котором внезапно стало невыносимым; позывы голода заменили ей мучительные видения. Она обчистила сундуки своего мужа и покинула город в поисках спасения от голода и безумия. Некоторое время женщина-ребенок скиталась по земле, уцелев лишь благодаря усилиям своего Зверя.

Однако именно ребенок в Жанетте решил, что было бы неплохо отправиться в южные земли с паломниками, устремившимися в отвоеванную Святую Землю. Ее спутники казались самой интересной компанией во всем регионе. Их лидер проявил сочувствие к слабости ее ума и взял с нее очень небольшую плату за возможность идти с ними.

Жанетта до сих пор вспоминает доброту паломников и отказывается пить кровь пилигримов-христиан.

Путь паломников, с которыми путешествовала Жанетта, вскоре пересекся с другими группами; и именно на дороге в Иерусалим она повстречалась с другими каинитами. Она нашла вампиров клана Равнос весьма симпатичными и была очарована их свободолюбивым духом, мошенническими выходками и легким отношением к собственности, особенно чужой. В обмен за рассказы о ее жизни в Авиньоне они подарили ей латунный ножной браслет с крохотными колокольчиками, и она присоединилась к их каравану, наконец освоившись в мире каинитов и привыкнув к манере их питания.

Путешествуя с Равнос, Жанетта принялась оттачивать свое провидческое искусство. Она научилась не спрашивать и анализировать, а полагаться на свои ощущения и предчувствия, независимо от того, о каких «истинах» идет речь. Она узнала древние сказания, способы применения лечебных трав и заклинаний для приготовления простых зелий, и взяла привычку танцевать под музыку, слышимую ей одной.

Группа Равнос, с которыми Жанетта путешествовала, покинула Иерусалим через несколько месяцев, сама же она предпочла остаться в городе на некоторое время. Обеим ее личностям доставляет радость от общения с Ясминой и Ханной, и она часто становится им защитницей и подругой. Варшик, со своей стороны, очарован ее безумием, но недоволен ее растущим странным влиянием на его потомка. Он не верит легендам Равнос, изложенным этой женщиной-Малкавиан в новом толковании; ее «вдохновенные видения», по его мнению, смешны и жалки по сравнению с реальностью.

Некоторое время назад Жанетта стала рассказывать истории и танцевать для торговцев и певцов в караванах Юсуфа и таким образом оказалась в гуще интриг, затеянных старейшинами Бруха, Азифом и Бонифацием. Способность Жанетты к предсказаниям произвела впечатление и на Джареда, и он постарался обратить ее знания и обострения ее безумия на пользу Азифу. Обе личности Жанетты, взрослая и ребенок, доверчивы и бесхитростны, и верят всему, что скажет Джаред – ведь он странствующий торговец и этим весьма похож на ее старых компаньонов-Равнос.

Несмотря на то, что она научилась понимать свою вампирическую сущность, Жанетта втайне еще надеется от нее освободиться. В Святом Городе может еще найтись

исцеление от проклятия Каина для нее и ее дочери, и тогда обе они вновь смогут вернуться к нормальной жизни. Кроме того, Жанетта тщательно следит за куклой своей дочери – Лиза будет так рассержена, если игрушка пропадет…

Внешность. Независимо от того, какая ее личность бодрствует в настоящее время, Жанетта выглядит так, как будто она принадлежит к клану Равнос, а не Малкавиан. Она предпочитает цветастые, струящиеся или полупрозрачные ткани, украшенные звенящими подвесками; когда она идет по улице, она скорее танцует и подскакивает. Ее золотисто-каштановые волосы уложены элегантными завитками, а зеленые глаза горят весельем.

Подсказки для отыгрыша. Жанетта-ребенок говорит со своей куклой (или о кукле), как о маленьком дитяти, она использует игрушку для вовлечения других в разговор и игры на симпатиях собеседника. Взрослая Жанетта защищает эту же куклу и рассказывает всем, что хранит ее для своей дочери. Она с удовольствием играет роль матери для детей-каинитов и яростно их защищает, но легко отвлекается, стоит ей заслышать музыку или увидеть чей-то танец.

Убежище. Впервые придя в Иерусалим, Жанетта оставалась вместе с приютившей ее группой Равнос вне города. Теперь она обустроила себе пристанище в катакомбах и пещерах под Храмовой горой, в месте, которое ранее называлась конюшнями Соломона[88].

Секреты. Большеглазое дитя по имени Ясмина так похожа на дочь, которую Жанетта считает погибшей – так возможно ли, что ее малышку забрали Равнос и дали ей новое имя? А еще до Жанетты дошел слух о защитных ритуалах, которые отец Палиуро проводит в Храме Гроба Господня, и она ищет в своих видениях ответа на свой вопрос: могут ли эти обряды быть доказательством способности этой святыни к воскрешению?

Влияние. Жанетта имеет хоть сколь-нибудь весомое влияние только на молодых вампиров, которые видят в ней забавное сочетание товарища по играм и защитницы. Юсуф, а через него и Азиф, понимают, что Жанетта страдает обострениями безумия, и ищут способа подчинить ее пророческий дар своим интересам. Ее влияние на этих вампиров возрастает всякий раз, когда ее случайные

[88] Сводчатое помещение под южным склоном Храмовой горы, по повелению халифа Марвана I преобразованное в подземный молельный зал. После захвата Иерусалима крестоносцами в 1099 году конюшни временно использовались по назначению.

предсказания сбываются, и логичным образом падает, когда очередное видение оказывается чушью.

Судьба. Долгое существование пророчицы, обеспеченное ее видениями и взаимодействием с подчиненными Азифа будет прервано Варшиком, который устанет от ее влияния на Ясмину. Он предложит Палиуро уничтожить Жанетту, и вдвоем они составят план убийства, в котором обвинят Бонифация и его союзников. Когда Азифу доставят окровавленную куклу Жанетты, начнется война.

Клан: Малкавиан.

Сир: Неизвестен.

Натура: Дитя (личность ребенка)/Мастер выживания (личность взрослого)

Маска: Священник (личность ребенка)/Защитник (личность взрослого)

Поколение: 9.

Становление: 1147.

Внешний возраст: 20-25 лет.

Атрибуты:

Физические: Сила 1, Ловкость 2, Выносливость 2.

Социальные: Харизма 2, Манипулирование 2, Внешность 3.

Ментальные: Восприятие 4, Интеллект 2, Сообразительность 2.

Способности:

Таланты: Актерское мастерство 4 (Подражание), Бдительность 2, Атлетика 2, Уворот 2, Запугивание 2, Воровство 2, Хитрость 3.

Умения: Музыка 2, Скрытность 4 (В тени)

Знания: Народная мудрость 2, Лингвистика 2, Оккультизм 4 (Мистические силы)

Дисциплины: Прорицание 2, Помешательство 4, Затемнение 2.

Окружение: Контакты 2, Поколение 3, Ресурсы 3.

Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 2, Храбрость 4.

Путь: Человечность 6.

Сила Воли: 5.

Носферату

В Иерусалиме представители клана Носферату оказались в чрезвычайно выгодном положении. Поселения

прокаженных, в которых они предпочитают обитать, расположены совсем рядом с городом, но, тем не менее, их обходят стороной и каиниты, и смертные. Котар и его последователи собирают слухи, передаваемые горожанами и тысячами паломников, проходящими по близлежащим дорогам, и при этом вампирам нет нужды беспокоиться о возможном вторжении в их убежища. Каиниты других кланов готовы обмениваться информацией, и сфера влияния Прокаженных простирается далеко за пределы их долины.

Котар

Происхождение. Котар был рожден за пятьдесят лет до того, как Давид завоевал Иерусалим для народа Израиля. Он был бродячим ремесленником и путешествовал между поселениями, расположенными в долине реки Иордан. Он носил имя ханаанитского бога – покровителя ремесел[89], и получал удовольствие от своей искусной работы. На свою беду, он заразился проказой, сначала потеряв чувствительность своих пальцев, а затем и сами пальцы. Те, кому он помогал, изгнали его в Енномскую долину, где прокаженные собирались испокон веку. Котар принял изгнание с достоинством и верой в предназначение свыше. Он стал обучать своему искусству менее обезображенных товарищей по несчастью, пользуясь одними лишь словами, и так понемногу сколачивал собственную артель калечных мастеров.

Для прокаженных Енномской долины завоевание Иерусалима иудеями мало что изменило. Но однажды ночью к енномским изгоям явился пророк. Он был не первым, кто обещал им надежду и справедливость, но в отличие от других, этот проповедник сам был болен проказой. А кроме того, его кровь была проклята, и это, как он утверждал, было клеймом Господа воинств небесных, которым Он отметил первого убийцу. Прокаженные, говорил пророк, тоже были в некотором роде избранными Богом людьми, страдающими от грехов вселенной, но именно им суждено стать основанием для нового мирового порядка, когда существующий мир сгорит в пламени огромных костров – подобных тем, что окружают Енномскую долину. Котар стал учеником этого пророка, а со временем и принял Обращение. Проповедник покинул долину, и Котар никогда больше не видел его и не

[89] Помимо ремесел, Котар в пантеоне ханаанитов «отвечал» за кузницы, был покровителем наук и искусств, в том числе архитектуры и поэзии. По легенде, он выстроил обиталища всем остальным богам и выковал им оружие и/или инструменты.

услышал о нем ни слова, не говоря уж о том, что так и не узнал его имени.

С тех пор на протяжении сотен лет Котар шепотом передавал слова Бога другим прокаженным, а через них – и миру за пределами долины. Очень немногие люди этого внешнего мира замечают что-либо необычное, происходящее в колонии прокаженных – ведь где взять критерии сравнения? Большинство прокаженных не желают иметь ничего общего ни с Котаром, ни с его Богом, однако он продолжает облегчать жизнь тем, кто стремится к этому, и работать вместе с теми, кто сумел сохранить какие-то навыки ремесел, чтобы удовлетворять нужды своих собратьев-страдальцев. Сам Котар так и не принял христианство, но так поступили множество его учеников, а некоторые в последние столетия последовали учению Пророка. Паломники приходят в Иерусалим и покидают его; город стал конечной целью огромного числа странников и воинов, и знания Котара значительно расширились за прошедшие века.

Котар тщательно выбирает тех, кто мог бы стать его потомком. Он не создает много новых вампиров, и лишь немногие из них время от времени обитают с ним в Енномской долине. На пространстве от Рима до Дели существуют около полудюжины потомков Котара, изучающие тайную изнанку крупных городов. Обширная сеть информаторов и посланников снабжают Котара всевозможной информацией, и он запоминает сведения в ожидании Судного дня, в скором наступлении которого уверен. Немногочисленные вампиры, обитающие вне долины прокаженных, – например, старейшины Абрахам и Элш – собирают здесь богатый урожай знаний.

Наставляя своих учеников и ожидая наступления апокалипсиса, Котар кормится представителями двух групп смертных: прокаженных и прочих изгоев, от отчаяния близких к самоубийству, или преступников, громил и прочих людей, стремящихся унизить представителей первой касты. Отверженные знают, что, если взмолиться о спасении или о вечном отдыхе, иногда этот зов услышит *нечто* и откликнется. Местным бандитам известно, что, если чересчур усердствовать в притеснении самых беззащитных жертв, можно снискать на свою голову ужасное отмщение. Сам же Котар наказывает своих потомков, если те слишком часто пьют кровь представителей иных кругов смертных, но хватка его не так крепка, как кажется ему самому.

Внешность. Те, кто впервые встречает Котара, обычно удивляются тому, как части его тела удерживаются

вместе. Его тело ссохлось, а плоть увяла, и во многих местах виднеются кости. Он едва может набрать воздуха в грудь, чтобы его голос был слышен. Единственный оставшийся глаз Котара поражен катарактой. Если бы не поддерживающая его мощь крови вампира, он совершенно не мог бы двигаться.

Подсказки для отыгрыша. Котар – добрейший из религиозных фанатиков. Придет ночь, и все здоровые и богатые люди исчезнут с лица земли, и останутся лишь старый Носферату и его последователи. Однако непосредственно уничтожением займется Бог, поэтому сам Котар только выжидает и пособляет тем, кто готов принять его помощь. Его речь мягка и добросердечна; он сердится, только если слышит, что кто-нибудь обидел его учеников. Если те смогли опознать своего обидчика и подтвердить его преступление, то в одну из тех редких ночей, когда Котар покидает Енномскую долину, злодея постигнет безвременная смерть. А затем он продолжает оказывать помощь другим и толковать знания, переданные ему учениками.

Убежище. Котар отдыхает днем в одной из множества мелких пещер в Енномской долине.

Секреты. Котару известно хотя бы немногое о каждом из кланов и их деятельности в Иерусалиме, а также о многих тайных наработках светских и религиозных лидеров в регионе. Любой, кто болтает со своими друзьями или соратниками, бросая подаяние кому-то из попрошаек Котара, становится невольным звеном в его огромной цепи наблюдателей.

Влияние. Напрямую Котар способен влиять только на своих последователей. Учитывая объем известной Котару информации, тот, кто готов обмениваться с ним информацией и поддерживать его, в обмен получит чудовищную власть.

Судьба. Когда в XIV веке по Ближнему Востоку прокатится волна чумы, Котар впадет в оцепенение. Паника и уничтожение огромного количества трупов нарушит его хрупкую власть в Енномской долине, в один миг всколыхнув давно дремавшие религиозные и политические противостояния. В последующие столетия в регион вернутся самые верные ученики Котара, но темпы научного и технического прогресса сделают их древний промысел гораздо более сложным. В XX веке кое-кто из них будет посещать место, где покоится Котар, но лишь раз в несколько месяцев или даже лет. Они знают, когда их сир очнется, и практически любой из них готов пожертвовать собой ради него. А пока Котар дремлет, они вместе трудятся изо всех сил, чтобы сохранять массу знаний о тайнах Иерусалима.

Клан: Носферату.
Сир: Неизвестен.
Натура: Фанатик.
Маска: Опекун.
Поколение: 6.
Становление: ранее 100 года до н.э.
Внешний возраст: Древний.
Атрибуты:

Физические: Сила 4 (Грубый), Ловкость 3, Выносливость 5 (Непоколебимый)

Социальные: Харизма 3, Манипулирование 5 (Миссионер), Внешность 0.

Ментальные: Восприятие 5 (Бдительный), Интеллект 4 (Осведомленный), Сообразительность 3.

Способности:

Таланты: Актерское мастерство 5 (Притворная слабость), Бдительность 5 (Засады), Атлетика 1, Рукопашный бой 2, Уворот 3, Эмпатия 5 (Переживания), Запугивание 3, Воровство 3, Лидерство 5 (Вдохновитель), Хитрость 5 (Выявить слабость).

Умения: Обращение с животными 4 (Паразиты), Ремесла 3, Травничество 3, Скрытность 5 (Тени), Выживание 5 (Пустоши).

Знания: Народная мудрость 4 (Иудейская культура), Расследование 5 (Сеть контактов), Лингвистика 3, Оккультизм 3, Политика 4 (Городская).

Дисциплины: Анимализм 6, Прорицание 3, Стремительность 4, Доминирование 4, Стойкость 5, Смерть 2, Затемнение 6, Могущество 6, Присутствие 3, Превращение 3.

Окружение: Союзники 3, Контакты 5, Стадо 4, Ресурсы 2, Сторонники 5.

Добродетели: Совесть 4, Самоконтроль 4, Храбрость 3.

Путь: Путь Небес 8.
Сила Воли: 8.

Эфраим

Происхождение. Эфраим был первым смертным, которого Обратил Котар. Свою первую смерть он встретил

вскоре после нашествия ассирийцев. До того, как подхватить проказу, Эфраим был портным. Когда же его изгнали в Енномскую долину, он стал служить Котару и своим собратьям-прокаженным, помогая тем из них, кто пострадал от недуга сильнее и так пытаясь смириться с собственной потерей.

Когда Иерусалим пал под натиском ассирийцев, и Храм Соломона был осквернен, Эфраим решил, что надежды больше не осталось – как для него, так и для всего народа. Котар объяснял ему, что разрушение – вещь столь же извечная, как и созидание, и что новым городам суждено восставать из старых руин – но Эфраим не считал, что возрождение произойдет еще при его жизни. Когда Котар осознал, что Эфраим балансирует на грани отчаяния, он Обратил его, и последовавшие три столетия молодой Носферату провел в колебаниях, раздумывая, стоила ли игра свеч. Однако, когда при царе Кире началось восстановление Иерусалима, Эфраим вновь обрел надежду. С тех пор он никогда не терял веры, хотя пару раз за прошедшие века его посещали некоторые сомнения.

Эфраиму гораздо лучше удается скрывать свое деформированное тело, чем Котару, поэтому он стал самым доверенным наблюдателем своего сира. Эфраим приходит в город, принимая личину новичка, втирается в доверие к той или иной группе власть имущих, затем «заражается» проказой или становится жертвой какого-либо иного трагического события… и начинает все снова; этот цикл длится несколько десятков лет и повторяется до бесконечности. Со слов Эфраима Котар составляет свое мнение о жизни бедняков и решает, кому из них требуется помощь, а кто заслуживает справедливого наказания. Находясь «в поле», Эфраим изредка возвращается в Енномскую долину, а к перерывам между периодами существования под прикрытием относится как к драгоценным моментам общности и обновления.

В 1195 году Эфраим вновь оказался в Иерусалиме, назвавшись на этот раз купцом Михелем бен Давидом, родом откуда-то из южных земель, торгующим всем, в чем нуждаются священнослужители и последователи религий. Необходимость скрываться от солнечного света он объясняет проклятием, наложенным на него некой злой ведьмой, и утверждает, что ищет способ избавиться от своей напасти, но пока безуспешно.

За сотни лет Эфраим перезнакомился со многими старыми вампирами Иерусалима, хотя постоянных

взаимоотношений ни с кем из них не поддерживал. Он чувствует, что Бонифаций не испытал достаточно страданий сам, чтобы стать настоящим пастырем для нуждающихся, и потому иногда действует во вред работе священника. Сотрудничество своего сира с Элшем и Абрахамом он, наоборот, уважает, так как понимает: если кто-то будет стремиться уничтожить этих уважаемых бессмертных и достигнет успеха, он вполне может затем заняться обитателями Енномской долины. Ни один каинит города не знает о его маскарадах, за исключением, пожалуй, Канис или Мандалая. Поскольку ни тот, ни другая не отличаются болтливостью, его тайна остается тайной.

Внешность. В своем «доме» в Енномской долине Эфраим выглядит еще более уродливым, чем даже его сир. Проклятие крови Носферату отразилось на нем в виде трещин, сбегающих вдоль его рук и ног, с ответвлениями, отходящими у каждого сустава, и расщепленных костей. Пребывая вне Еннома, он использует свое искусство Затемнения, чтобы принимать подходящий облик, и даже заботится о том, чтобы отражать на своей маске влияние прошедшего времени.

Подсказки для отыгрыша. Эфраим считает себя иудеем, однако основной костяк его веры является давним и искусным произведением Котара. Он разделяет сострадательное отношение своего сира к обездоленным или находящимся на краю гибели людям. Общение с остальной частью общества для Эфраима затруднительно. Превосходный актер, он может сыграть какую угодно роль: черствого аристократа, жадного торговца или амбициозного чиновника. Однако глубоко внутри Эфраим не приемлет обмана. Он существует ради тех редких минут, когда может открыть свою истинную сущность и, возможно, привести нового избранного в лоно клана.

Убежище. В перерывах между своими проникновениями в Иерусалим Эфраим отдыхает в пещере неподалеку от убежища Котара в Енномской долине; когда же он играет какую-либо роль, он выбирает соответствующее пристанище. В настоящее время он укрывается в скромном доме в Храмовом квартале.

Секреты. Со времени Первого крестового похода Эфраим сосредоточился на сборе сведений о религиозной жизни Иерусалима. Он обзавелся контактами в иудейской, мусульманской и христианской общинах. Он также хорошо ориентируется в их планах экспансии, темах богословских

диспутов, и поддержки, которую духовенство оказывает той или иной политической группировке.

Влияние. Как предполагаемый недавний обитатель Иерусалима, «Михель бен Давид» не обладает сколь-нибудь существенным влиянием. Однако его связи растут и развиваются, и он обретает репутацию надежного, хотя и любопытного, купца. Он уже несколько раз передавал незначительные послания иудейских священников среднего звена. Со временем он сможет в обмен на эти услуги получить что-нибудь для себя и своих собратьев из Енномской долины.

Судьба. Эфраим будет повторять цикл своих преображений вплоть до эпохи Последних Ночей. Скрываясь под очередной маской, он обычно находит какой-нибудь способ приглядывать за спящим Котаром: он может прикинуться археологом, смотрителем, охранником реликвий – как будет удобнее всего. В последнее десятилетие XX века он представляется Эфраимом Гольдштейном, иммигрантом из США, изучающим историю медицины и в связи с этим проводящим раскопки в Енноме.

Клан: Носферату.
Сир: Котар.
Натура: Мученик.
Маска: Священник.
Поколение: 7.
Становление: 722 год до н.э.
Внешний возраст: 45-50 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 2, Ловкость 3, Выносливость 5 (Крепкий)

Социальные: Харизма 5 (Очаровательный), Манипулирование 5 (Льстивый), Внешность 0.

Ментальные: Восприятие 5 (Внимательный), Интеллект 4 (Хорошая память), Сообразительность 3.

Способности:

Таланты: Актерское мастерство 4 (Харáктерные роли), Бдительность 3, Рукопашный бой 2, Уворот 3, Эмпатия 2, Хитрость 4.

Умения: Ремесла 3 (Портной), Этикет 3, Скрытность 3.

Знания: Расследование 2, Знание закона 2, Лингвистика 3, Политика 2.

Дисциплины: Анимализм 3, Прорицание 4, Стремительность 3, Доминирование 4, Стойкость 6, Затемнение 3, Власть над тенью 2, Могущество 4, Превращение 3, Смертносность 1.

Окружение: Союзники [?], Контакты 2, Ресурсы 2.

Добродетели: Совесть 3. Самоконтроль 3, Храбрость 2.

Путь: Путь Небес 7.

Сила Воли: 6.

Ханна

Происхождение. Ханна лишь недавно была Обращена Эфраимом. Впервые он заметил сильно искалеченную девчушку еще в самом начале своей последней фальшивой «жизни». Его охватило искушение Обратить ее сразу же, чтобы облегчить ее существование, однако он решил (и Котар с этим согласился), что вечное детство будет хуже, чем единственная жизнь, проведенная в страданиях. Поэтому только десять лет спустя, приготовившись в очередной раз «умереть», Эфраим открыл правду о себе теперь уже выросшей юной женщине и дал ей Становление. Она стала вампиром менее двух десятков лет назад и все еще пытается приноровиться к своему новому состоянию.

К большому удивлению и Эфраима, и Котара Ханна вовсе не переполнена благодарностью за произошедшую с ней перемену. Ее жизнь была трудной и невеселой, полной мук и оскорблений, и она негодует от мысли, что во тьме кто-то наблюдал за ее страданиями, мог помочь, но не делал этого. Кроме того, она чувствует, что Котарово понимание милосердия (которое она полностью разделяет), лучше всего было бы воплощено путем Обращения всех подряд. Однако она боится того «справедливого» решения, которое бы вынес Котар, случись ей самой создать потомка.

Ханна считает себя стоящей на полпути между сообществом Еннома и внешним миром. Она никогда не болела проказой и все еще помнит всевозможные преобладающие в народе предубеждения против прокаженных, даже при том, что умом она понимает: ей этот недуг больше не грозит. Поэтому она проводит очень мало времени в Енномской долине, предпочитая общество попрошаек и нищих, с которыми она водилась и прежде. Она и дитя Варшика, бродяжка Ясмина, часто блуждают по улицам вдвоем, иногда к ним присоединяется странная танцовщица-Малкавиан, обожающая маленькую девочку-

Равнос. Кроме того, Ханна время от времени ссорится с Каппадокийцами по поводу обязательств каинитов перед страдающими и умирающими людьми.

Внешность. Позвоночник Ханны сильно искривлен, так что она не может стоять прямо. Если бы она выпрямилась во весь рост, стало бы заметно, что она выше остальных женщин, родившихся в регионе. Вероятно, среди ее предков мог оказаться какой-нибудь матрос из варварской страны. Она одевается скромно и смешивается с толпой, где бы она ни блуждала.

Подсказки для отыгрыша. Ханна – изгой в стане изгоев; она разделяет с другими представителями потомства Котара их веру, но не принадлежит к их сообществу. Ей нет места и среди тех, с кем она проводила время при жизни. Ее не-жизнь – это вечные блуждания. Цель Ханны – встретить других каинитов, чье общество могло бы стать ей опорой в удовлетворении еженощных нужд вампира, но притом соответствовать мироощущению, которым наделил ее Котар.

Убежище. Ханна обитает в подвале дома, оставшегося пустым после очередной эпидемии чумы. Каждые несколько лет она находит себе другое убежище и уже начала подумывать о том, чтобы поступить так снова.

Секреты. Ханна обладает всесторонними познаниями о низших слоях общества Иерусалима. Кроме того, ее понимание сообщества каинитов города и окружающих территорий растет и ширится с каждой ночью. Встретив вампиров, не принадлежащих к кругу знакомых Котара, она дополнила явные встречи тайным наблюдением и весьма в этом деле преуспела. Она не докапывается до глубин интриг старых вампиров, но обычно знает о планах потомков столько же, сколько известно их сирам, а иногда даже больше.

Влияние. В настоящий момент Ханна – темная лошадка. Она не пользуется своими знаниями ради шантажа – пока что. Если же другой вампир обратится к ней за помощью в каком-то важном деле, она с большой убедительностью будет просить об ответной услуге.

Судьба. Внутренние конфликты Ханны будут раздирать ее вплоть до XIII столетия. В начале XIV века она придет к выводу, что ей не повредит где-нибудь развеяться, чтобы разобраться в самой себе без постоянного понукания со стороны сообщества прокаженных. Она отправится на восток, и больше никто из вампиров Иерусалима ее не увидит. В последующие восемьдесят лет от нее будут приходить послания; их будут передавать другие вампиры,

упыри или просто случайные путники. Последнее сообщение от Ханны придет в 1399 году, затем наступит тишина. Встретилась ли она на Востоке с какими-нибудь чудовищами или не поладила с охотниками на вампиров? Может быть, она обрела собственную Голконду (как на то надеется Котар, молясь за нее)? Об этом каиниты Иерусалима могут лишь гадать.

Клан: Носферату.
Сир: Эфраим.
Натура: Одиночка.
Маска: Судья.
Поколение: 8.
Становление: 1180 год н.э.
Внешний возраст: около 15 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 2, Ловкость 1, Выносливость 3.
Социальные: Харизма 2, Манипулирование 2, Внешность 0.
Ментальные: Восприятие 4 (Внимательная), Интеллект 2, Сообразительность 2.
Способности:
Таланты: Бдительность 3, Рукопашный бой 2, Уворот 2, Эмпатия 3, Поиск 3, Хитрость 3.
Умения: Скрытность 3.
Знания: Народная мудрость 2, Лингвистика 2.
Дисциплины: Анимализм 2, Затемнение 4, Могущество 3.
Окружение: Контакты 2, Статус 1.
Добродетели: Совесть 3, Самоконтроль 3, Храбрость 2.
Путь: Путь Небес 5.
Сила Воли: 4.

Равнос

Потомки Башира[90], одного из клана Равнос, на протяжении пяти сотен лет правили торговым городом Дамаском и выжимали из него все соки – и все каиниты Иерусалима (за исключением самых молодых и наивных) если не уважали, то, по крайней мере, осознавали степень их могущества. Баширитy уцелели и даже благоденствовали при

[90] Баширитy – одна из линий крови клана Равнос, члены которой придерживались апокалиптической ветви христианства. Большинство баширитов присоединились к Шабашу (см. «Книга клана Равнос» (исправленное издание), стр. 16).

всех сменявших друг друга империях на Востоке и Западе, сохраняя веру в то, что падение великих цивилизаций и приход праведных войск знаменуют наступление тьмы и хаоса. Наиболее рьяные вампиры этой линии крови стремятся разрушить все святыни, пойти войной на Старцев и провозгласить пророчество о неизбежном пробуждении Патриархов от их многовекового сна. Прочие же просто в той или иной мере используют ситуацию к собственной выгоде.

Поскольку баширитy осознают свое высшее призвание, им, как правило, нет дела до мелочных дрязг смертных, происходящих во время крестовых походов. Каждой стороне конфликта требуется снабжение, а доставлять провизию в войска трудно, да и стоит дорого – и этого дамасским торговцам хватает, чтобы иметь мощный рычаг влияния. Равнос одинаково обманывают арабов, иудеев и христиан, за исключением двух вопросов. Во-первых, они живо заинтересованы в приобретении различных святых реликвий, а во-вторых, стараются подорвать деятельность каинитов-крестоносцев, стремящихся опровергнуть пророчества баширитов.

Окрестности Иерусалима в этой борьбе стали, пожалуй, наиболее важным местом действия. Варшик, Равнос-башарит армянского происхождения, когда-то следовавший католическому учению, является основным представителем интересов своего клана в Иерусалиме. Он стравливает противников друг с другом и охотно принимает молодых каинитов города под свою защиту, убеждая их в том, каким могущественным союзником он может быть. Однако он способен стать и неприятным противником, поскольку ни один каинит не сможет низвести население всего Святого города до состояния одураченной толпы, если он вызовет нелюбовь всего клана Равнос к своей персоне.

В Иерусалиме полно знати и ничтожеств, объектов собственности и прочего имущества, публики, чье воображение можно поразить, и реликвий, которые можно стянуть. Вентру шепчутся о том, что Варшик был одним из посланников, поставлявших войскам Салах ад-Дина сведения об армии крестоносцев, что привело к поражению христиан и переходу Иерусалима в руки мусульман. Другие поговаривают, что по нашептываниям Варшика в разные времена были разрушены те или иные храмы. Однако сейчас, когда на кону стоит будущее [христианской] веры, отчаявшиеся каиниты снисходят даже до заключения договоров с Равнос, обмениваясь услугами в попытках вернуть себе былую власть над городом.

Варшик (Варсик)

Происхождение. Варшик был одним из семи человек, получивших становление от Башира; к 1197 году из потомства его сира уцелели лишь двое. Варшик родился в семье армянских христиан в VI веке нашей эры и, увлекшись рассказами об арабских ученых и завоевателях, стал торговцем, чтобы утолить свою жажду к странствиям. За годы, проведенные в пути с караванами, он развил в себе острое чувство сострадания к тем, кому так же не сиделось дома. В конце концов он решил осесть в Дамаске. Многие годы этот город служил Варшику опорным пунктом торговли, и он стал известным купцом.

Шли годы, и Варшик крепко держал бразды правления своим делом; с важными клиентами он предпочитал вести дела лично, часто за традиционным арабским ужином. Его притягательность вкупе с завлекательными, обильно приукрашенными рассказами о странствиях принесли ему множество союзников и прибыльных сделок – и именно в ходе одного яростного спора о цене клинков из дамасской стали Варшик и привлек к себе внимание Башира, древнего вампира из клана Равнос. Бродячее прошлое купца, его ловко подвешенный язык и чрезвычайная ловкость рук поразили каинита, который к тому же почувствовал в этом армянине родственную душу.

После обращения Варшик путешествовал вместе с остальным потомством Башира, попутно изучая новые языки и рассказы о древних и новых обычаях. Он стал одним из самых ярых сподвижников Башира и как-то ночью спас своего сира, которого предал один мстительный и мелочный вампир-Вентру; трое других братьев Варшика были схвачены и принесены в жертву утреннему солнцу. С той ночи Башир и многие его дети объединили требования Пути Парадокса с апокалиптическими мировоззрениями и вернулись в Дамаск, подчинив себе городскую торговлю, оказывая влияние на весь Левант и наблюдая за территорией, ожидая новых знаков исполнения пророчества.

Несмотря на то, что мало кто из более консервативных членов клана разделяет убеждения Башира, даже они не могут оспаривать неряшливую склонность великих западных цивилизаций к упадку. За сотни лет наблюдений Варшик тщательно обдумал знамения и обнаружил внутреннее несогласие с поучениями своего сира. В резне, устроенной крестоносцами в Иерусалиме, погибло дитя самого Варшика, и в 1101 году он прибыл в город, чтобы

занять ее место и лично отомстить за гибель потомка. В глубине души он верил, что именно Иерусалим станет средоточием грядущей баталии, а его взор уже был устремлен в будущее.

Со своими христианскими корнями и хорошей торговой репутацией Варшик со своими купцами были хорошо приняты в Иерусалиме. За году, проведенные в городе, он завел знакомство с отцом Палиуро из клана Ласомбра, оказав ему несколько небольших услуг (например, он продал Палиуро небольшое кривое зеркало, с помощью которого тот дурит головы и смертным, и каинитам) в обмен на защиту или схожие любезности. Он также иногда развлекает Палиуро сумасбродными, вдохновляющими рассказами о чудесах и спасенных душах, которые священник позже использует для своих проповедей. Можно сказать, эти два каинита счастливо нашли друг друга. Однако Палиуро в последнее время стал все глубже погружаться в паранойю и терять разум, и поэтому теперь Варшик пытается связаться с Ассамитом Габриэлем, чтобы прервать отношения, ставшие для него обременительными.

Варшик также сносится со старейшиной клана Равнос, обитающим близ Дамаска, и служит ему в качестве связующего звена с Сетитами и Ассамитами, обитающими на юге и ведущими борьбу с христианами-захватчиками. Для Ассамитов Варшик – полезный союзник в торговле товарами и информацией, но и опасный манипулятор. Они понимают, что внезапная гибель Варшика будет выглядеть подозрительно и лишь привлечет в Иерусалим новых Равнос – а ведь в городе осталось немало святых реликвий, которые могут быть украдены или уничтожены этими бродягами. Тем не менее Сарацины ищут способы придержать деятельную натуру Варшика. Самого его, однако, больше беспокоят Сетиты, хотя один из них – Абдулла аль-Саттайя – довольно легко поддается манипулированию.

У Варшика множество знакомых во всевозможных городских сектах, а в своих ночных скитаниях он встречался с местными жителями и путниками – представителями самых разных слоев общества. Он особенно любит общаться с не слишком набожными паломниками, подсаживаясь к их компаниям, слушая их истории о дальних землях и повествуя им о собственных странствиях. Он благородно удерживает себя и своих потомков от охоты на тех, чьи рассказы дышат вдохновением; пищей становятся те, кто выказывает подлость, высокомерие или грубость. Дополнительные сведения ему поставляет Ясмина, девочка, которую он

Обратил; она обманывает прохожих своим потерянным взглядом и невинным обликом.

Варшик обосновался в Армянском квартале Иерусалима, где редко бывает кто-либо еще из каинитов: чужаков здесь не любят, а православных греков так и вовсе ненавидят. Его редкая способность проворачивать сделки, выгодные для всех сторон – это признак не только торговца, но и дипломата, но на самом деле он лишь стремится как следует насладиться этими местами, прежде чем их вновь посетит неотвратимая разруха. Со всех сторон его окружают упыри; кто-то из них считает его членом клана Вентру, а не Равнос, другие просто отдают кровь в уплату за поддержку и гарантию выживания.

Варшик не особенно силен в ближнем бою; его могущество произрастает скорее из его политических связей и знаний. Он, однако, имеет пугающе харизматичную внешность, а со своим красноречием в сочетании с искусством Химерии он может направлять целые толпы против других каинитов и даже против священнослужителей. Варшик даже способен изменить настроения в уже разгоряченной толпе.

Внешность. Варшик имеет приятную, но не смазливую внешность, и он держится скромно, но с уверенностью в своих силах – такое сочетание и привлекает, и обезоруживает. У него темные волосы и ясные, удивительно глубокие глаза. Одевается он скромно – для вампира из клана Равнос.

Подсказки для отыгрыша. Варшик беззаботен, очарователен и слегка импульсивен. Он не испытывает чувства вины за манипулирование теми, кого он использует ради бизнеса или в качестве пищи. Он имеет те же внешние слабости, что и прочие баширитты: мгновенно переключает внимание на того, кто заговаривает о Старцах, священных реликвиях или Патриархах. Рассказы Варшика подчинены одной цели: вытянуть информацию из собеседника в той же легкостью, с какой он бы выпил его кровь. Тем не менее, его мотивы могут быть глубже, чем кажутся на первый взгляд.

Убежище. Варшик укрывается в пещере под домом одного из своих упырей в Армянском квартале Иерусалима.

Секреты. Варшик, как и Магдалена, втайне наслаждается хаосом и неопределенностью, царящими в Иерусалиме. Город открыт для всех, и этот его статус идеален для Равнос, ведь ни одна фракция не сильна настолько, чтобы вышвырнуть их вон. Жертвы их клыков, как и политических и финансовых махинаций, многочисленны и

растерянны, а Варшик будет противодействовать распространению философии баширитов или помогать ему, в зависимости от того, что больше угрожает его удовольствиям и не-жизни.

Влияние. Влияние Варшика в Иерусалиме обширно, но подобно тонкому листу бумаги, за несколькими исключениями в тех или иных областях властной структуры каинитов. Он прибегает к могуществу своего сира и всего клана, и пользуется своей бесспорной притягательностью, чтобы изменить распределение пищи или денег и поступление информации так, чтобы поддерживать постоянный пат в противостоянии христиан и мусульман.

Судьба. Влияние Варшика и контролируемая им территория будут расти и шириться в течение нескольких веков. Его искусство манипулирования информацией для заключения прибыльных сделок станет легендарным, однако его уклончивые расследования деяний Старцев и его предательство по отношению к баширитам в итоге приведут его к печальному концу.

Клан: Равнос.
Сир: Башир.
Натура: Шут.
Маска: Щеголь.
Поколение: 6.
Становление: 610 год н.э.
Внешний возраст: около 45 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 2, Ловкость 2, Выносливость 3.

Социальные: Харизма 5 (Очаровательный), Манипулирование 6 (Убедительный), Внешность 3.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 4 (Хорошая память), Сообразительность 4 (Умный)

Способности:

Таланты: Актерское мастерство 3, Артистическая экспрессия 3, Атлетика 3, Рукопашный бой 2, Воровство 3, Хитрость 4 (Вводящий в заблуждение)

Умения: Обращение с животными 2, Ремесла 4 (Организация), Холодное оружие 4 (Дубина), Музыка 3, Верховая езда 2.

Знания: Академические знания 4, Расследование 3, Лингвистика 5 (Торговец), Оккультизм 2, Политика 4 (Город), Теология 2.

Дисциплины: Прорицание 3, Химерия 7, Доминирование 4, Стойкость 3, Присутствие 4

Окружение: Союзники 2, Контакты 5, Стадо 4, Влияние 2, Наставник 4, Ресурсы 4, Сторонники 3.

Добродетели: Убежденность 4, Самоконтроль 3, Храбрость 3.

Путь: Путь Парадокса 6.

Сила Воли: 8.

Ясмина

Происхождение. Варшик Обратил Ясмину, блуждая по городу как-то ночью. После многих месяцев таких прогулок его взгляд привлекла занятная девочка-попрошайка, собиравшая милостыню на перекрестке двух крупных улиц. Она, как показалось Варшику, необычайно умело привлекала внимание прохожих, бессознательно точно оценивая степень их сострадания. Девчушка последовательно избегала грубиянов, зато паломники отвязывали кошель, заслушавшись ее неуверенным лепетом на латыни, греческом или арабском о ее планах служить Богу (или Аллаху), когда она подрастет.

Однако судьба не дала Ясмине шанса вырасти. Одним поздним вечером она просила подаяние на своем обычном месте, а Варшик вновь был неподалеку, восхищенно наблюдая за ее работой. Какая-то лошадь, почуяв рядом каинита, испугалась и понесла, врезавшись в толпу прежде, чем всадник смог придержать ее. Животное затоптало Ясмину и еще троих людей. Девочка медленно истекала кровью, заливая ею дорожную пыль, и Варшик, выйдя из теней, взял ее на руки. Как только вампир нашел укромный уголок, он Обратил девочку.

Теперь Ясмина коротает ночи, либо крутясь возле Варшика, либо вновь блуждая по улицам в одиночестве. Она использует свой талант к запоминанию того, что незнакомцы говорят ей, и свои способности к наблюдению, а затем рассказывает все сиру. Ясмина не понимает многого из того, что она передает Варшику, зато ему ясно все. Пожалуй, единственная вещь, о которой она не рассказала сиру – это то, что она встретила на улицах еще одну девушку-вампиршу, калеку по имени Ханна, и та стала для Ясмины подругой, которой можно довериться в ночи.

Для Варшика Ясмина стала очередным инструментом, он не сделал своей игрушкой, но и не считает ее равной себе. Она не настолько умна, чтобы быть интересным собеседником, однако ее невинность, наивность и открытость миру радуют сира и придают ему сил. Он считает ее занимательным контрастом к темным предчувствиям, в которые погружены остальные баширитты.

Ясмина же только рада помогать сиру – ведь Варшик хвалит ее за те сплетни, которые она подслушивает в толпе паломников и передает ему. Она уходит далеко, чтобы побывать в каких-нибудь интересных местах, но почти всегда может отыскать Варшика, где бы он ни остановился. Иногда приветливые люди приглашают ее в свой дом, приют или лечебницу, и она может подкрепиться и даже стащить пару великолепных сверкающих безделушек, которые она относит Варшику.

Жажда крови, время от времени овладевающая девочкой, пугает ее, но Ясмина рада тому, что Варшик спас ее из объятий смерти и ввел во тьму. Он рассказал ей, что отныне она будет всегда юной и веселой. Иногда она, однако, осознает, что «всегда» – это очень-очень долго.

За Ясминой приглядывают еще несколько вампиров, помимо Варшика. Брат Бернард всегда находит время, чтобы выслушать ее рассказы и убедиться, что девочке ничто не угрожает, хотя сама Ясмина плохо осознает, как она может оказаться в опасности. Еще одна недавно появившаяся в городе женщина, Жанетта, кажется, считает Ясмину своей дочерью, из-за чего та чувствует себя не в своей тарелке.

Внешность. Ясмина – задумчивое дитя, по виду – бродяжка. У нее большие темные глаза и целая копна темных кудряшек. Ее одеяния ветхи ровно настолько, чтобы вызывать сострадание, но при этом чистые, чтобы незнакомые люди считали ее безвредной. Она шустрая, подвижная и при этом бдительная.

Подсказки для отыгрыша. Ясмина – симпатичный ребенок. Она мило улыбается незнакомцам, засыпает их кучей вопросов и в ответ вываливает множество бессмысленных сплетен о городе, его достопримечательностях и о самих своих собеседниках. Такое поведение помогает ей добыть несколько монет или даже шанс напиться крови, если незнакомец возьмет ее к себе домой.

Убежище. Обычно Ясмина обитает вместе в Варшиком в Армянском квартале города.

Секреты. Ясмина любит своих друзей и завоевывает их доверие, помогая им отбиться от уличных громил и воров. Особенно ей нравится Ханна, и бедная калека-Носферату отвечает ей взаимностью. Когда Варшик пожинает плоды своей известности, она чувствует, что ею пренебрегли, и гнев брошенного ребенка может копиться годами, прежде чем выльется в эффектное представление.

Влияние. Ясмина практически не имеет влияния, разве что среди городских беспризорников и отношений с Ханной.

Судьба. Ясмина – «актер одного номера». Пока процветает Варшик, с ней все будет в порядке. Однако когда его трюки наконец обернутся против него, Ясмине также не удастся избежать насилия.

Клан: Равнос.
Сир: Варшик.
Натура: Шут.
Маска: Дитя.
Поколение: 7.
Становление: 1143 год н.э.
Внешний возраст: младше 10 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 1, Ловкость 4 (Легкие прикосновения), Выносливость 1.

Социальные: Харизма 4 (Дружелюбная), Манипулирование 4 (Убедительная), Внешность 3.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 1, Сообразительность 1.

Способности:

Таланты: Актерское мастерство 4 (Притворщица), Бдительность 2, Эмпатия 2, Воровство 4 (Котел сплетен), Хитрость 1.

Умения: Обращение с животными 2, Этикет 2, Верховая езда 1, Скрытность 4 (Умение прятаться)

Знания: Народная мудрость 2, Расследование 2, Лингвистика 2.

Дисциплины: Анимализм 1, Химерия 2, Стойкость 2.

Окружение: Союзники 1, Контакты 2, Наставник 2.

Добродетели: Убежденность 2, Самоконтроль 3, Храбрость 3.

Путь: Путь Парадокса 6.

Сила Воли: 5.

Салюбри

Немногие оставшиеся в Иерусалиме Салюбри, все еще безмерно растерянные и потрясенные уничтожением Савлота, в эти мрачные ночи напоминают ходячие мишени. Замкнутые и перепуганные, они все больше склоняются к общению исключительно со своими собратьями по крови, так как никому другому довериться не могут. Конечно, им здорово помогают записки на древнем языке Второго города, оставляемые в укромных местах, но личные встречи с другими вампирами – похожими на них – становятся все более важными для Салюбри, превращающихся в осторожничающих отшельников. Иерусалим, вечное средоточие интриг, притягивает Салюбри: минуя город, они отправляются навстречу… чему-то иному.

Медсестра Аиша, принадлежащая к клану, обитает при лечебнице аль-Бимаристан аль-Салахи благодаря щедрости вампиров Ласомбра, предоставляя доступ к своим сонным подопечным, несмотря на то, что, как предполагается, госпитали отвечают за своих пациентов напрямую перед мусульманским правителем города. Ходит слух, что в город держит путь европеец-воин Салюбри, но эта сплетня блуждает по городу вот уже несколько месяцев, а сам вампир что-то не объявляется. Немногие мирные договоры, заключенные Салюбри с прочими каинитами, в лучшем случае можно назвать умозрительными.

Аиша бинт Вахиба, Нянька

Происхождение. Аиша вела тихую жизнь в Антиохии, когда по этому региону совершал свое длительное путешествие Ахмет Мечтатель. Как говорил ей он сам, он почувствовал в ней врожденные способности к исцелению и Обратил ее (как рассказывают все остальные, Ахмет просто увидел в девушке то, чего недоставало ему самому: ей доставляло высшее удовольствие в помощи и выхаживании других людей). Итак, жизнь Аиши оказалась разрушена, и она покинула дом и странствовала с сиром в поисках лучшей доли на протяжении большей части столетия. Ее взаимоотношения с Ахметом кардинально изменились в 1133 году, когда Тремер диаблеризовал Савлота, что вынудило Ахмета поставить под сомнение собственные цели и методы. Тем не менее, Ахмет и Аиша продолжали странствовать вместе до 1140 года, а затем первый решил вернуться в Константинополь, где и пребывает сейчас, мечтая о поисках Голконды.

Аиша считает, что Ахмет предал свое божественное призвание. Более того, она полагает, что ее сир предал свой клан, отказавшись от практических исследований на пути к освобождению. Чему мечты могут научить каинитов? Они суть лишь бегство, отказ иметь дело с суровыми реалиями, обусловленными проклятием Каина. Нет, уход Ахмета не имел смысла, а его бесконечная погруженность в мечты чересчур эгоцентрична для понимания Аиши.

Должна существовать некая причина, по которой Господь позволяет проклятию Каина поражать простых смертных, как и некая высшая цель, по которой Аиша продолжает мечтать о Голконде. Должен быть и иной путь… а путь, в котором Аиша считает себя наиболее опытной – это служение другим. Потайная тьма лечебницы должна нести безопасность, даже при том, что для дитя Савлота в этом мире не осталось ничего доброго.

Итак, Аиша рассталась с Ахметом и его Кругом Грез в Константинополе, и переместилась в Иерусалим. После того, как численность вампиров клана Салюбри резко снизилась, она обратилась к Ласомбра, обитавшему в госпитале аль-Бимаристан аль-Салахи[91], с просьбой о помощи. Пацифико согласился укрыть ее, но только до тех пор, пока Аиша будет использовать свои способности, чтобы облегчить ему получение информации от занемогших пилигримов. Ее положение крайне шатко (она не уверена, что сир Пацифико знает о том, что тот приютил Аишу в лечебнице), но она сохранила не-жизнь, может питаться и лечить людей. Прочие Ласомбра знают лишь то, что больница помогает защитить некоторых из наиболее ценных для них смертных, если те заболеют, а также служит хотя бы одним из обиталищ вампиров, избежавших цепких лап Бонифация. В общем и целом, пока что положение дел устраивает всех.

Местный Малкавиан, брат Бернард, завел привычку временами заглядывать в лечебницу. Хотя само его присутствие раздражает Аишу, он, кажется, способен успокаивать больных. Наум бен Энош, ученый-Салюбри, которого Аиша пытется убедить остаться в Иерусалиме и помочь ей, удаляется вглубь лечебницы, когда в здание заявляется Бернард.

Убежище. Аиша обитает в маленькой келье в глубине лечебницы.

---

[91] Руины в мусульманской части Иерусалима, предположительно – средневековый госпиталь, датируемый X-XI веком. По крайней мере, в переводе с арабского «бимаристан» - буквально «место больных», т.е. больница.

Секреты. Ласомбра могут думать, что они облагодетельствовали Аишу, но и она, в свою очередь, использует их. Заботясь о занемогших горожанах, она также служит связующим звеном между оставшимися Салюбри. Что особенно важно, она руководит подпольем клана, переправляя уцелевших в безопасные места и передавая сообщения и сведения с людьми, проходящими через город. В конце концов, кому потребуется что-то проверять, если пилигрим уйдет из города в том же направлении, что и пришел?

Влияние. Аиша бинт Вахиба практически незаметна среди других городских каинитов. Именно это необходимо ей, чтобы с наибольшей эффективностью протаскивать своих собратьев мимо самых бдительных членов других кланов.

Судьба. При всех своих благих намерениях, Аиша долго не проживет. В Иерусалиме слишком много каинитов и слишком много языков, болтающих лишнее, чтобы она ускользнула от внимания Тремеров. В 1216 году ее найдут. Но все же к тому времени она успеет спасти не-жизни многих своих собратьев, хотя бы на некоторое время.

Клан: Салюбри.
Сир: Ахмет Мечтатель.
Натура: Опекун.
Маска: Проповедник.
Поколение: 7.
Становление: 1024.
Внешний возраст: 25 - 30 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 2, Ловкость 3, Выносливость 2.
Социальные: Внешность 2, Манипулирование 1, Обаяние 2.
Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 3, Сообразительность 3.

Способности:

Таланты: Бдительность 2, Уворот 2, Эмпатия 2, Лидерство 1, Хитрость 2.
Умения: Ремесла 2, Этикет 1, Травничество 4 (Лекарственные травы), Верховая езда 2, Скрытность 2, Выживание 3.
Знания: Академические науки 1, Народная мудрость 3, Расследование 2, Лингвистика 2, Медицина 4 (Болезни), Оккультизм 4 (Древняя мудрость), Политика 2.

Дисциплины: Прорицание 3, Стойкость 2, Власть над тенью 2, Валерен 4.
Окружение: Союзники 3, Контакты 3, Статус 2.
Добродетели: Совесть 4, Самоконтроль 3, Храбрость 3.
Путь: Рыцарь 9.
Сила Воли: 6.

Наум бен Енох

Происхождение. Наум бен Енох был когда-то ученым, толкователем Талмуда, и проводил свои дни в иешиве, изучая и обсуждая тонкости иудейского закона. Одним вечером, возвращаясь домой, он вслух посетовал на быстро приближающуюся старость и смерть. Он оплакивал знания, которые не сумел получить. Но его слова были услышаны, и не кем иным, а самим Савлотом, который дал Науму Становление.

Последующие века Наум провел, учась сам и передавая свои знания другим. Он отчаялся примирить запрет своей религии на употребление крови с проклятием Каина, и удовлетворился той мыслью, что он, человек, своим слабым пониманием предполагает, а Яхве располагает. Помимо проблемы кормления, Наум не мог представить себя в качестве Салюбри-воина и потому последовал по пути целителя.

В непродолжительном времени Наум перестал всецело посвящать себя изучению Торы, но начал обращать внимание и на пути демонов. Что есть демон? Почему Яхве позволяет таким созданиям существовать? Какой цели они служат? Возможно ли управлять ими? Или же каиниты и смертные одинаково обманывают себя, полагая, что демонов можно контролировать?

Будучи уважаемым ученым, Наум бен Енох занимался своим ремеслом столетие за столетием. События последних пятидесяти лет, однако, выбили его из колеи, и ему тяжело от того, что у клана в настоящее время нет лидера. Несколько лет назад до него дошла весть о том, что в Иерусалиме Аиша бинт Вахиба негласно помогает другим Салюбри, передавая послания и направляя собратьев по крови к безопасным убежищам. Он начал обдумывать план путешествия в город, чтобы встретиться с ней. Если и существовал возможный наследник Савлота, Аиша могла знать, где этот Салюбри находится. Другим поводом к поездке в Иерусалим стала информация о том, что Моисей

Маймонид[92] – всемирно известный ученый-талмудист – жил в этом городе, служа личным лекарем Салах-ад-Дина. Увы, к тому времени, как Наум достиг Иерусалима, Салах-ад-Дин умер, а Маймонид покинул город. Наум сожалел о том, что не смог обсудить с ученым проблему демонов, а он питал надежду, что знания Маймонида проведут его сквозь лабиринт затруднений. Но судьба сложилась иначе.

Аиша бинт Вахиба желала бы, чтобы Наум остался и помог ей в работе в госпитале (хотя обретающегося там Малкавиана, Бернарда, явно одолевают демоны, и выглядит это устрашающе), но он склоняется к тому, чтобы отправиться дальше на север. Если воинственные христиане находятся здесь, в Иерусалиме, то, возможно, на их северной родине сейчас безопасно, полагает Наум. Поэтому он, можно сказать, в Иерусалиме проездом. Он не собирается оставаться, если только не произойдет что-нибудь ужасное, что заставит его изменить планы.

Кое-какие недавно полученные сведения, однако, заинтересовали Наума. Он услыхал, что Каппадокиец по имени Абрахам владеет одним древним религиозным пергаментом. Недавно Наум обратился к Адаму, потомку Абрахама, по этому вопросу. Адам рассматривает старого вампира как возможного наставника в более могущественных и практических аспектах мистицизма, и даже готов рискнуть и сопровождать Салюбри в его странствиях, если тот решит покинуть город в поисках ответов на свои вопроса и умиротворения.

Внешность. Наум выглядит как безвредный старик, одетый в балахон путника, с посохом в руке. И волосы, и борода его белы как снег.

Подсказки для отыгрыша. Наум стар и чувствует груз своих лет. Он устал от уже пройденного пути и немного страшится того, что ему еще предстоит пройти.

Убежище. В настоящее время Наум занимает комнату рядом с убежищем Аиши в лечебнице аль-Бимаристан аль-Салахи.

Секреты. Наум утомлен. Он хотел бы испытывать энтузиазм, защищать свое дело Салюбри и помочь восстановить клан… но как же он устал! После того, как Савлот подвергся диаблери, Наум растерял большую часть своего рвения. Он начинает подумывать о том, что оцепенение может оказаться возможным компромиссным выходом; возможно, через пару веков все и наладится.

---

[92] Моисей Маймонид (Моше бен Маймон, 1135 – 1204) – выдающийся еврейский философ и богослов-талмудист, раввин, врач и разносторонний учёный своей эпохи, кодификатор законов Торы.

Влияние. Когда-то Наум обладал значительным влиянием, находясь подле Савлота. Теперь, однако, он стал скорее мифом о самом себе. Прочие Салюбри удивляются, узнав, что он до сих пор энергичен. Иногда Наум и сам этому удивляется.

Судьба. Наум бен Енох все-таки решит погрузиться в оцепенение вскоре после того, как покинет Иерусалим, и на этом его следы в истории теряются.

Клан: Салюбри.
Сир: Савлот.
Натура: Судья.
Маска: Опекун.
Поколение: 4.
Становление: 216 год н.э.
Внешний возраст: за 60 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 1, Ловкость 2, Выносливость 3.
Социальные: Харизма 3, Манипудирование 3, Внешность 2.
Ментальные: Восприятие 4 (Внимательный), Интеллект 5 (Ясно мыслящий), Сообразительность 4 (Умный).
Способности:
Таланты: Бдительность 3, Эмпатия 4 (Познание истин), Лидерства 3, Хитрость 2.
Умения: Ремесла 3, Этикет 3, Травничество 4 (Лечебные травы), Скрытность 2, Выживание 3.
Знания: Академические знания 4 (Демонология), Народная мудрость 4 (Иудейский закон), Линвистика 3, Медицина 5 (Диагностика), Оккультизм 5 (Демоны)
Дисциплины: Прорицание 6, Стойкость 3, Затемнение 6, Присутствие 4, Могущество 2, Валерен 8 (оба пути).
Окружение: Союзники 2, Контакты 2, Статус 3.
Добродетели: Совесть 4, Самоконтроль 5, Храбрость 7.
Путь: Путь Рыцаря 10.
Сила Воли: 9.

Сетиты

Обитающие в городе Сетиты считают все религии, кроме своей собственной, кощунством, однако они не могут противиться соблазнительной возможности совращения толп паломников, пришедших в незнакомые земли. Куртизанка, принадлежащая к клану, дарит своими прелестями убийцу из клана Ассамитов; на фоне пылающих страстей их былых жизней каждый старается привить другому свои взгляды. Еще один Змей, недавно прибывший из Каира, обустраивает себе теплое местечко за спиной городского Безумца, приманивая тех, кто, последовав за поверженным лидером и его иллюзиями о божественности, позже обратится к служению еще более мрачным силам.

Шахара аль-Рашва, Куртизанка

Происхождение. Шахара, в некотором роде, редкая птица: она родилась в Иерусалиме в период властвования мусульман. Когда крестоносцы в 1099 году вырезали все население города, Шахары не было в Иерусалиме. Запах крови, принесенный ветром, привел ее в бешенство, а смятение и разруха последующих недель были таковы, что никто не заметил ее возвращения в город. После того как крестоносцы установили свою власть, девушке оказалось нетрудно убедить нескольких стражников в принадлежности к христианской вере и получить разрешение вернуться в Иерусалим.

Шахара получила Становление от Сетитки-вербовщицы; она специально выискивала проституток, которые бы желали с помощью своих женских уловок обрести положение в обществе и богатство, а также добиться могущества. Шахару не была красавицей, скорее ее можно было назвать миловидной, поэтому рассчитывать на влиятельного покровителя ей не приходилось. Вместо привлекательной внешности и страстных взглядов она научилась пленять словом и жестами. Она узнала, как заставить мужчину отказаться от своих благородных намерений, и как просто увлечь их в глубины собственной боли. Шахара открыла для себя, что те, кто находится на вторых ролях, становятся легкой добычей, если осыпать их лестью и комплиментами, обычно достающимися их начальникам.

Не так давно Шахара увлеклась Ассамитом по имени Рашид, вернувшимся в город. Несмотря на давнюю вражду между Змеями и Сарацинами, Рашид был рад найти кого-то со сходным прошлым, говорящего с ним на одном языке и родом из той же земли, да еще разделяющего с ним

проклятие Каина. Шахара же вовсе не так увлечена, поскольку вынуждена бороться со своим неприятием Ассамитов ради общения с Рашидом. Возможно, однако, что ему известно некая полезная для нее информация… и он быстро приближается к моменту, когда его незавершенное обучение не сможет защитить его от искусной совратительницы.

Шахара попыталась навести мосты также к Ласомбра Пацифико Гриллати, но без особого успеха. Тореадор Дуйал аль-Малатья и Вентру Вицелин кажутся более перспективными; они, по крайней мере, выказали интерес к увеличению своего влияния, и Шахара подогревает в них веру в свою способность помочь им в этом. Она мало общается с другими женщинами-каинитами Иерусалима – разве ей нужно, чтобы они вмешивались в ее попытки совращения мужчин?

Внешность. Шахара не красива (хотя и весьма привлекательна), скорее она поражает воображение, что весьма подходит для ее целей. Ее окружает аура чувственной тайны, интригующая всех, кто окажется рядом. Она одевается вызывающе: ее вуали чересчур прозрачны, а юбки слишком обтягивают тело, чтобы костюм мог считаться приличным.

Подсказки для отыгрыша. Шахара гибка и чувственна, ее движения плавны и грациозны. Она может производить впечатление замкнутой, но на самом деле весьма искусна в отвращении мужчин от их добродетелей, избавлении их от денег и тайн.

Убежище. Шахара владеет небольшим домом у южной стены Иерусалима, рядом с Сионскими воротами. Такое расположение убежища позволяет ей находиться рядом с торговцами и паломниками и дает доступ к дороге, начинающейся за воротами.

Секреты. Секреты! О, это дело всей не-жизни Шахары. Можно предложить что-нибудь ей в обмен, но скорее она вовлечет вас в обмен ваших тайн на те, от которых ей самой пользы уже нет.

Влияние. Шахара идет по тонкой дорожке между торговлей могуществом и поддержанием собственных успехов. В любой момент ее жертвы могут осознать, на какой путь она их толкает, и тогда последствия будут ужасны.

Судьба. В конце концов Рашид вырвется, хотя бы отчасти, из паутины, сплетенной Шахарой, и она сбежит из города в страхе за свою не-жизнь. Еще несколько столетий она будет обитать то тут, то там, всякий раз бдительно следя,

не появятся ли поблизости убийцы. В середине XX века она переберется в Рио-де-Жанейро, где откроет магазин и вскоре станет одним из самых влиятельных каинитов города.

Клан: Сетиты.
Сир: Иезебель.
Натура: Мастер выживания.
Маска: Плут.
Поколение: 10.
Становление: 980 год н.э.
Внешний возраст: чуть меньше 20 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 2, Ловкость 4, Выносливость 3.
Социальные: Харизма 4 (Пленяющая), Манипулирование 2, Внешность 3.
Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 2, Сообразительность 2.
Способности:
Таланты: Актерское мастерство 3, Экспрессия 4 (Танец), Уворот 1, Хитрость 5.
Умения: Этикет 4 (Обычаи чужестранцев), Музыка 2, Скрытность 3, Выживание 1.
Знания: Народная мудрость 3, Знание законов 1, Лингвистика 4 (Дипломатия), Оккультизм 3, Политика 1.
Дисциплины: Затемнение 4, Присутсвие 3, Серпентис 4.
Окружение: Союзники 2, Контакты 2, Наставник 1.
Добродетели: Убежденность 3, Инстинкты 4, Храбрость 3.
Сила Воли: 4.

Абдулла аль-Саттайя

Происхождение. Как можно соблазнить безумца? Абдулла аль-Саттайя, недавно прибывший в Иерусалим из Каира, как раз и желает это выяснить.

Некогда Абдулла (чье имя означает «слуга Аллаха») был торговцем рыбой и имел лавку возле доков на Ниле в Каире, и был доволен жизнью. Он был уважаемым, приличным дельцом – но лишь до тех пор, пока не ввязался в отношения с гадалкой, посвятившей себя удовольствиям, жертвоприношениям и (как он считает теперь) безответственности. Он потерял свое дело, родные

отдалились, и все, что Абдулла знал в жизни, ушло от него. И он вернулся к этой женщине по имени Нагат, и обнаружил, что очередная цена, которую ему придется уплатить за спасение – это капитуляция и полнейшее подчинение Сету.

После Обращения Нагат подчинила Абдуллу своей воле и ввела в свою котерию, связав кровавой клятвой. Следующие несколько лет он удовлетворял ее капризы самым низменным образом, охраняя ее, пока она молола языком, чтобы отвратить благосклонность визиря жестокого халифа аль-Хакима от враждебной группировки Сетитов. Борьба внутри клана разгоралась, и в конце концов стражники аль-Хакима решили положить конец этой грызне самостоятельно. В одну предательскую ночь Нагат была ритуально обезглавлена наемным убийцей, а ее любимая змея пала возле хозяйки, изрубленная на куски.

Абдулла вознес молитву Сету, прося обрушить месть на голову халифа, чье правление превратилось в террор, явно возомнившего себя воплощением Аллаха. Он последовал за халифом, покинувшим Каир, намереваясь договориться с Ассамитами или уничтожить правителя самостоятельно – и наверняка бы попытался сделать это, если бы не расстроившее его планы жульничество Малкавиан, которые каким-то образом сумели ответить на каждое его действие. Поразмыслив, Абдулла придумал для безумца Ящерицы еще более мрачную судьбу.

Абдулла принялся заманивать аль-Хакима в свои когти, предоставляя ему самое желанное: почитателей. Он велел своим упырям быть покорными аль-Хакиму и выказывать ему почтение, по крайней мере там, где безумец мог это видеть. Это держит аль-Хакима подле Абдуллы, и тот использует бывшего халифа как подставное лицо, а сам заманивает его последователей и толпами обращает их к почитанию Сета.

Преследование аль-Хакима стало наиболее амбициозной целью, которую Абдулла аль-Саттайя поставил себе на данный момент. Он, разумеется, рискует, но Сет будет весьма, весьма доволен, если Абдулла преуспеет.

Продвигаясь в деле совращения аль-Хакима, Абдулла начал подбирать новую жертву, которую можно было бы подчинить власти Сета. Вентру Вицелин выглядит вампиром, в должной мере потакающим собственным желаниям, и возможно, он – перспективная цель. Деградация «молодняка» может стать еще одним способом восславить Сета: «взрослые» вампиры, опекающие Ясмину, вряд ли станут серьезным препятствием. Тем не менее, Абдулла

ведет себя осторожно. Он изо всех сил старается не попасться на глаза Габриэлю Чавесу, который известен тем, что выследил и подверг диаблери нескольких влиятельных Сетитов в Каире.

Внешность. Абдулла аль-Саттайя выглядит безвредным, в хорошем смысле этого слова. Не то чтобы его лицо не запоминается, оно скорее обычное и доброжелательное.

Подсказки для отыгрыша. Абдулла производит впечатление спокойного, знающего вампира. О тщательно обдумывает любой вопрос и отпускает пару комментариев перед тем, как дать ответ – если, конечно, вопрос не касается веры в Аллаха. Затем он позволяет прорваться наружу своей преданности Аллаху (а точнее – аль-Хакиму). Оказавшись наедине с собой, он снимает эту маску и хладнокровно просчитывает свои планы. Абдулла не доверяет никому; если ты можешь спрятать кинжал за улыбкой, на это способен и другой.

Убежище. Абдулла аль-Саттайя обитает в небольшом доме, расположенном слева от убежища аль-Хакима. Он должен быть поблизости, если его божество чего-нибудь возжелает.

Секреты. Абдулле удалось распознать попытки Варшика выудить из него информацию. Сетит скормил тому кое-какие сведения, не имеющие ценности, а сам пытается создать видимость того, что обладает знаниями и контактами, необходимыми Варшику, чтобы приблизить вампира Равнос к себе. В настоящее время Абдулла всецело занят заманиванием аль-Хакима в паутину Сета – но Варшик (или, может быть, Вицелин) наверняка будет следующим.

Влияние. В Иерусалиме Абдулла не пользуется влиянием – ведь он прибыл в город всего лишь три года назад.

Судьба. Абдуллу аль-Саттайя ждет незавидный конец. В 1234 году аль-Хаким задумается об истинных мотивах своего почитателя, проткнет его колом и оставит дожидаться рассвета на восточной стене города.

Клан: Сетиты.
Сир: Нагат.
Натура: Чудовище.
Маска: Фанатик.
Поколение: 8.
Становление: 930 год н.э.

Внешний возраст: около 35 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 2, Ловкость 2, Выносливость 3.
Социальные: Харизма 4 (Красноречивый), Манипулирование 5, Внешность 3.
Ментальные: Восприятие 2, Интеллект 2, Сообразительность 3.
Способности:
Таланты: Актерское мастерство 5 (Притворщик), Бдительность 2, Атлетика 1, Эмпатия 3, Запугивание 2, Лидерство 3, Хитрость 2.
Умения: Ремесла 1, Этикет 3, Травничество 2, Верховая езда 2, Скрытность 2, Выживание 2.
Знания: Расследование 3, Лингвистика 2, Оккультизм 2.
Дисциплины: Прорицание 2, Доминирование 2, Затемнение 2, Присутствие 2, Серпентис 4.
Окружение: Контакты 1, Стадо 2, Влияние 2, Сторонники 3.
Добродетели: Убежденность 2, Инстинкты 2, Храбрость 3.
Путь: Путь Тифона 6.
Сила Воли: 6.

Тореадор

Строители, ремесленники, любовники (и охранители) всего совершенного, Тореадор в Иерусалиме борются с политическими и религиозными волнениями, которые угрожают столь многим прекрасным объектам исторического наследия. Они также ищут способа создавать творения, которые бы прославили Господа (и, иногда, их самих), но времена и обстоятельства не всегда позволяют завершить столь значимые деяния. Но, по крайней мере, всегда остается политика, к которой могут вернуться некоторые члены клана. А в Иерусалиме политику вполне можно считать отдельным видом искусства.

Элш (Заару-Эйян)

Происхождение. На исходе XIIстолетия до нашей эры в Тире человек по имени Заару-Эйян заработал себе репутацию одного из лучших строителей храмов в известном мире. Говорили, что святилища, спланированные им, угождали богам больше, чем произведения любого другого

архитектора в Тире и за его пределами. И действительно, это были грациозные строения, воплощающие в своих формах и деталях дух бога, ктотрому посвящались. В сундуки храмов, выстроенных Заару, пожертвования текли реками, а молитвы и обряды принесения жертв полнили воздух. Заару-Эйян и сам почитал каждого из богов, которым построил храм, заработав уважение жрецов и щедрую плату.

Прожив сорок с небольшим лет, Заару-Эйян подхватил странную болезнь. Она туманила его разум и отнимала силу его тела, лишая архитектора основ его успеха, и за какие-то недели едва не прикончила его. В поисках последнего приюта он принял решение отправиться к морю и отдаться во власть Элат[93], могущественной богини океана, единственной, кому он не создал храм в Тире. На глиняном черепке он начертал краткое послание, объясняющее его мотивы, и поутру следы его ног все еще были видны на прибрежном песке к северу от Тира.

Однако его хворь не была недугом, а лишь чрезмерным вниманием к нему одного из клана Тореадор, полюбившего его талант и желавшего испить жизненных соков столь творческого человека. Когда же этот вампир сообразил, что Заару-Эйян находится уже на волоске от смерти, он даровал строителю храмов Становление. Чувствуя вину, сир помог ему имитировать свою смерть, договорился с другим тирским Тореадором, чтобы тот наставил молодого вампира в обычаях каинитов, и исчез. Заару-Эйян так никогда больше и не увидел своего сира, хотя, по слухам, каждые сто-двести лет он получает письмо с советами или архитектурными набросками.

Когда Соломон послал в Тир за мастерами, которые бы выстроили в Иерусалиме новый Храм, Заару-Эйян заручился согласием на то старшего Тореадора. Он взял себе имя Элш, что означает «управитель», и присоединился к колонне архитекторов, ремесленников и рабочих, уходивших на юг, в Израиль. Его не волновал риск привлечь к себе внимание своим талантом, поскольку за прошедшие века потихоньку участвовал в крупных проектах и иногда выступал в роли художника или надзирателя в возведении небольших построек.

Элш так никогда и не принял иудаизма или другой мощной религии, и понемногу погрузился в состояние бесконечных внутренних сомнений. Тем не менее он все еще

---

[93] Элат – угаритско-финикийская богиня плодородия, воплощение Праматери. Соотносится с аккадскими и хеттскими Ашерой, Астартой и т.д. Вугаритских текстах упоминается, как Атират, [госпожа,] поправшая море.

стремится обустроить для смертных верующих места поклонения, даже если он более не разделяет их веры. Несколько столетий он балансировал на грани оцепенения, но потом сумел вновь обрести интерес к своей работе, когда паломники в порыве раскаяния начали во множестве строить церкви; в последние века он стал принимать более активное участие в событиях в Иерусалиме и его окрестностях.

Наряду с Котаром, Элш – один из самых старых каинитов Иерусалима. Его подробные познания об архитектуре города и его святынях, а также строгий нейтралитет, который он выдерживает относительно религиозных трений, обеспечили ему уважение прочих городских вампиров; многие обязаны ему за услуги, оказанные в прошлом, в том числе и Ласомбра Палиуро. Элш досконально знает все источники Истинной Веры в черте городских стен, а также укромные места и катакомбы, которые без его знаний оказались бы просто забыты за столетия. Кроме того, он взял под свое крыло юного художника, Дуйяла аль-Малатья.

Элш питается верующими, приходящими во все те храмы, которые он выстроил за сотни лет. Поначалу он ощущал себя виноватым, но со временем его неверие росло, и он пришел к мысли, что немного эйфории, испытанной смертными у алтаря своего божества, им не навредит. Он превратил клир нескольких мелких церквей в Иерусалиме и около города в свое стадо, хотя тщательно следит за тем, чтобы не направлять их против желаний других каинитов. Кроме того, он полагается на многочисленных упырей в среде городских ремесленников, которые выполняют его приказы и иногда даже притворяются им самим, если необходимо посетить место очередного строительства при свете дня.

В настоящее время у Элша потомков нет. В первые столетия нашей эры он Обращал нескольких людей, но все они стали жертвами охотников благодаря собственной (или, как иногда слышит Элш в кошмарах, *его*) беспечности. Будучи свободным от обязательств, которые налагает наличие потомства, он стал терпеливым, склонным к созерцанию и аполитичным. В нынешнее время, считает он, Обращение смертных в Иерусалиме не принесет с собою ни красоты, ни вдохновения.

Внешность. Внешне Элш – ничем не привлекательный финикиец. Он ниже ростом, чем большинство смертных обитателей Иерусалима, но его смуглая кожа и черные курчавые волосы не выделяются в

толпе. У него чрезвычайно тонкие и при этом сильные пальцы: он способен с одинаковой легкостью работать каменным резцом или создавать скань. Он одевается в качественные, но простые одежды, обычно тусклых оттенков, не привлекающих внимания и не сильно пачкающихся на строительной площадке.

Подсказки для отыгрыша. Архитектура – вот единственная, величайшая отрада не-жизни Элша; в особенности если это возведение молельных домов. Иногда он желает вновь обрести собственную веру, неважно, в одного из старых богов своей смертной жизни или в какое-то новое божество, которое почитают в приютившем его городе. Тем не менее, картины разрушения, нищеты и страха, созданные крестовыми походами, в одно мгновение возвратили его сердце к независимости от всяческих религий.

Убежище. Убежищем Элшу служит дом одного из его упырей, серебряных дел мастера.

Секреты. Элш не прилагает усилий к тому, чтобы систематически накапливать знания о чужих тайнах, однако он прислушивается к тому, что говорят в созданных им храмах, и запоминает полезные обрывки разговоров. Ему известно огромное множество проблем, заботящих паломников, хотя он и не вдается в их подробности: это и политика их родных земель, и трудности, с которыми они столкнулись на пути в Святой город, и их жалобы на недостатки самого Иерусалима. Слушая разговоры людей, он также знает многое о личных заботах священнослужителей. Безответная любовь, ревность других жрецов, ссора по поводу значимости видений паломников – все это доходит до сведения Элша.

О чем Элш не знает, так это о недовольстве некоторых каинитов города его стараниями. Он создает места, позже наполняющиеся Истинной Верой, и тем самым закрывает все большую часть Иерусалима для обитающих в нем вампиров, и всегда остается вероятность, что кто-нибудь пожелает не позволить ему возвести еще больше архитектурных восхвалений неба.

Влияние. Элш обладает огромным косвенным влиянием, поскольку сведущ в политике и занет тайны священнослужителей; кроме того, этому способствуют его неоспоримое мастерство архитектора и путей, по которым каиниты могут безопасно перемещаться по Святому городу. Сеть его упырей, кое-кто из которых имеет собственное

влияние и амбиции, также защищает его от охотников за его древней кровью.

Судьба. Элш продолжит спокойно существовать вплоть до самого расцвета эпохи Возрождения. Его упыри все отчетливее будут чувствовать свою независимость, и при этом им надоест отсутствие у хозяина интереса к прокладыванию себе пути во власть. В 1555 году они окончательно устанут от него и, собравшись вместе, выпьют его *витэ* до дна. В последующие несколько лет они в ярости поубивают друг друга, и вся созданная Элшем сеть союзов рухнет.

Клан: Тореадор.
Сир: Неизвестен.
Натура: Инноватор.
Маска: Автократ.
Поколение: 6.
Становление: 1079 год до н.э.
Внешний возраст: около 45 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 5 (Сильные руки), Ловкость 5 (Проворные пальцы), Выносливость 5 (Непоколебимый)

Социальные: Харизма 5 (Вдохновитель), Манипулирование 5 (Льстивый), Внешность 3.

Ментальные: Восприятие 5 (Зоркие глаза), Интеллект 6 (Творческая личность), Сообразительность 2.

Способности:

Таланты: Актерское мастерство 2, Бдительность 3, Рукопашный бой 2, Уворот 2, Запугивание 3, Лидерство 4 (Строительные проекты), Скульптура 6 (Религиозные мотивы)

Умения: Ремесла 6 (Архитектура), Этикет 4 (Религиозные обычаи), Травничество 2, Холодное оружие 2, Верховая езда 3, Скрытность 3, Выживание 2.

Знания: Академические знания 6 (Математика), Расследование 3, Знание закона 2, Лингвистика 2, Медицина 2, Оккультизм 3, Политика 4 (Религиозная), Наука 5 (Инженерное дело).

Дисциплины: Прорицание 6, Стремительность 4, Доминирование 5, Стойкость 6, Затемнение 5, Могущество 5, Присутствие 6.

Окружение: Стадо 5, Влияние 3, Ресурсы 3, Сторонники 4.

Добродетели: Совесть 5, Самоконтроль 3, Храбрость 5.

Путь: Человечность 7.

Сила Воли: 7.

Дуйял аль-Малатия

Происхождение. В середине 1130-х годов по деревушке в Малой Азии, где родился Дуйал аль-Малатия, пронеслась чума, и он оказался единственным, кого болезнь не унесла с собой. Вряд ли бы он сумел прожить дальше сам, если бы его не подобрал монах-сицилиец, возвращавшийся в свой монастырь из паломничества в Иерусалим. Дуйалу было всего восемь лет, и родных у него не осталось, а потому монах забрал его с собой на Сицилию.

В монастыре Дуйал получил образование и, к своему удивлению, открыл в себе талант каллиграфа и иллюстратора книг. Он принял крещение и вспоминал о своем мусульманском происхождении лишь в те моменты, когда его просили изобразить на рисунках фигуры животных или людей[94]. Он испытывал странное удовлетворение от того, что эти исламские ограничения все еще находят отклик в его душе. Но в 1150 году Дуйал стал одним из помощников исламского исследователя Идриси, который готовил многотомный труд по географии мира для короля Сицилии Рожера[95]. Под влиянием Идриси Дуйял вновь обратился в мусульманство, к немалому раздражению монахов, которые приютили и обучили его. После смерти Идриси в 1166 году Дуйал решил, что ему будет спокойнее где-нибудь в другом месте.

В только что основанном королевстве Португалия[96] его талант к каллиграфии привлек к нему внимание Тореадора по имени Насави, который путешествовал по

---

[94] В исламе запрещено создавать изображения живого (в том случае, если художник/скульптор и т.д. считает, что своими действиями он «творит нечто необычайное, шедевральное, исключая Бога и вознося себя», – Ш. Аляутдинов, по материалам портала umma.ru)

[95] Мухаммад аль-Идриси (1100 – 1165 или 1166) – арабский географ, картограф, исследователь истории Египта. Рожер II Отвиль (1095 – 1154) – основатель и первый король (с 1130 года) Сицилийского королевства. По его приказу аль-Идриси составил книгу, обобщающую сведения греческих и арабских географов об известном мире. Сочинение аль-Идриси было завершено в январе 1154 года и называлось *Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак* (вариант перевода: «Развлечение истомленного в странствии по областям»), также известно как *Книга Рожера* (арабск. «ал-Китаб ар-Руджжари»).

[96] Португалия стала независимым королевством в 1139 году.

Европе, останавливаясь при дворах различных правителей в качестве покровителя искусств. Насави посчитал творчество Дуйала многообещающим; он был настолько очарован уникальными религиозными и культурными поворотами жизни молодого человека, что решил: этого чувствительного и разностороннего мастера нельзя отдавать смерти. Насави соблазнил и Обратил Дуйала, пообещал ему вечную жизнь, и стал обучать его обычаям каинитов.

За несколько последовавших десятилетий Дуйал странствовал вдоль побережья Средиземного моря, присоединившись к свите Насави и другим его потомкам, задерживаясь то тут, то там на срок от пары месяцев до нескольких лет. В 1192 году они достигли Иерусалима, услышав о мирном договоре Салах-ад-Дина и короля Ричарда. Дуйал был ошеломлен архитектурой и искусством Святого города, а в нескольких обедневших монастырях ему предложили работу, просто услышав вопрос, не нужен ли там иллюстратор книг. Насави со своими спутниками двинулись дальше, намереваясь вернуться в Иерусалим в 1202 году.

Дуйал выполняет как религиозные, так и «светские» заказы, от каллиграфических надписей на церемониальных документах до украшений на притолоках и каминных досках. Через несколько месяцев после прибытия о нем узнал Элш, который нашел в младшем собрате по крови родственную душу. Теперь они коротают тихие вечера вместе, обсуждая общие интересы: возвеличивание святого с помощью искусства. Помимо этого, Дуйал тратит некоторое время на встречи с Каппадокийцем Абрахамом, который по-своему интерпретирует его работы.

Недавно до ушей Дуйала дошел слух, что в Иерусалим вернуся древний вампир-Каппадокиец, разрушитель храмов. Мысль о каините, сознательно оскверняющем святые строения, приводит его в большую ярость, чем любые смертные нечестивцы; в конце концов, именно каиниты избраны Аллахом, чтобы нести другим блаженство и вдохновение.

Внешность. Дуйал имеет типично арабскую внешность, хотя он не особенно привлекателен. Он одевается в скромно украшенные одежды и не прилагает особых трудов к своему внешнему виду. Обычно он смешивается с толпой арабов, много не разговаривает и как будто пребывает в глубокой задумчивости. Однако занимаясь работой или обсуждая вдохновляющее его произведение искусства, он преображается, становясь энергичным и полным энтузиазма.

Подсказки для отыгрыша. Священное искусство – это религия Дуйала, то, что его воодушевляет. Вампирическая сущность для него является лишь помехой – из-за необходимости выслеживать добычу и питаться довольно неудобным способом; однако эта помеха имеет свою пользу, так как она позволит продолжить творчество тогда, когда у смертного истек бы обычный срок жизни. Дуйал старается об этом не думать. Существует множество манускриптов, которые нужно проиллюстрировать, множество великих картин, которые можно нарисовать, и множество художественных техник, которые можно изучить. Дуйал считает, что стоит выслушать каждого, кто может научить его чему-то полезному. Все прочие собеседники лишь отвлекают; Дуйал будет вежлив в общении с ними, но потратит на них как можно меньше времени.

Убежище. Дуйал занимает комнату в непримечательном квартале и имеет второе убежище на близлежащем складе.

Секреты. Дуйала не привлекают секреты других, хотя он не отказался бы узнать больше о событиях жизни художников, которыми он восхищается.

Влияние. То немногое влияние, которым обладает Дуйал, исходит от его благодарных клиентов, но, пока у него есть работа и его инструменты, он доволен.

Судьба. Дуйал узнает о существовании Марка и его истории, и решится противодействовать этому святотатцу, чтобы защитить святые храмы города (многие из которых являются работами Элша). Он начнет претворять свой план в жизнь в 1204 году, после расставания с Насави, и это займет столетия. После нескольких столкновений с охотниками на вампиров Дуйал отправится в странствия и окончательно осядет в Мадриде, где как раз начнется Реконкиста. Ему придется бежать снова и в начале XVI века попадется в лапы Цимисхам. После долгих и ужасных экспериментов Дуйал наконец обретет покой, приняв Окончательную смерть.

Клан: Тореадор.
Сир: Насави.
Натура: Священник.
Маска: Инноватор.
Поколение: 12.
Становление: 1175 год н.э.
Внешний возраст: 35-40 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 3, Ловкость 3, Выносливость 2.

Социальные: Харизма 2, Манипулирование 2, Внешность 2.

Ментальные: Восприятие 2, Интеллект 3, Сообразительность 2.

Способности:

Таланты: Бдительность 3. Рукопашный бой 1, Уворот 2, Лидерство 2.

Умения: Ремесло 4 (Иллюстрирование), Этикет 2, Травничество 1, Верховая езда 2, Скрытность 2.

Знания: Академические знания 4 (Каллиграфия), Народная мудрость 2, Расследование 1, Оккультизм 1.

Дисциплины: Прорицание 1, Стремительность 2, Присутствие 1.

Окружение: Влияние 2, Ресурсы 2.

Добродетели: Совесть 4, Самоконтроль 2, Храбрость 5.

Путь: Человечность 6.

Сила Воли: 5.

Тремер

Активно работая над созданием материальной базы клана, Тремеры одновременно разыскивают уцелевших Салюбри. Если они обнаружат подпольную организацию потомков Савлота, это подстегнет их к действию, и резня среди каинитов, подобная той, которую город уже видел в 1099 году, станет весьма и весьма вероятной.

Мара

Происхождение. Мара была амбициозной послушницей, изучавшей в XI веке мистицизм и магию в капелле на западе Латвии. Ей удалось обнаружить убежище своего наставника и догадаться об истинной природе своего училища. Жаждая дальнейшего совершенствования, Мара в целях собственной безопасности прибегла к нескольким сговоров и уловкам. Ее красота, талант и умения привлекли внимание главы капеллы, который принял решение Обратить девушку в расцвете лет. Позже он сделал Маре предложение о взаимной близости и обмене кровавыми клятвами взамен на организацию собственной капеллы. Однако после того, как ее сир погиб в когтях одного белорусского Цимисха, Совет Семи принял решение отправить Мару очень далеко

для выполнения ответственного, но чрезвычайно опасного задания.

Начиная с 1194 года, Мара официально представляла клан Тремер в Иерусалиме. В ее обязанности входит поддержка купцов с ее родины – из балтийских земель, за спиной которых стоят Тремеры, и организовывать дальнейшее развитие их дела. Созданные ею торговые пункты под Акрой и Иерусалимом не только стали аванпостами поддерживаемого Тремерами будущего Ганзейского союза, но и способствовали разработке других планов клана в регионе, в том числе по розыску оккультных реликвий. Помимо всего этого, Мара получила и иные, более прямые указания. Ей следует исследовать слухи о появлении злого духа или каинита, известного как Мандалай. Ей необходимо выяснить, является ли он потомком или учеником Савлота; если этот факт подтвердится, ей следует уничтожить его. Никаких предположений, как именно ей следует достичь этой цели, ее руководители не высказали.

Для выполнения своего задания у Мары имеется ученик и относительно опытная гаргулья. Ей запрещено Обращать еще кого-либо, и она ни при каких обстоятельствах не должна обнаружить себя перед местными колдунами. К ее чести, Мара отлично устроилась на новом месте. Умелый политик, она сумела подготовить почву для крупных торговых операций вопреки сопротивлению венецианских купцов, располагая весьма ограниченными ресурсами, и даже умудрилась получить с этого небольшую прибыль.

В реализации другого своего задания Мара продвинулась куда меньше. Выслушав некоторые местные рассказы и истории о Мандалае, она отложила на время решение вопроса о том, как поступить с этим каинитом, и даже не знает, с чего начинать охоту. Мара не знает также ни об одном из Салюбри, обитающих в городе, хотя наверняка сделала бы все, что в ее власти, чтобы уничтожить их, попади ей в руки доказательства их существования.

Мара осознает, что ее назначение – одновременно и блестящая возможность, и ссылка. Что из этого выйдет – зависит исключительно от нее.

Внешность. Мара – невысокая, тонкая женщина с привлекательным круглым лицом и сонными глазами. Она и при жизни была бледной, а в посмертии превратилась в средневековый идеал красоты, сочетающий кроваво-красные губы и белоснежную кожу. Этот контраст дополняется черными, как вороново крыло, волосами и похожими на глубокие колодцы глазами, такими темными, что радужная

оболочка почти сливается со зрачком. Мара может одеваться в различные наряды, но обычно предпочитает выглядеть состоятельной и набожной мусульманкой.

Подсказки для отыгрыша. По мнению Мары, если хочешь добиться чего-либо – сделай это сам. Остальные либо ни на что не способны, либо чересчур стремятся возвеличить себя, либо сочетают в себе оба эти качества. Самое большее, что можно доверить подручным – это такой труд, с которым и ребенок справился бы за половину отведенного времени, или какое-нибудь престижное, но совершенно бесполезное дело, завалив которое, помощник не сможет навредить по-настоящему важным проектам. Для путешествий и работы днем Мара использует самолично отобранных упырей, обработанных Доминированием, а все остальное делает сама. Ей даже нравится пребывать в одиночестве: ни Рустикус, ни Вацлав не имеют каких-либо амбиций, и потому Мара способна добиться определенных результатов. Если бы здесь был еще хотя бы один Тремер, политическая борьба внутри капеллы не позволила бы ей решить ни одной задачи.

Убежище. Мара и прочие обитатели иерусалимской капеллы обитают в подвале большой виллы, расположенной за городской стеной. В самой же вилле живут купцы с Балтики, которых она поддерживает – все они ее упыри, ее послушные орудия в освещаемом солнцем мире. Большинство их настолько подпали под воздействие кровавых уз и Доминирования, что вынуждены принимать снотворное, чтобы их тела могли отдохнуть. Их необычное поведение уже стало привлекать внимание некоторых горожан.

Секреты. Изучая местные легенды о Мандалае, Мара услышала о том, что старейшина клана Каппадокийцев вместе со своим потомком изучают древние мистические тексты, в которых заключены неведомые силы. Мару заинтриговала перспектива втереться к ним в доверие и изучить эти свитки самой, ведь исследования магических знаний, неведомых старейшинам-Тремер, могут принести ей могущество и новое положение в собственном клане.

С помощью деловых контактов клана в Контантинополе Маре стало также известно о вампире по прозвищу Глаза Дракона, хотя сама она с Алексусом еще не встречалась. Она тщательно отслеживает развитие сети его информаторов в среде торговцев. Мара полагает, что ей известны далеко не все его шпионы, однако вполне уверена, что хотя бы на короткое время сможет ослепить Дракона, если возникнет такая необходимость.

Влияние. Через своих упырей Мара обладает значительным влиянием в квартале, где живут иностранцы. Ее явно сдерживает присутствие в городе венецианки Магдалены, но все же у нее длинные руки. Кроме того, она планирует в будущем найти подход к Каппадокийцу Адаму и ждет подходящего случая.

Судьба. Мара успешно сумеет обустроить капеллу в Иерусалиме. Старейшины клана Тремер вызовут ее в Центральную Европу после того, как она пообещает им поделиться новостями и знаниями, накопленными ею в далеком Святом городе. Мара погибнет в 1261 году, возглавив поход против союза нескольких лордов клана Цимисхи.

Клан: Тремер.
Сир: Рандьё.
Натура: Тиран
Маска: Автократ.
Поколение: 9
Становление: 1072 год н.э.
Внешний возраст: около 25 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 2, Ловкость 2, Выносливость 2.
Социальные: Харизма 3, Манипулирование 4 (Хитрая), Внешность 3.
Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 2, Сообразительность 2.
Способности:
Таланты: Актерское мастерство 2, Бдительность 3, Уворот 2, Эмпатия 2, Запугивание 2, Лидерство 2, Хитрость 2.
Умения: Обращение с животными 1, Ремесла 2, Этикет 3, Верховая езда 2, Скрытность 3, Выживание 1.
Знания: Академические знания 2, Расследование 2, Знание закона 1, Оккультизм 3, Политика 3.
Дисциплины: Прорицание 3, Доминирование 4, Тауматургия 4.
Пути Тауматургии: Путь Крови 4, Путь Огня 3, Путь Преображения 3
Окружение: Влияние 1, Ресурсы 3, Сторонники 2.

Добродетели: Совесть 4, Самоконтроль 3, Храбрость 4

Путь: Человечность 6.

Сила Воли: 7.

Вацлав

Происхождение. Вацлав в течение нескольких лет был учеником Мары, прежде чем ей в 1199 году дали разрешение сделать его своим потомком. К моменту Обращения ему исполнилось двадцать четыре года, и оставшиеся три года ученичества он провел, будучи уже каинитом. Еще через год им обоим приказали готовиться к путешествию в Иерусалим. Затем на протяжении четырех лет Вацлав оставался единственным, за исключением гаргульи Рустикуса, подчиненным Мары.

Такое искусственно затянувшееся ученичество наверняка стало бы невыносимым, если бы Мара не считала любую существенную работу слишком важной, чтобы перекладывать ее на сподвижников. К своим упырям-торговцам она относилась лишь как к продолжению собственных рук (да они таковыми и были), а Вацлав и Рустикус большую часть ночей были предоставлены сами себе.

Единственной обязанностью в капелле, которую Мара оставила своему потомку, было сидение в кресле, и не-жизнь Вацлава легко могла бы быть бесполезной и скучной, ведь он уже год как закончил изучать последний свиток знаний о Тауматургии, имевшийся в капелле. Но, к счастью, он и Рустикус сошлись характерами и стали друзьями. За этот год Вацлав стал понемногу обучать гаргулью Тауматургии, а взамен брал у него уроки самозащиты. Оба пребывают в уверенности, что у Мары найдутся возражения по этому поводу, и потому держат все в секрете. А пока непосредственного запрета нет…

В паузах между обучением гаргульи магии Вацлав обычно проводит несколько часов, оттачивая ритуалы защиты убежища, читая все, что по его просьбам упыри могут найти в лавках книготорговцев, и изучая арабский язык. Он отчаянно надеется на приезд в Иерусалим еще хотя бы одного Тремера, или же на то, что его и Мару отзовут назад в Европу. Он понимает, что, возможно, будет наблюдать историю развития мира вечно, но осознание этого не сделало три года, проведенные им в уединении подвала, более радостными. Как бы он ни презирал свое положение, он знает, что у него даже вместе с Рустикусом нет ни единого

шанса победить, попытайся они восстать против Мары. Даже если в этой схватке Мара не одержит победу, на пару бунтарей обрушится вся мощь клана Тремер.

Внешность. Вацлав – хорошо сложенный молодой человек, явно увлеченный книгами, с россыпью небольших оспин на лице. Он довольно привлекателен и хорошо одет (упыри снабжают его нарядами по последней моде), но без конца щурится, поскольку обладает слабым зрением. В последнее время он носит с собой меч, и его запястья окрепли от тренировок с оружием.

Подсказки для отыгрыша. Вацлава одолевает скука, да так, что он готов взбунтоваться. Он талантливый, образованный молодой вампир, который последние три года безвылазно провел в подвальной капелле. Здесь уже нет магических текстов, которые можно было бы изучить, поэтому вместо них он изучает местную историю и религиозные документы. При жизни Вацлав был счастлив и деятелен, но теперь, после Обращения, он медленно впадает в угрюмую депрессию. Он стал вечным студентом, навсегда застрявшим на том уровне, который занимал при Маре к моменту Обращения. Вацлав прямо-таки жаждет каких-нибудь – *любых* – перемен. Если кто-либо обратится к нему, предложив шанс вылезти из этого болота, Вацлав ухватится за эту возможность с радостью, а о последствиях будет думать потом.

Убежище. Вацлав обитает в том же подвале дома купцов из Балтии. Он спит в комнате, ведущей в апартаменты Мары.

Секреты. Вацлаву никакие секреты неизвестны, да и не нужны. Он не знает даже о Доме Тремер. Впрочем, он дает себе труд роскошно одеваться.

Влияние. Домашние слуги и Рустикус слушаются Вацлава, но лишь до тех пор, пока Мара не прикажет действовать иначе.

Судьба. Вацлав сумеет возмужать и превратиться в зрелого вампира, займет видную должность в аппарате Венской капеллы. Однако в 1873 году Совет Семи приговорит его к Окончательной Смерти, получив свидетельства его занятий инфернализмом на протяжении двух веков.

Клан: Тремер.
Сир: Мара.
Натура: Щеголь.
Маска: Бунтарь.
Поколение: 10.

Становление: 1189 год н.э.
Внешний возраст: около 25 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 2, Ловкость 4 (Быстрый), Выносливость 2.
Социальные: Харизма 1, Манипулирование 2, Внешность 2.
Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 2, Сообразительность 2.
Способности:
Таланты: Бдительность 2, Рукопашный бой 2, Уворот 2, Эмпатия 1, Лидерство 2.
Умения: Обращение с животными 1, Стрельба из лука 1, Этикет 2, Холодное оружие 2, Верховая езда 2, Скрытность 3, Выживание 1.
Знания: Академические знания 2, Расследование 1, Знание закона 1, Оккультизм 1, Политика 1, Ведение хозяйства 2.
Дисциплины: Прорицание 3, Доминирование 4, Тауматургия 4.
Пути Тауматургии: Путь Жизни 3.
Окружение: Союзники 2, Влияние 1, Ресурсы 2.
Добродетели: Совесть 4, Самоконтроль 3, Храбрость 5.
Путь: Человечность 5.
Сила Воли: 6.

Рустикус (Гаргулья)

Происхождение. Рустикус мало что помнит о своей жизни до обращения. В его памяти остались цветущие сады и карьера профессионального воина. Но после этого нет ничего вплоть до мига пробуждения в капелле Тремеров где-то в Венгрии. Рустикус верен своим хозяевам и рад служить им в Святой земле и везде, где потребуется.

Как и его постоянный спутник, Вацлав, Рустикус по сути заточен в стенах капеллы, обеспечивая ее безопасность и помогая в работе.

За три года, которые Рустикус провел в капелле, он как мог тайно укрепил ее настолько, насколько ему позволили имеющиеся ресурсы. За последние два с половиной года поддержание капеллы отнимало у него. В результате он стал подопытным для Вацлава, и тот отработал на нем все до единого ритуалы, связанные с гаргульями. Кроме того, он научился обрабатывать сад в ночной тьме,

играть в шахматы, основам чтения и письма на немецком языке; Вацлав даже стал учить его основам Тауматургии, взамен получая уроки фехтования и борьбы.

Во всем остальном Рустикус – милейшее создание, хотя и подозревает, что в предыдущей жизни он вовсе не был таким приятным существом. Это не делает его менее опасным при исполнении своих обязанностей; незваным гостям капеллы он, вероятнее всего, открутит головы, а тела спрячет в компостной куче. Последние «пополнения» его склада – несколько неудачливых воришек и прах одного вампира Равнос, слишком долго досаждавшего Маре.

Рустикус не особенно склонен к размышлениям. Он делает свое дело, питается, а когда не занят ни пищей, ни работой, совершенствует свои умения или спит. Прошлое не тревожит его, но иногда Рустикусу интересно, кем он был до того, как стал гаргульей. Его состояние точнее всего можно назвать бездумьем – он вполне доволен своим нынешним состоянием, никоим образом не желает вернуться к прежнему существованию и при случае отверг бы подобное предложение. Рустикус никогда не оставит своего поста ради информации о своем прошлом (оно не настолько для него важно), но будет благодарен всякому, кто расскажет ему хотя бы отчасти правдивую историю. Иногда он записывает истории о прошлом, от причудливо фантастических до описаний мирских странностей. Учитывая его спартанское существование, дневник – это и есть все нехитрое имущество Рустикуса.

Внешность. Рустикус – бывший Цимисх, превращенный в гаргулью. Он обладает крупным, камнеподобным телом и передвигается на двух ногах. Рустикус не массивен, он скорее состоит из плавных изгибов и острых гребней. Его шкура как будто покрыта причудливыми гравировками. Рустикус не походит на каменные изваяния, украшающие водостоки на каком-нибудь второсортном готическом соборе, в своем роде он – произведение искусства.

Подсказки для отыгрыша. Где-то в глубине души Рустикус понимает, что некогда был весьма недобрым созданием. Магия, сотворившая его настоящего, не дает зародиться в его голове самой мысли о недовольстве своей работой, но, исполняя свой долг, он предпочитает думать о том, что делает или что еще нужно сделать. Он любознателен, но не эрудирован. Рустикус звереет медленно, но в ярости он страшен. Он привязался к Вацлаву, и любой,

кто причинит его другу вред, заработает себе безжалостного врага.

Убежище. Рустикус обитает в капелле. Он спит все в том же подвале, между входом в капеллу и покоями Вацлава и Мары.

Секреты. Не так давно Мара сказала Рустикусу, что в ближайшее время ему предстоит тяжелая работа; кроме того, он многое знает о Мандалае.

Влияние. Вацлав весьма высокого мнения о Рустикусе, как и женщина, заправляющая в капелле кухней.

Судьба. Рустикус – одна из самых верных и выдающихся гаргулий, созданных в начале становления клана Тремер. Ему удалось уцелеть в битве, в которой погибла Мара и ее отряд. Рустикус будет уничтожен испанскими инквизиторами в 1561 году, защищая нескольких старейшин Тремеров, бежавших из страны.

Линия крови: Гаргулья, прежде был Цимисхом.
Сир: Неизвестен.
Натура: Щеголь.
Маска: Защитник.
Поколение: 10.
Становление: Год неизвестен.
Внешний возраст: Невозможно определить.
Атрибуты:

Физические: Сила 5 (Каменные кулаки), Ловкость 4 (Проворный летун), Выносливость 5 (Закаленный в боях).

Социальные: Харизма 3, Манипулирование 2, Внешность 1.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 3, Сообразительность 4 (Настороже)

Способности:

Таланты: Бдительность 4 (Засады), Рукопашный бой 3, Уворот 3, Эмпатия 1, Запугивание 4 (Неприкрытое насилие)

Умения: Ремесла 2, Этикет 1, Травничество 2, Холодное оружие 4 (Владение мечом), Скрытность 3, Выживание 2.

Знания: Академические знания 1, Народная мудрость 2, Расследование 2, Лингвистика 1, Оккультизм 1.

Дисциплины: Стойкость 2, Полет гаргулий 4, Могущество 3, Висцератика 4.

Окружение: Союзники 2.

Добродетели: Убежденность 5, Инстинкты 4, Храбрость 4.

Путь: Путь Зверя 6.

Сила Воли: 8.

Цимисхи

Древние Цимисхи кажутся в Иерусалиме чем-то неуместным. Похожий на призрака Мандалай недавно вернулся в город – но так ли это на самом деле? Алексус Симокатта собирает информацию для Дракона и Хранителя Веры, но те не объясняют ему своих целей. К счастью для Цимисхов, представители иных кланов об их присутствии почти не знают. И так оно безопаснее для всех заинтересованных лиц.

Мандалай

Происхождение. Мандалай пришел в Иерусалим с востока, из Персии, и впервые услышал о городе в мрачную эпоху царствования Навуходоносора. Подобно пустынному демону ночных ветров, он стал сопровождать и мучить тысячи беженцев, возвращавшихся в Иерусалим в 538 году, в правление Кира. Мандалай мало говорил и еще меньше показывался на глаза; кто-то называл его демоном, а другие – чудовищем. Мудрецы из числа раввинов говорили, что это существо носит в себе проклятие крови Каина, и те, кто был поумнее, предоставляли этого скрытного монстра его собственным делам. Он пожирал только самых слабых беглецов из Вавилона. Те немногие попытки обнаружить логово, где чудовище отсыпается днем, не принесли результата, но иногда ночью видели его фигуру, подобно тени, скользящую меж палаток или неподалеку от лагеря.

С паломниками Мандалай добрался до развалин Иерусалима, и больше они не видели его тощую темную фигуру, скользящую в сумерках. В дальних уголках руин нашли несколько тел, и вскоре люди стали избегать этих мест по ночам. Что касается изнуряющих болезней и случайных смертей, постигавших язычников, обосновавшихся в стенах разрушенного города? Что ж, тем лучше, если с тех пор они избегали самой тени города. Возможно, они гневались на то, что их не допускали к религиозным обрядам, и по этой самой причине они пытались закидать возвратившихся иерусалимцев камнями. В любом случае, эта попытка не принесла плодов.

Вот и вся история Мандалая. С тех пор, как стены города были восстановлены, он превратился в тень среди прочих теней, в легенду для тех, кто сам стал легендой. Его, возможно, старейшего из каинитов Иерусалима, прочие ночные охотники считают мифом, но мифом опасным. Дважды другие потомки Каина пытались охотиться за кровью самого Мандалая. Первый раз это была карфагенянка из клана Бруха, отчаянно жаждущая власти, желающая помочь родному городу в его сражении с Римом. Она выслеживала Мандалая три ночи, после которых ее больше не видели. Почти три века спустя, вскоре после зарождения Римской империи столичный Ласомбра пришел с армией Тита, чтобы забрать кровь Мандалая себе. Но добыча в образе огромного, дикого монстра набросилась на охотника и его спутников сама, когда те пробирались сквозь оставшиеся после сражений руины Иерусалима. В драке, свидетелями которой стали несколько других каинитов, чудовище разорвало вампира Ласомбра на куски, развеяло останки по всем ветрам и исчезло.

Кое-кто поговаривает, что Мандалай – не такая уж тайна, какой кажется. Существуют записи эпохи Вавилонского царства, где сказано о Мандалае: якобы он имеет третий глаз и вообще является потомком и учеником Савлота. Однако большинство вампиров, взявших на себя труд как следует изучить историю, считают, что Мандалая на самом деле зовут Керес, и он принадлежит к пятому поколению клана Цимисхов. Несколько упырей утверждают, что видели его фигуру цвета пустынного песка, в сумерках стоящую на городской стене, лицом к лицу к песчаной буре. Другие говорят, что он вместе с Носферату Котаром бродил среди прокаженных в Енномской долине. Подтверждения этим слухам нет, и ныне Мандалай – одна из самых ужасающих загадок Иерусалима.

Внешность. Мандалай имеет тощее, покрытое пылью туловище, либо искаженное с помощью Изменчивости, либо истертое временем до состояния бесполой, иссушенной мумии. Его движения необычно ловкие и грациозные, он не ходит подобно смертным, а будто бы молниеносно перемещается из одного места в другое. Мандалай обычно одет в грязную джеллабу[97], но иногда его видели и нагим. По слухам, Мандалай действительно имеет третий глаз, однако тщательно его прячет. Его голос напоминает шелест песка по отполированной кости.

[97] Джеллаба – длинный балахон с остроконечным капюшоном; традиционное одеяние берберов и других народностей Северной Африки.

Подсказки для отыгрыша. Мандалай – древнее, таинственное, хищное и терпеливое создание. Его не-жизнь тянется уже очень долго, и он узнал множество интересных вещей. Он не собирается расставаться с ней в обозримом будущем. Тем не менее, Мандалай временами нуждается в новой информации. Иногда он ищет и исследует состояние останков известных личностей – тех, кто был похоронен в подходящих местах. Иногда его интересует смерть и сам процесс умирания. Периодически он обращается к тем каинитам, кого не считает себе угрозой, нанимая их для помощи в исследованиях.

Убежище. Мандалай днем спит в земле одного из городских кладбищ, а ночами рыскает меж могил. Постоянного убежища у него нет, хотя известно, что он обладает доступом к деньгам и прочим удобствам. Следовательно, у Мандалая имеются «кубышки» с ценностями, спрятанные где-то в городе.

Секреты. Мандалай существует обособленно от остальных каинитов города. Ему известно о миссии Алексуса и местонахождении логова Канис, равно как и об убежищах многих других вампиров, однако он практически слеп в отношении политических интриг в городе. У него сложилось понимание того, что Мара прибыла в город ради охоты на него, но никаких ее приготовлений Мандалай не заметил.

Влияние. Мандалай не обладает какой-либо реальной властью в городе в целом, однако практически беспредельно властвует на кладбищах; кроме того, есть свидетели его способности разрывать даже тертых не-жизнью каинитов на части.

Судьба. Мандалай пропадает из виду и вновь появляется на протяжении веков. В период Реформации его видели в Польше и Германии, а в правление Наполеона II он появлялся в Мексике. Мотивы его действий остаются неопределенными, а его истинные цели – загадкой. Считается, что именно Мандалай стал причиной гибели одиннадцати вампиров клана Джованни, пытавшихся его скрутить на основании его предполагаемого родства с Каппадокиусом.

Клан: Цимисхи.
Сир: Неизвестен.
Натура: Одиночка.
Маска: Варвар.
Поколение: 5 (по самым точным предположениям).
Становление: Год неизвестен.

Внешний возраст: Неправдоподобно древний.

Атрибуты:

Физические: Сила 5 (Яростный), Ловкость 4 (Грациозный), Выносливость 6 (Не знающий усталости).

Социальные: Харизма 2, Манипулирование 4 (Убедительный), Внешность 0.

Ментальные: Восприятие 5 (Острое зрение), Интеллект 5 (Информированный), Сообразительность 4 (Коварный).

Способности:

Таланты: Актерское мастерство 2, Бдительность 5 (Шестое чувство), Атлетика 4 (Прыжок), Рукопашный бой 4 (Разрывание), Уворот 3, Эмпатия 2, Запугивание 5 (Плохая репутация), Хитрость 4 (Проницательный).

Умения: Обращение с животными 2, Холодное оружие 4 (Посох), Верховая езда 1, Скрытность 5 (Подкрадывание), Выживание 4 (Бесплодные земли)

Знания: Расследование 3, Лингвистика 4 (Просторечие), Оккультизм 4 (Древняя мудрость).

Дисциплины: Прорицание 4, Стремительность 6, Стойкость 5, Смерть 2, Могущество 5, Валерен 5, Изменчивость 6.

Добродетели: Убежденность 5, Инстинкты 4, Храбрость 5.

Путь: Путь Костей 8.

Сила Воли: 10.

Алексус Симокатта

Происхождение. Алексус Симокатта был молодым талантливым византийским ученым и жил во времена правления Василия II Болгаробойцы[98]. Несмотря на то, что его семья утратила немалую долю влияния в ходе противостояния с иконоборцами[99], сам Алексус был весьма образованным человеком, талантливым художником и архитектором. Его рисунки пользовались популярностью как эскизы для витражей, за его проектами часовен и вилл гонялись богатые и знаменитые клиенты, а менее известные

[98] Василий II Болгаробойца (958 – 1025) – византийский император из Македонской династии. Свое прозвище заслужил ожесточенной войной с болгарами, продолжавшейся с 981 по 1018 годы и окончившейся присоединением болгарских земель вплоть до Дуная к Византийской империи. В обмен на обет киевского князя принять христианство выдал за него свою сестру Анну.

[99] Иконоборчество – религиозно-политическое движение в Византии в VIII — начале IX вв., направленное против почитания икон. Ссылаясь на ветхозаветные заповеди, иконоборцы считали священные изображения идолами, а почитание икон – идолопоклонством.

архитекторы подражали его работам. При этом сам он был человеком глубоко верующим, отказавшимся стать священнослужителем лишь потому, что чувствовал: его таланты лежат в иных сферах.

В возрасте тридцати одного года Симокатта достиг высшей точки своего творчества; тогда же он обвенчался с дочерью одного из лучших военачальников империи. В один из дней Алексус надзирал за реконструкцией храмового нефа; один из каменных блоков соскользнул с креплений и ударил его в лицо. Леса, на которых стоял архитектор, сложились как карточный домик, и он упал с десятиметровой высоты на каменный пол храма. Его уложили на церковную скамью, как на носилки, и поспешили доставить к лекарю, однако даже самому юному из каменщиков было ясно, что надежды не осталось.

После мрачной поминальной церемонии Алексус был погребен, однако в какой-то момент между временем, когда он покинул свой дом тем роковым утром, и моментом, когда он испустил последний вздох, была произведена подмена. Как долго эта подмена планировалась и сколько для нее было сделано – это известно только загадочному византийскому Цимисху по прозвищу Хранитель Веры. Как бы то ни было, тело, лежащее в могиле Алексуса Симокатты, при жизни уж точно принадлежало не ему.

Алексус пробудился с заходом солнца, чувствуя дикий голод. Ему что-то дали выпить, и он проглотил питье, но был ли у него выбор? Когда Симокатта насытился, мягкий, обволакивающий голос Хранителя поведал ему об обстоятельствах его смерти. В свое время Алексус научился работать в Библиотеке Забытых Знаний. Однако вскоре стало ясно, что в роли библиотекаря молодой вампир разбазаривает свой потенциал, и в подземных скрипториях хранилища он никогда не почувствует себя как дома. В итоге он прошел повторное обучение и отправился на юг, в Иерусалим. Там ему предстояло стать глазами Хранителя Веры, а через него – информатором таинственного каинита по имени Дракон.

У Алексуса имеется несколько способов связи с Хранителем Веры, от самых обыкновенных сообщений, передаваемых с капитанами морских судов, до экзотичных методов, вроде странствующих голубей-упырей, чья быстрота и выносливость увеличены с помощью Изменчивости. Каждое сообщение пересылается в несколько копий различными маршрутами, так что перехват или утрата одного или даже двух посланий не оставит Хранителя или Дракона в

неведении относительно какого-нибудь важного поворота событий.

Внешность. Алексус – светлолицый молодой человек, сумевший практически полностью вернуть себе былой цвет лица. При жизни Симокатта был не только проектировщиком, но и рабочим, и поэтому обладает хорошо развитой мускулатурой. Он ходит, слегка прихрамывая, и те, кто видел его без рубашки, отмечали, что спина Алексуса слегка искривлена. Он имеет небольшое брюшко, но толстым его назвать нельзя. Одевается он неприметно, а руки обычно покрыты пятнами чернил и красок; Обращение, возможно, и притупило его талант, но время от времени он все еще творит.

Подсказки для отыгрыша. При жизни этот благородный и образованный человек мастерски владел несколькими ремеслами, был женат на дочери искусного военачальника, а в посмертии стал агентом одного из наиболее могущественных индивидуумов в истории. Алексус – приятный в общении вампир, но Дракон и Хранитель Веры послали его в Иерусалим не для того, чтобы им помыкали другие. До тех пор, пока к нему относятся с должным уважением, Симокатта дружелюбен (это не означает, что он выполнит любую просьбу собеседника, но даже отказ он выразит вежливой фразой). Те же, кто не знает, как себя вести в приличном обществе, не заслуживают его внимания.

Убежище. Алексус провел в Иерусалиме последние шестьдесят лет, на время эпидемий чумы и неминуемого разграбления города уезжая оттуда в близлежащие окрестности. Он знает большинство каинитов города, в том числе Тремеров. В числе его знакомых Канис, отношения с которой напоминают любовь-ненависть, и Варшик, в чьих пространных россказнях столько же чепухи, сколько и существенных деталей. Алексус имеет несколько укрытий в различных уголках города. Он предпочитает амбары, склады, старые колодцы и прочие места, где его вряд ли кто-нибудь найдет.

Секреты. Симокатта не занимается раскапыванием тайн других городских вампиров нарочно, пока это не становится необходимым для выполнения его работы. Да, он является глазами Дракона; для этой работы требуется не просто шпион, а весьма искусный шпион. Однако сам Дракон, надо сказать, гораздо больше озабочен мирскими делами, чем проблемами сообщества каинитов. Михаил и его Мечта – весьма могущественные вещи и вполне способны противостоять разрушительным действиям других вампиров.

Дракон узнает о близящихся угрозах по изменениям мира вне сферы влияния Византии. Алексус Симокатта практически ничего не знает о тайнах прочих каинитов, обитающих в Иерусалиме. Но его хлеб – это как раз секреты обычного, мирского города. В Иерусалиме, да и в Святой земле вообще ничто не проходит мимо ушей Симокатты. Алексус полагается на весьма обширную сеть осведомителей и шпионов-упырей, внешность которых он изменяет сообразно заданиям, которые те получают.

Влияние. Симокатта обладает огромной властью в Иерусалиме и других городах региона. У него обширные связи в деловой, политической и военной сферах. Он тщательно избегает вовлечения в духовные дела, хотя тех священнослужителей, кто уже давно ступает по греховной стезе, он охотно использует в своей шпионской сети. Влияние Алексуса, однако, никак не проявляется, поскольку он – слуга более могущественных сил. И потому его мощь пока что дремлет.

Это не означает, однако, что Алексус не пользуется еженощно и весьма активно шантажом, подкупом и запугиванием. В конце концов, это основные инструменты шпионажа. Они нужны, чтобы поддержать созданную им организацию, но не направлены на достижение какой-либо цели. Шпионы Алексуса существуют для того, чтобы собирать информацию, но не пользоваться ею. Они, разумеется, *могут* что-то делать, но основной задачей организации эти действия не являются.

Судьба. Алексус Симокатта продолжит свое служение Дракону вплоть до 1481 года, когда он будет уничтожен неизвестным убийцей-Ассамитом. После его гибели его шпионская организация распадется.

Клан: Цимисхи.
Сир: Хранитель Веры.
Натура: Мастер Выживания.
Маска: Щеголь.
Поколение: 6.
Становление: 1018 год н.э.
Внешний возраст: 30-35 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 2, Ловкость 2, Выносливость 2.

Социальные: Харизма 2, Манипулирование 4 (Льстивый). Внешность 2.

Ментальные: Восприятие 4 (Прозорливый), Интеллект 3, Сообразительность 2.

Способности:

Таланты: Актерское мастерство 3, бдительность 2, Рукопашный бой 2, Уворот 2, Эмпатия 2, Запугивание 3, Воровство 1, Лидерство 2, Хитрость 2.

Умения: Ремесла 4 (Архитектура), Этикет 3, Холодное оружие 2, Скрытность 2, Выживание 2.

Знания: Академические знания 3, Расследование 2, Знание закона 1.

Дисциплины: Анимализм 4. Прорицание 4, Могущество 2, Изменчивость 5.

Окружение: Союзники 2, Контакты 2, Влияние 3, Наставник 5, Ресурсы 3.

Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 4, Храбрость 4.

Путь: Путь Небес 7.

Сила Воли: 8.

Вентру

В описываемый период времени вампиры клана Вентру выжидают и накапливают ресурсы. Они ждут следующего масштабного крестового похода и намереваются извлечь из этого пользу. Они знают, что их недруги пока что удерживают лидирующие позиции в городе, и потому избегают открытого противостояния.

Луций Требий Руфус

Происхождение. Луций Требий Руфус происходит из малозначительной аристократической семьи, жившей на юге Италии. По своей натуре он предпочитал действовать, а не вести спокойную жизнь, и его родственники в 57 году н.э. нашли для него пост мелкого военачальника на ливийской границе. Это назначение давало немного шансов прославиться, зато обеспечивало бесконечные стычки с бунтарями – то с кочевниками, не желающими признавать власть Рима, то с различными независимыми бандитами. В промежутках между сражениями Луций постепенно заинтересовался догматами христианства, проповедуемыми кое-кем из путешественников, хотя его собственная вера была скорее созерцательной, нежели идущей от сердца.

Сделав безупречную карьеру в армии, Луций был переведен на административную должность и вернулся к своей семье, в поместье под Геркуланумом. Однако пожить в

покое ему не удалось: два года спустя началось извержение Везувия. В разразившемся хаосе хладнокровные, размеренные действия Луция помогли спасти множество жизней, в том числе его собственную семью, слуг, а заодно – домочадцев соседней виллы, хозяином которой оказался вампир из клана Вентру. В последующие недели Луций и его новый знакомый много беседовали о долге, самопожертвовании, отваге и цели, и вскоре каинит предложил стареющему римлянину принять Становление.

Постепенно род Требиев угас, и во II веке нашей эры Луций отправился на север, чтобы приобрести новое поместье и обосноваться в нем. На протяжении веков его семейство переживало взлеты и падения. Нестабильная обстановка внутри Римской империи и вопросы собственной веры заставили Луция Требия искать для себя новые жизненные принципы, и он обратился к идеям христианства, так заинтересовавшим его еще в юности. После Обращения им своего первого потомка, набожного юноши по имени Лефрой, он предпочел последовать вере во Христа и перейти под сень Церкви, чтобы сделать свою благородную, рыцарственную натуру целостной. Среди своего клана он так и не приобрел особого влияния, однако, услышав папский призыв к Первому крестовому походу, с радостью лично присоединился к крестоносцам, назвавшись французом, графом Реми Прованским. Отправившись воевать во имя и во славу Господа, Луций надеялся обрести новую цель там, где его впервые посетило вдохновение.

Реальность же оказалось гораздо более сложной и неоднозначной. Луций был рад возвращению в Иерусалим, но оказалось, что прислушиваться к зову души, находясь в центре бесконечных политических интриг, весьма сложно. Единственным положительным моментом оказалось то, что хватка Ласомбра в городе слегка ослабла благодаря передаче Храма Гроба Господня греческим православным, в чем Луций сыграл не последнюю роль. Теперь он терпеливо выжидает, пока христианское сообщество разрастется и укрепится, а влияние Палиуро рассыплется, как карточный домик, одновременно с его Окончательной смертью от собственных рук. Когда это произойдет, Луций надеется изгнать из города всех иноверцев и прочих недостойных каинитов и поместить Святой Город под покровительство мудрости и справедливости.

Прочие каиниты Иерусалима в значительной степени недооценивают Луция, видя в нем лишь отголосок мощи войск крестоносцев, который лишились

согласованности из-за интриг смертных полководцев и были сметены армиями Салах-ад-дина. Вмешательство Магдалены в дела и без того слабых итальянских Ласомбра позволяет Луцию собираться с силами и сосредоточивать свои усилия на более молодых и слабых каинитах. Он также ищет способа подорвать влияние Варшика и разделаться с убийцами, которые, без сомнения, уже внедрились в его охрану; наконец, он поручил своему дитя Лефрою усилить противоречия между Бонифацием и Азифом. Смерть Салах-ад-Дина открывает перед ним новые возможности, за которые Луций, конечно же, ухватится – но, ввиду своего благородства, лишь после того, как истечет срок мирного договора между христианами и мусульманами.

Внешность. «Руфус» в переводе с латыни означает «рыжий»; и свой когномен[100] Луций получил благодаря своей огненно-рыжей шевелюре. Его глаза бледно-голубого цвета, а кожа и при жизни была светлой, с редкой россыпью веснушек. Луций одевается в одежды наилучшего качества; он предпочитает современный стиль, украшенный традиционными римскими деталями, напоминающими ему о его юности.

Подсказки для отыгрыша. Луций нашел свое призвание, и оно заключается в защите и очищении Святого Города. Он охотно помогает всем верующим и даже язычникам, ведущим праведный образ жизни, но честные договоры с недобрыми людьми для него невозможны. Он бесцельно потратил пять веков своей не-жизни и еще столько же провел в ожидании. Теперь для Луция пришло время действовать, чтобы обеспечить себе будущее, где бал будут править вера и честь.

Убежище. Луций владеет в Иерусалиме особняком с видом на Храм.

Секреты. У Луция имеются друзья в воинствующих монашеских орденах, как среди немногих выживших госпитальеров, так и в рядах тамплиеров. Он не занимает никаких высоких постов; однако его связи, умело налаживаемые в течение нескольких поколений, превратились в небольшую, но эффективно работающую сеть упырей, охватывающую командование французской и итальянской армий.

Влияние. С помощью своих упырей Луций имеет значительное влияние на решения, принимаемые

[100] Классическое полное мужское имя в Римской империи состояло из трёх компонентов: личного имени, или *преномена*, родового имени, или *номена*, и индивидуального прозвища или наименования ветви рода, *когномена*.

французами во всех королевствах крестоносцев. Он редко вмешивается в политические дела, однако его упыри сурово наказывают всех, кто проявляет трусость или безбожие или дезертирует.

Судьба. Дитя Луция, Вицелин, одним из первых в Иерусалиме примкнет к восстанию вампиров Шабаша. Луций и его первый потомок, Лефрой, будут уничтожены с помощью актов диаблери.

Клан: Вентру.
Сир: Гай Кассий.
Натура: Фанатик.
Маска: Тиран.
Поколение: 10.
Становление: 79 год н.э.
Внешний возраст: около 45 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 4 (Сухощавый), Ловкость 5 (Стремительный), Выносливость 5 (Крепкий)

Социальные: Харизма 2, Манипулирование 3, Внешность 3.

Ментальные: Восприятие 4 (Острый взор), Интеллект 3, Сообразительность 4 (Непоколебимый)

Способности:

Таланты: Актерское мастерство 3, Бдительность 4 (Раздражительный), Атлетика 3, Рукопашный бой 3, Уворот 3, Эмпатия 2, Запугивание 4 (Политика), Лидерство 3, Хитрость 2.

Умения: Обращение с животными 2, Стрельба из лука 2, Ремесла 1, Этикет 3. Холодное оружие 4 (Меч), Верховая езда 4 (Сражение верхом), Скрытность 2, Выживание 3.

Знания: Академические знания 3, Расследование 2, Знание закона 2, Оккультизм 1, Политика 2.

Дисциплины: Прорицание 4, Стремительность 4, Доминирование 7, Стойкость 5, Могущество 5, Присутствие 6.

Окружение: Союзники 2, Контакты 3. Влияние 3, Ресурсы 3. Статус 1.

Добродетели: Совесть 5, Самоконтроль 3, Храбрость 4.

Путь: Путь Небес 7.
Сила Воли: 8.

Лефрой Прованский

Происхождение. Лефрой привлек к себе внимание Луция в правление короля Сигиберта[101], через пару веков после того, как Луций перебрался из Италии на север. У Лефроя было сходное с его будущим сиром понимание благородства и чувства долга, а кроме того, юноша обладал непоколебимой религиозной убежденностью, заинтересовавшей Луция. После долгих размышлений Луций Обратил Лефроя, получив ученика, которого можно было бы наставлять не одно поколение. Впоследствии Луций осознал, что Лефрой стал для него как бы экраном, отражавшим вопросы веры, появлявшиеся у его сира. Лефрой никогда открыто не противоречил сиру, а скорее направлял его по пути твердой веры. Именно Лефрой от имени своего сира наладил связи с другими вампирами клана и вовлек Луция в приготовления к крестовому походу.

Лефрой посвящает свое время подготовке к битвам, которые, несомненно, еще будут – ведь Господь не допустит, чтобы Иерусалим вечно оставался в руках иноверцев. Как-то, когда Лефрой сопровождал караван с припасами для армии по пути из Иерусалима в Акру, ему было видение о новом крестовом походе, который пройдет в регион с юга, через Египет, и увенчается взятием Иерусалима. При поддержке своего сира молодой Вентру начал плести интриги против Азифа и других каинитов-мусульман; Этерия поведала ему о том, что Каппадокиец Адам обязан вампирам Бруха своей защитой, и Лефрой собирается припомнить тому его должок, когда придет время действовать взвешенно.

Внешность. Лефрой – мужчина среднего роста и необычайно крепкого сложения, с длинными, неровно подрезанными светлыми волосами и голубыми, как и у его сира, глазами. Он не заботится об изящности своего наряда, в вопросах разъяснения окружающим своего статуса больше полагаясь на начальственную ауру, чем на богато украшенные тряпки.

Подсказки для отыгрыша. Лефроя никогда не посещали сомнения, мучившие его сира. Он до глубины души уверен в том, что служит святейшему делу, и его поступки угодны Богу. Когда наступит Судный День, добро, принесенное Лефроем, перевесит любое совершенное им зло.

---

[101] Вероятно, имеется в виду король франков Сигиберт I (535 – 575) из династии Меровингов. По разделу Франкского королевства Сигиберту досталась северо-восточную его часть, с позже присоединенными к ней областями современной центральной и южной Франции, в том числе часть Прованса с городами Марсель, Авиньон и Изес. На этих территориях жили римские семейства, посвящавшие себя праву и литературе.

Те, кто не разделяет его убежденности, в худшем случае – враги, которых следует немедленно уничтожить, а в лучшем – инструменты, которыми нужно воспользоваться и затем выбросить за ненадобностью. Лефрой не считает себя связанным какими-либо обязательствами перед теми, кто отвергает истину, однако здравый смысл подсказывает ему, что такие субъекты иногда могут принести пользу на пути к победе.

Убежище. Лефрой обитает в особняке Луция.

Секреты. Сопровождая караваны, Лефрой слышит многое из того, о чем бездумно болтают путники. Он отлично разбирается во внутренних конфликтах меж группировками крестоносцев и имеет некоторое представление о том, кто одобряет сотрудничество с мусульманами – таких он немедля заносит на первые места в списке своих врагов.

Влияние. Лефрой, несмотря на то, что так и не присоединился ни к одному из воинствующих орденов, пользуется уважением и среди госпитальеров, и среди тамплиеров, поскольку не раз демонстрировал свою доблесть. Он дополняет сеть упырей своего сира скромной системой собственных связей. Так, он обладает значительным влиянием в сфере погрузки и разгрузки судов в портах: по одному его слову один груз может «затеряться» или «опоздать с прибытием», а другой будет доставлен намного раньше, чем его ожидают.

Судьба. Как и его сир Луций, Лефрой погибнет в самом начале восстания шабашитов: Вицелин совершит над ним диаблери.

Клан: Вентру.
Сир: Луций Требий Руфус.
Натура: Фанатик.
Маска: Судья.
Поколение: 11.
Становление: 570 год н.э.
Внешний возраст: 25-30 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 3, Ловкость 2, Выносливость 3.

Социальные: Харизма 4 (Вдохновляющий), Манипулирование 3, Внешность 2.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 4 (Проницательный ум), Сообразительность 3.

Способности:

Таланты: Актерское мастерство 2, Бдительность 2. Рукопашный бой 1, Уворот 2, Эмпатия 2, Запугивание 3, Хитрость 2.

Умения: Обращение с животными 2. Стрельба из лука 1, Ремесла 1, Этикет 3, Холодное оружие 2, Верховая езда 2, Скрытность 2, Выживание 2.

Знания: Академические знания 4 (Теология), Расследование 2, Знание закона 1, Оккультизм 1, Политика 2, Искусство управления 2.

Дисциплины: Доминирование 4, Стойкость 4, Могущество 3, Присутствие 3.

Окружение: Союзники 2. Контакты 2, Влияние 2, Ресурсы 2.

Добродетели: Совесть 3, Самоконтроль 4, Храбрость 4.

Путь: Путь Небес 6.

Сила Воли: 8.

Вицелин из Марселя

Происхождение. Луций обратил внимание на Вицелина в конце XI века, когда укреплял свое влияние среди французских Вентру. Он принял решение Обратить его сам, к некоторому неудовольствию Лефроя; чтобы сгладить обиду потомка, Луций пообещал ему в скором времени разрешить создание собственного дитя.

Вицелин – ярый сторонник идеи крестовых походов и с энтузиазмом поддерживает любые усилия, направленные на искоренение всяческих ересей, а заодно и путаницы в религиозных догматах. Его страстная приверженность вере во Христа весьма удачно сошлась с растущим религиозным пылом самого Луция, можно сказать, что родственные души нашли друг друга. Вицелин быстро сообразил, что способности каинита могут быть весьма полезны поборнику ортодоксальной веры.

Однако ни Луций, ни брат Вицелина по крови не подозревают полнейшей аморальности младшего Вентру. Еще ребенком он временами проявлял крайнюю жестокость, а когда вырос, стал искать место в обществе, где он мог бы удовлетворять эту свою наклонность и при этом пользоваться максимально возможной защитой – и остановил свой выбор на Церкви. Когда же Вицелин начал догадываться о существовании вампиров, он задался целью привлечь их внимание. Придет время. И он обратится против своих собратьев по клану, а пока что он зарабатывает себе

достойное положение в сообществе каинитов и ждет возможностей, которые оно ему принесет.

Внешность. Вицелин внешне похож на благородного рыцаря из героических сказаний: воин с массивной челюстью и суровым взглядом, одетый в броню со следами множества битв, в которых он побывал; образ портит лишь лысина, напоминающая монашескую тонзуру. Его речь спокойная и размеренная, если, конечно, он не сражается или не поглощает кровь беспомощной жертвы. В отличие от своего сира, Вицелин обожает преимущества власти и любит доводить до сведения подчиненных свою значимость.

Подсказки для отыгрыша. Снаружи Вицелин – идеальный поборник веры, осеняющий всех вокруг своим праведным фанатизмом. От него не ускользают ни нечестивые слова, ни нечестивые деяния. Однако лишь тщательно выбираемые им жертвы узнают, что скрывается за этим блестящим фасадом. Все это – иллюзия, роль, которую Вицелин избрал ради возможностей, которые она сулит. Он с трудом может сдержать себя до момента телесного наказания очередного грешника, и тогда тот обнаружит, что мучителю не слишком-то и нужно его раскаяние. А после Вицелин избавляется от тел любым удобным способом.

Убежище. Вицелину принадлежит простой дом поблизости от особняка Луция.

Секреты. Вицелин мало что знает о тайнах, витающих вокруг него; его сила кроется в умении точно угадывать, из-за этого кажется, что ему известно больше, чем на самом деле. Когда ему требуется долгосрочный рычаг влияния на кого-либо, он запугивает слуг своей жертвы, чтобы получить нужную информацию, но делает он это бессистемно.

Влияние. Многие набожные крестоносцы видят в Вицелине пример для себя и всех остальных воинов. Лишь немногие, оказавшись рядом с ним, чувствуют себя не в своей тарелке, мельком уловив его истинную натуру. Среди вампиров Вентру уважение к нему также растет: его ценят как хорошего организатора, умеющего точно подметить слабости главных противников.

Судьба. Вицелин будет поверхностно заниматься делами политики и Церкви на протяжении нескольких столетий; повстречав в одном из путешествий на запад Нарсеса, он некоторое время провел под защитой Престола Нод. Создание Шабаша даст, наконец, Вицелину шанс, которого он так ждал. Он совершит диаблери над своим сиром и братом по крови, а затем ввяжется в запутанную

политику Шабаша. К несчастью, он обнаружит, что не может сравниться в искусстве каверз с некоторыми другими вампирами, и около 1700 года он погибнет, став пищей для более изощренных интриганов.

Клан: Вентру.
Сир: Луций Требий Руфус.
Натура: Чудовище.
Маска: Судья.
Поколение: 11.
Становление: 1092 год н.э.
Внешний возраст: около 25 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 4 (Широкая грудь), ловкость 3, Выносливость 3.
Социальные: Харизма 3, Манипулирование 2, Внешность 3.
Ментальные: Восприятие 2, Интеллект 2, Сообразительность 3.
Способности:
Таланты: Актерское мастерство 3, Бдительность 3, Атлетика 2, Рукопашный бой 2, Уворот 2, Запугивание 3, Воровство 1, Хитрость 2.
Умения: Обращение с животными 2, Стрельба из лука 2. Ремесла 1, Этикет 1, Холодное оружие 4 (Молот), Верховая езда 2, Скрытность 3, Выживание 2.
Знания: Академические знания 2, Расследование 2, Знание закона 1, Политика 2.
Дисциплины: Доминирование 4, Стойкость 3, Присутствие 3.
Окружение: Союзники 2, Контакты 1, Влияние 1, Наставник 3, Ресурсы 2, Статус 1.
Добродетели: Убежденность 3, Инстинкты 4, Храбрость 4.
Путь: Путь Зверя 8.
Сила Воли: 8.

Глава V.
Созидание «у древних плит, сквозь плотный мрак». Повествование в Иерусалиме

Главная притягательность мира средневековой Тьмы заключается в способности персонажей ковать собственное будущее. До формирования современной атмосферы Маскарада еще должны пройти целые века. Мир в 1197 году изобилует идеями и верованиями, разительно отличающимися от охваченных отчаянием ночей Мира Тьмы. О рассказчик, перед тобой огромный, девственно чистый холст, который только и ждет кисти, чтобы впитать темные краски твоей хроники…

Надо сказать, зачастую рассказчики, особенно те, кто уже набил руку в своем деле, не обращают внимания на разделы, озаглавленные «Повествование». Хороший рассказчик сумеет сплести захватывающее полотно игры даже из сюжета, атмосферы и тем, актуальных целых восемь столетий назад. Изобретательность, здравый смысл и, главное, забота об удовольствии игроков – вот прямой путь к созданию запоминающейся хроники.

Тем не менее, свежий взгляд никогда не бывает лишним, особенно когда речь идет об исторической книге – источнике информации. Иерусалим эпохи Темных Веков предлагает массу возможных сюжетных ходов для вашей хроники, но не все они очевидны и заметны. Именно поэтому данный раздел попытается высветить некоторые из таких ходов для использования рассказчиками, чтобы те располагали обширным выбором инструментов для придания хронике по Иерусалиму качества и правдоподобия.

Добро пожаловать в XII век

Тот Ближний Восток, который мы каждый вечер видим на экранах телевизоров в новостях, совершенно не похож на регион XII столетия. Иные противники, иные союзники и совершенно другие причины стычек, да и сам темп жизни Иерусалима в Темные Века потребует от игроков и рассказчиков некоторых усилий, чтобы понимать обстановку и действовать в Святой Земле.

Время и пространство ведут себя совершенно по-другому, не так, как нам привычно. Термин «Долгая Ночь» перестает быть неверно употребляемым словом; персонажи, рассчитывающие на поступление информации, подкреплений или просто груза с оружием могут очень и очень долго ждать таких элементарных вещей. Для приспособленцев всех

мастей обычным делом становится задержать передачу посылки за городские стены или, наоборот, внутрь, долгое время собирая крупную партию по частям. Срочные сообщения оказываются перехвачены, а иногда и подправлены ровно настолько, чтобы непоправимо разрушить планы получателя. Даже обманный тактический ход, призванный выманить врага из города, чтобы тот встретил рассвет вне укрытия, может обернуться против самого хитреца, если солнце взойдет позже обычного.

Сама обстановка в Иерусалиме и его окрестностях также оказывает влияние на действия персонажей. Например, одна лишь доставка сообщения союзнику на другой конец города сама по себе может стать рискованным приключением. Иерусалим разделен на несколько кварталов, в каждом из которых доминирует одна из крупнейших религиозных группировок. В каждом своя стража, границы, входы и выходы; обитатели любого из них способны весьма быстро вычислить чужака, а чужакам никто не доверяет, и на это имеются веские основания. Чтобы добраться до адресата, курьер с посланием часто вынужден пересечь минимум два из таких обособленных кварталов, а то и пройтись по всем по очереди – а затем проделать еще и обратный путь. Не то чтобы «срезать» дорогу негде; древняя архитектура Иерусалима изобилует тайными проходами, тупиками и дверями, открывающимися в самые неожиданные места – например, в чью-нибудь спальню. Единственный надежный маршрут – открытый и незащищенный. А если посланник на своем пути бросит один лишь взгляд не туда, он может вообще не добраться до пункта назначения.

Сплетаем гобелен

Атмосфера

В Иерусалиме эмоции всегда бьют через край. На протяжении десятков лет кровавая череда крестовых походов оставляла отметины в разумах местного населения. Недоверие к соседям, балансирующее на грани паранойи, смешивается с лицемерным фанатизмом, а в результате обстановка в городе напряжена настолько, что воздух можно резать ножом. Но это относится к сообществу смертных. Что же до каинитов, они сражаются с собственными демонами, и ярость этих схваток люди просто не способны постичь. Иерусалим времен Темных веков порождает бесчисленное количество оттенков настроения, любое количество которых вы можете задействовать в своей хронике.

Отчуждение

Для европейского христианского мира Иерусалим, в буквальном смысле, расположен на краю света. Город находится в самой глубине халифата арабов, и живущие в нем члены небольшой общины христиан для «освободителей», пришедших из Европы, остаются чужаками. До Византийской империи, ближайшего союзника крестоносцев, сотни миль пути, да и сам союз ее правителей с западными королевствами оставляет желать лучшего. Итак, помощи здесь ждать долго, друзей найти нелегко, и дезориентация становится ближайшим спутником гостя.

Подобное ощущение потерянности не покидает и каинитов, прибывших в Иерусалим под знаменами крестоносцев. В этом случае пришлый персонаж не имеет прочных связей среди собратьев по клану, равно как и упырей или сторонников. Местные же каиниты, даже одного с гостем клана, больше заботятся о собственных интригах и проблемах, которые зачастую совершенно отличны от забот персонажа.

Амбиции

Амбиции гуляют по всему региону яростными волнами. Церковь и государство в эпоху Темных веков неотделимы друг от друга, и крестовые походы становятся отличным оправданием тому, что мирское влияние разрастается из-под сени святых хоругвей. Распробовав вкус победы в Первом крестовом походе, европейская знать жаждет приумножить собственные богатства и владения, захватывая земли в регионе и облагая данью местное население. Объекты вроде «государств крестоносцев», такие, как княжество Антиохии или графство Триполи, а также небольшие крепости вроде замка Крак де Шевалье (захваченного мусульманами в 1187 году, затем отбитого и, наконец, окончательно завоеванного в 1271 году)[102].

Атмосфера праведности, окружающая армию крестоносцев, не мешает отдельным ее воинам поддаваться мирским искушениям. Папа Римский – не только духовный, но и светский правитель, и тот из военачальников, кто сумеет покорить язычников, наверняка заслужит вечную благодарность Его Святейшества. Кроме того, крестоносцам отлично известно, что от православной Византии помощи будет мало. Захват Иерусалима даст воинам креста идеальный плацдарм для того, чтобы в подходящий момент

[102] На самом деле Саладину не удалось захватить Крак де Шевалье, он посчитал его слишком хорошо укрепленным и снял осаду, чтобы заняться другими крепостями крестоносцев. Замок был захвачен войсками султана Баибарса обманным путем – с помощью подложного послания с приказом о сдаче.

обрушиться на императора-еретика и его советников, впустую мелющих языком.

Амбициозность ценится и среди вампиров. Могущественные старейшины контролируют информацию и ресурсы, поступающие как к смертным, так и к каинитам. Бессмертные, хорошо ориентирующиеся в политике, льнут к ушам высокопоставленных людей всех вероисповеданий. Наличие нужных связей зачастую проводит для персонажей грань между посмертием и Окончательной Смертью.

Местоположение города само по себе играет важную роль в общем положении вещей. Если использовать военные термины, европейские каиниты нуждаются в месте постоянной дислокации для атак на Ассамитов и Сетитов и считают, что Иерусалим превосходно подходит на эту роль. Важно также и влияние города на духовные сферы. Точно так же, как для людей, для вампиров Святой город представляет собой желанную добычу, и чисто символическую, и в политическом плане. Ключевое место в истории трех религий создает образ Иерусалима, успешно уравновешивающий вопиющую вульгарность Византии.

Что касается истории каинитов, для них Иерусалим стал важнейшим средоточием духовной мощи по иным причинам, касающимся исключительно вампиров. Говоря проще, на Ближнем Востоке располагался легендарный Первый город, родина Патриархов. Тот, в чьей власти окажется Иерусалим, получит великолепную возможность подчинить себе и весь ближневосточный регион, а с ним и первоисточник всей расы каинитов. Сама земля здесь дрожит от памяти о Третьем поколении, и это, в свою очередь, повышает ставки в сюжете любой хроники и толкает персонажей на отчаянные шаги.

Кроме того, из Иерусалима открывается дорога на неизведанный Восток, где, по слухам, Савлот обрел понимание Голконды. Хотя Тремеры из кожи вон лезут, чтобы опорочить потомков Савлота, многие каиниты все еще жаждут обрести некое подобие философии, которая бы примирила их с их существованием. Возможность отправиться на восток по следам Савлота и самим достичь Голконды воодушевляет множество вампиров на попытки закрепиться в Иерусалиме и уже оттуда контролировать путь на Восток.

Клаустрофобия

Орды верующих, приходящих в Иерусалим и обитающих в нем, прямо-таки распирают стены города изнутри. Добавьте к ним несколько группировок

предприимчивых каинитов, и вы получите вулкан на грани извержения. Даже несмотря на то, что вокруг предостаточно смертных, чтобы укрыться в их толпе, вампирам приходится прибегать ко всяческим ухищрениям, чтобы оставаться неузнанными. Вдобавок городская теснота и давка могут угнетать приезжих бессмертных, привыкших к относительно безлюдным деревням и сельским просторам Европы. Чрезмерная нагрузка на чувства может привести к потере контроля над собой и, как следствие, к впаданию в бешенство. Удержание собственного Зверя под контролем в самой гуще бурлящей атмосферы Иерусалима, от которой невозможно убежать, может привнести неожиданный поворот в сюжет вашей хроники.

Вера

Вампиры, по их собственному определению, – проклятые создания. Вере в их мире нет места – по крайней мере, в теории.

Но, разумеется, не все так просто. Каждый каинит когда-то был смертным, и не мог в одну ночь с легкостью отбросить прочь жизнь, наполненную молитвами, богослужениями и святыми чудесами. Новообращенные вампиры в попытке обуздать свою новую сущность пытаются примирить старое вероисповедание с простирающейся перед ними долгой борьбой с покоренным чудовищем внутри.

Тех, кто остался в лоне церкви, еженощно одолевают вопросы. Религия – вещь статичная, и ее законы и догмы едины для всех людей. Но как это касается вампиров? Каиниты, все еще пытающиеся существовать в согласии с Божьей заповедью, испытывают трудности даже с такими необходимыми вехами не-жизни, как питание. Закон Моисеев прямо запрещает пить кровь других созданий. Коран дозволяет правоверному мусульманину поглощать кровь только в случае крайней нужды, но никак не жаждать ее – а это уже противно природе вампиров. Что же касается христианства, Иисус завещал своим апостолам вкушать тело Его и пить кровь Его, чтобы спастись – а уж если можно питаться кровью Сына Божия, то почему бы не употреблять и кровь смертных, которые созданы Богом по своему образу и подобию?

Наконец, в умах множества вампиров все еще трепещет идея спасения. Всякий персонаж время от времени задумывается о своем месте во Вселенной. Некоторые каиниты верят, что их новая бытность есть не что иное, как испытание их веры. Другие задаются вопросом, а не поражены ли они проклятием вампиризма в назидание

остальному человечеству. Есть и те, кто считает, что они были избраны для достижения в своем новом Становлении некоей особой цели и стали кем-то вроде вестников конца света. Наконец, кое-кто просто оплакивает свою проклятую сущность, полагая себя навсегда отлученными от райских кущ.

Некоторые вампиры проникаются идеей обретения Голконды, принимая свою вампирическую натуру и пытаясь отыскать способ управления ее наиболее дикими порывами. Подобную философию благочестивые вампиры воспринимают с негодованием – ведь представление о Голконде отрицает и спасение в раю, и адские муки – и все же все большее число вампиров ищут более прозаическое объяснение своей природе и верят, что найдут ответы в Голконде. В любом случае, вера определяет и подстегивает действия персонажа, становясь существенной деталью в любой хронике.

Темы

XII столетие предлагает несколько тем, которые можно было бы использовать в игровой хронике. Общественный строй определяется положением в обществе и происхождением, то есть, одним словом, кровью. Осознание своего статуса полностью определяет помыслы и поступки каинитов точно так же, как смертных. Договоры, устроенные браки и прочие обмены услугами в кругах смертной знати находят отражение в кровавых клятвах и иных обетах верности у потомков Каина.

Реакции вампиров на столь извращенный политический этикет различны. Хотя могущественные старейшины не видят для себя никакой пользы в устроении браков, бывали случаи, когда договоры или союзы скреплялись обменом друг с другом ценными потомками. Уже это одно само по себе может стать проблемой, особенно если молодым вампирам претит оказаться сторгованными подобно скоту. С другой стороны, вампиры, не имеющие должного положения в обществе, могут последовать за ветром политических перемен. Трения между «своими» и «чужими» вполне могут перерасти в тайные интриги или открытый бунт, в корне меняющий политический ландшафт. Хроники, раскрывающие важность социального статуса, затрагивают все подобные моменты.

Богатой почвой для тем игры служит и наследие Каина. Для каинитов история не забывается, и события, случившиеся на заре времен, влияют на современную ситуацию ничуть не слабее, чем происшествия, случившиеся

накануне ночью. Все вампиры наследуют одинаковое кровавое проклятие, заложенное в самой их природе, но эта общность вовсе не определяет поведение конкретного индивидуума или котерии. Одна группа может оставаться верной наследию Праотца и принять свою судьбу, а других может вдохновить вера и надежда на спасение (или обретение Голконды), и они отрекутся от своей чудовищной сущности.

Конфликт

Чего-чего, а уж конфликтов в Иерусалиме множество – пожалуй, даже слишком много. Беспокойная атмосфера города подогревает полуночные войны каинитов, внушая им чрезмерную самоуверенность и безжалостность в своих поступках. Город превращается в настоящую пороховую бочку, и любое действие, направленное против врага, может высечь искру, за которой последует чудовищный взрыв.

Каиниты против каинитов

Подобно европейской знати, грызущейся друг с другом с целью увеличить собственные владения, князья и старейшины каинитов так же стремятся расширить свою власть над смертными жителями континента. Зачастую персонажи, разгуливающие по Иерусалиму, обнаруживают себя в самой гуще драки или под ударом врага, уютно устроившегося где-нибудь в Европе и отправившего по следам героя местных сторонников или слуг, чтобы те совершили месть. Каждый каинит Иерусалима имеет свои тайны, и эта загадочность может добавить новые краски к взаимоотношениям с возможным союзником или поставщиком информации. Служитель, предложивший персонажам доступ в шикарные охотничьи угодья, может планировать засаду. Собрат по крови, обеспечивший убежище, в ответ может потребовать от героев выполнить заведомо самоубийственное поручение. Убежища то и дело подвергаются нападениям группировок смертных, науськанных другими вампирами, а постоянное нарушение обетов верности может стать источником всевозможных конфликтов и уязвимостей персонажей.

Помимо этих уже известных опасностей, есть и другие. Например, Ассамиты представляют собой угрозу для представителей всех прочих кланов, неважно, местные они или приезжие. Обычай Сарацинов совершать над жертвой диаблери по вполне понятным причинам пугает членов других сект. Иерусалим и вообще Ближний Восток – это родная земля Ассамитов; члены этого клана знают

территорию намного лучше, чем пришлые крестоносцы. Конечно, местные вампиры страдают от рук и клыков Ассамитов больше остальных, но активный приток еще не освоившихся в регионе гостей с запада лишь воодушевляет старейшин клана, которые находят особое удовольствие, предвкушая, как они уничтожат пару-другую влиятельных неверных.

Каиниты против смертных

Несмотря на то, что до организованных действий Инквизиции еще несколько столетий, одно лишь присутствие в Иерусалиме толп людей порождает проблемы. Смертные, напичканные предрассудками и суевериями, могут знать о существовании вампиров, но это вовсе не означает, что любой человек, столкнувшийся с каинитом один на один, сожмется в комок от страха.

Обладание Святой землей подстегивает в смертных амбиции, которые вряд ли будут разрушены кучкой слабых, только что Обращенных вампиров. К 1197 году Второй и Третий крестовые походы, окончившиеся катастрофами, позволили мусульманам вернуть себе практически все, что у них отобрали европейские захватчики. Владения же крестоносцев уменьшились до изолированных, бесполезных форпостов, которым требуется постоянный приток ресурсов только для поддержания их в должном состоянии. Мощь европейских рыцарей начинает убывать, а их армии – распадаться. Воинами креста все крепче овладевает отчаяние, а отчаявшиеся люди совершают безрассудные поступки – а затем идут на еще большие безрассудства.

Несмотря на явное преимущество на стороне мусульман, об окончательной победе речи не идет. Каждая сторона знает, что противник, в случае необходимости, будет сражаться до последнего воина, поскольку обе уверены в том, что их цели и действия благословлены Господом. И мусульмане, и христиане часто занимаются шпионажем и саботажем в стане врага. Обе армии состоят из отлично тренированных воинов и профессиональных наемников, которые не задумываясь зарубят всякого, кто встанет у них на дороге, если, конечно, результат будет стоить того. Солдаты обеих сторон жестоко обходились с попадавшимися на пути каинитами, а при самом неудачном повороте местной политики их просто уничтожали.

Помимо военных угроз, новые враги появляются у вампиров и в результате разрастания религиозных конфликтов. Даже без крестовых походов, каждая из трех религий наплодила множество экстремистских сект, чье

понимание ситуации в Иерусалиме весьма узколобо. Большинство таких группировок охотно вышли бы на улицы, чтобы уничтожить всякого встречного язычника или еретика; если же они ненароком столкнутся с новообращенным дьявольским отродьем – тем лучше.

Однако же упадок политического влияния и чрезмерное рвение религиозных фанатиков вовсе не означает, что любого смертного можно превратить в бездумную пешку. Проявления Истинной Веры достигают в Иерусалиме почти что невообразимых высот, что доставляет неудобства любому каиниту, задумавшему организовать себе «живой щит» из смертных упырей.

Точки зрения

Во многом наше понимание Иерусалима эпохи крестовых походов происходит из христианского взгляда на произошедшие события. Эпическое повествование о самоотверженных, богобоязненных рыцарях, воздвигших над собою знамя Святого креста, храбро сражавшихся, но в конце концов потерпевших неудачу в деле освобождения Святого города от нашествия язычников-мусульман, мешает увидеть гораздо более масштабную картину эпохи.

Все события, происходившие в Иерусалиме, имеют три аспекта: их нужно рассматривать с точки зрения иудеев, христиан и мусульман. Приверженцы всех трех вероисповеданий на вполне законных основаниях были заинтересованы в участии в будущем города. Для стороннего наблюдателя их частные мотивы не всегда имели смысл, но от этого не становились менее реальными. Каиниты же, принадлежавшие к любой из трех религий, во многом разделяли мнения, образ мыслей и предубеждения своих смертных единоверцев.

Повествование о событиях в Иерусалиме тех времен требует, чтобы рассказчик и игроки помнили об этом многообразии точек зрения. Разумеется, мы не призываем культивировать в игре атмосферу вроде «живи и дай жить другим». Однако вам следует представлять в своей хронике различные точки зрения и делать это как можно более реалистично. Введение в игру персонажей – последователей разных религий, которые попытаются склонить котерию к иному образу мыслей (или, по крайней мере, показать им рациональное зерно в своих взглядах) поможет добавить новое измерение в отыгрыш героев, да и в хронику в целом.

Идеи для хроники

Однако хватит общих фраз. Про Иерусалим в эпоху Темных Веков можно поведать бесчисленное множество историй: от рассказов о кровавых завоеваниях и отмщении до повествований об истинной вере и спасении. Прочитав предыдущие разделы, вы получили некоторое представление о разнообразии тем, которых можно коснуться в иерусалимской хронике, а ниже мы приведем несколько конкретных идей.

Вход в Иерусалим

В случае, когда персонажи прибывают в Иерусалим откуда-то извне, хроника будет совершенно иной, чем если бы они изначально обитали в городе. Любой персонаж может найти повод побывать в Святом городе: это может быть торговля, исследования, паломничество, преследование какой-нибудь цели, свойственной исключительно каинитам, и так далее. Иными словами, причин для посещения Иерусалима, способных стать ключевым моментом хроники, может быть предостаточно. Ниже мы приведем некоторые из таких причин.

Паломничество

Герои хроники могут быть пилигримами, желающими посетить христианские святыни, пока не окончилось пятилетнее перемирие. Повествование такого рода может включать еще и полную опасностей дорогу в Святую землю. Для каинитов путешествие, например, по воде – по определению предприятие с непредсказуемым финалом, ведь генуэзские торговцы, перевозящие грузы для крестоносцев, могут и не оказаться порядочными людьми и заглянуть в какой-нибудь ящик. И наоборот, странствие по земле пролегает по суровой, враждебной территории, где полно недружелюбных смертных и каинитов. Попав в город, персонажи оказываются в паутине соперничающих сект и вероисповеданий, к которым принадлежат и люди, и вампиры. Бонифаций приглядывает за паломниками, но если нападению подверглись, например, набожные христиане Армянской церкви, он может и отвернуться. А что произойдет, если аль-Айн решит, что наступило время преподать урок заносчивым каинитам-христианам, которые явно пришли в город для того, чтобы пополнить ряды своих воинственных собратьев?

Но паломники не обязательно должны следовать учению Христа. Вампиры-мусульмане приходят в город, чтобы посетить Купол Скалы или мечеть аль-Акса или просто увидеть аль-Кудс, и сталкиваются с иными опасностями. Ни

Рустуччи, ни Лефрой не горят желанием встретить таких гостей с распростертыми объятиями, и группа каинитов, попавшая в переплет интересов двух этих могущественных и набожных вампиров-христиан, окажется между молотом и наковальней. С другой стороны, подобная ситуация может стать отличной возможностью…

Что же касается каинитов-иудеев, исполняющих древний обычай пасхального Седера[103], завершающегося ритуальной фразой «в следующем году в Иерусалиме»? Союзников в мире нежити у них немного, в основном это Каппадокийцы (у которых свои проблемы) и Носферату (занятых тем же, но при этом практически не имеющих власти в городе). Вопросы религии превращают обыкновенную задачу – найти себе приют под одной крышей со своими смертными единоверцами – в задачу трудную, по меньшей мере. Таким вампирам не к кому обратиться за помощью, и они остаются без всякой защиты перед махинациями своих проклятых собратьев, которые вряд ли разделяют их интересы.

Завоевание

К 1197 году статус Иерусалима окончательно не определен. Срок перемирия близится к концу, и обе стороны конфликта настолько переполнены предвкушением, что вполне можно ожидать нового крестового похода. Разумеется, у европейских кланов вампиров имеется свой интерес в этом деле; персонажи хроники могут быть, например, разведчиками клана Вентру, рыцарями-тамплиерами, ищущими способ ослабить возможных сверхъестественных противников перед тем, как двигать вперед своих смертных приспешников. А возможно, герои выполняют поручение клана Ласомбра, чьи старейшины есть по обе стороны христиано-мусульманского конфликта, и кто наверняка принимает разногласия религий близко к сердцу. Котерия может стать участником предварительного нападения, если их отправили уничтожить каинитов-*франж* до начала боевых действий, чтобы вконец ослабить противника еще до конца перемирия. Персонажи могут играть роль шпионов, желающих разузнать географию местности и сведения о городских каинитах – кто из них примкнет к той или иной фракции, если в регион придет война.

---

[103] Седер (ивр. «порядок») – традиционный ритуальный иудейский ужин, устраиваемый на Пасху, предваряется семейным чтением пасхальной Аггады. Ритуальная фраза «в следующем году в Иерусалиме» символизирует идею духовного несовершенства. Подразумевается, что завершившийся год иудеи встречают вне священного города, но надеются, что в следующем они попадут в возрожденный Иерусалим и станут свидетелями пришествия Мессии.

Возвращение

За многие столетия Иерусалим не раз подвергался разграблению и опустошению. Всякий раз, как завоеватели приходили с огнем и мечом, мудрые каиниты предпочитали покинуть город. Кто-то затерялся на пыльных страницах истории, другие нашли себе новое убежище, но были и те, кто в конце концов решил возвратиться домой. Теперь же стены города стоят более крепко, чем в прошлом, и вампиры, некогда обитавшие в городе царя Давида, возможно, прокладывают себе путь на родину. Увы, за воротами их ждут сюрпризы.

Иерусалим уже не тот, что был прежде. Знакомые улочки и вехи исчезли, убежища разрушены или заняты кем-то еще. В домах персонажей уже добрую сотню лет обитают пришлые, надменные каиниты, и им нет дела до безродных странников, которые, возможно, и были когда-то местными. Изменился сам дух Иерусалима и его смертных жителей. Как же герои справятся с задачей возвращения в город, такой чужой и такой знакомый одновременно? Что они предпримут для того, чтобы вновь сделать Иерусалим своим городом?

Торговцы

В Иерусалиме, можно сказать, переизбыток рынков; базары есть внутри городских стен и за ними, законные и нелегальные. На продажу выставляются что угодно, да и кто угодно тоже. Торгуют в основном смертные, но на всяком рынке найдется лавка, открывающаяся лишь после наступления темноты и обслуживающая только смелых посетителей. Возможно, персонажи торгуют вещами, которые можно продать лишь в темных проулках или безымянных лавчонках: ловкими руками, предсказанием судеб, дурманными порошками, упырями или смертными в качестве пищи. Наверняка в Святом городе найдется базар с таким товаром на прилавках. Однако же, найти рынок и уцелеть после того, как на тебя обратят внимание конкуренты – разные вещи.

Другой вариант: герои могут быть связаны с контрабандой, перевозя специи, золото, драгоценные камни и даже других каинитов. Вампиры Салюбри, например, используют Иерусалим как перевалочный пункт на своем пути к безопасности. И персонажи, разумеется, могут ввязаться в интригу, помогая нескольким оставшимся в мире Салюбри ускользнуть через Иерусалим – за определенную цену, конечно? И не навлекут ли они на свои головы гнев городских Тремеров?

Загадки

Иерусалим хранит множество тайн, известных лишь каинитам. Кто такой загадочный Мандалай, чья слава разнеслась далеко вокруг? Правдивы ли слухи о том, что в городе забил источник с кровью Патриарха? А Святой Грааль, Истинный Крест, Копье Лонгина и прочие святыни, возможно, все еще хранящиеся где-то в городе? К ним можно добавить и Черную Тору, которой владеет Абрахам. Что он сделает, если кто-то попытается ее украсть или потребует поделиться ее мудростью?

Бросаем жребий

Опасности Средневековья не стоят на месте.
Уильям Манчестер,
«Мир, освещенный лишь огнем» [104]

Иерусалим в большей или меньшей степени охарактеризовать с точки зрения военных действий. В тот или иной момент времени город подвергался нападениям, выдерживал осады и прорывы армий всех типов и религий, а его обитатели переживали оккупацию и резню. В 1197 году, однако, в Иерусалиме царит относительное спокойствие – довольно редкое в Средние века. Нервы на пределе, то и дело вспыхивают случайные стычки, но до полномасштабной войны пока что далеко.

В такой атмосфере в хронику легко добавить немного драки, бесчестной или происходящей по правилам. В Святой земле чужая жизнь, как и не-жизнь, стоит дешево. И, по правде говоря, прорубить себе дорогу мечом сквозь тело противника легче легкого.

Тем не менее, далеко таким способом персонажи не продвинутся. В городе, где люди обитают буквально друг у друга на головах, скрыть что-либо трудно. Даже в самые темные ночные часы найдется пара глаз, наблюдающих за тем, что происходит в черте городских стен. Раньше или позже насильственный подход к решению проблем бумерангом ударит по персонажу. Вампиры – настоящие мастера интриг и балансирования на грани, и политика в Иерусалиме эпохи Темных Веков поощряет героев к заключению всевозможных сделок, договоров, перемирий, махинациям и предательствам. Вызов для Сородичей состоит в том, чтобы провести свой домен сквозь бушующее море людских толп, не придавая событиям импульс, после которого бы их развитие стало неуправляемым.

Это не означает, конечно, что иерусалимская хроника *вообще* не должна включать в себя драки. Иногда вам придется доводить ваше мнение до собеседника врукопашную. Однако хрупкое равновесие сил и стремлений в Иерусалиме требует более тонкого подхода. Тщательно выверенные действия идут лишь на пользу хронике.

---

[104] Уильям Рэймонд Манчестер (1922 – 2004) – американский писатель, историк и биограф. «Мир, освещенный лишь огнем» (1992) – исследование европейской истории, охватывающее период от пика расцвета Римской империи до эпохи Возрождения.

Знания

Среди вампиров Иерусалима встречаются знаменитые личности, выдающиеся представители рода Каина. Разве Тореадор, искусный в строительстве соборов, не пожелал бы учиться у Элша? Абрахам уже имеет одного ученика, так не захочет ли он принять другого? Возможно, слава Енномской долины разошлась далеко за пределы Святой земли, и прокаженные из всех уголков мира теперь ищут в ней приюта. Вариантов может быть множество.

Внутри городских стен

Существует, однако, вероятность и того, что персонажи изначально обитали в Иерусалиме, наблюдая за приезжими и избегая интриг своих старейшин. В этом случае город в корне изменяет сюжет и тип историй. Персонажи могут попытаться взойти по иерархической лестнице города, открывая все новые тайны и отталкивая более слабых конкурентов.

Круги на воде

Все поступки персонажей имеют свои последствия. В Иерусалиме же результаты действий могут совершенно не соответствовать своей первопричине. Приведем пример.

Группа Тремеров с помощью Доминирования подчиняет себе мелкого священнослужителя, чтобы превратить его ничем не примечательную часовню в свою капеллу, и тут вампиры обнаруживают, что в церквушке хранятся некие ценные христианские святыни, которым регулярно поклоняются благочестивые обитатели города. Одним из таких прихожан оказывается старейшина Вентру, которого охватывает гнев при виде кощунства, сотворенного бандой наглых юнцов. Этот старейшина призывает на помощь нескольких союзников, и становится должен им за участие в своем плане по выдворению из города властных узурпаторов. Последующий скандал привлечет внимание шпионов Ассамитов, а те охотно доложат своим хозяевам, что в стане неверных в Христианском квартале разлад и междоусобица, и момент явно подходит для внезапного удара…

Действие и противодействие в таких ситуациях не уравновешивают друг друга, их размах растет экспоненциально; этому способствуют даже изолированные кварталы города. Личные качества и свободное место пользуются спросом, и те персонажи, кто вознамерился прорубить себе широкую дорогу сквозь весь регион, наплевав на возможные последствия, неизбежно пожнут плоды своего безрассудного поведения…

Стремление к власти

Несмотря на то, что в Иерусалиме чрезвычайно много каинитов, властная структура сообщества вампиров находится в беспрестанном движении. Старые вампиры исчезают, молодые прибывают, кланы переживают раскол по религиозным или политическим мотивам, а наиболее могущественные каиниты настолько глубоко погружены в свои воспоминания или исследования, что светская власть ускользает из их рук. Другими словами, для целеустремленной группы молодых вампиров прокладывание себе дороги к могуществу может оказаться задачей трудной, но отнюдь не невыполнимой. Попытки достичь высокого положения с помощью грубой силы, скорее всего, потерпят неудачу, но паутина из взаимных услуг, союзов и предательств, соткавшаяся в Иерусалиме за столетия, предлагает некоторые возможности. За добрый поступок по отношению к кому-то из больных проказой подопечных Котара можно получить от него сведения о слабостях Рустуччи – а Ласомбра готовы пойти на все, чтобы о них не болтали на каждом углу; а вот, например, Этерия *всегда* готова оказать помощь – за свою цену, разумеется…

Город под городом

Но, возможно, политические дрязги Иерусалима на поверхности – это еще не все. Город стар, и его нынешние дома построены поверх старых развалин. Катакомбы, образовавшиеся под Храмовой горой, так и манят к себе – кто знает, что за тайны скрываются там веками? А что таится в древних городах, которые когда-то стояли на месте Иерусалима? Если исследовать пространство под городом, какие сокровища можно обнаружить – древних вампиров, погруженных в оцепенение, или напоминания о каинитах, блуждающих по улицам на поверхности? Найдутся там и более мирские ценности. Элш наверняка заплатит кругленькую сумму за какой-нибудь обломок его прошлых творений, а Хабиба будет рада заполучить убедительное доказательство причастности Этерии к началу крестовых походов. А отыскать что-нибудь в этом роде можно лишь глубоко во тьме, куда даже мудрейшие из каинитов обычно опасаются заходить.

Защитники города

Иерусалим, можно сказать, битком набит каинитами. Для вновь прибывающих вампиров просто не найдется места. Придерживаясь этого мнения, персонажи могут стремиться к уменьшению потока иммигрантов, приходящих в город. Возможно, они попытаются сбить волну христианских паломников, направляющихся в Иерусалим из

Европы – но это будет означать окончание мира и убедит мусульманских властителей раз и навсегда запереть ворота города для гостей с запада. Разумеется, такую задачу будет непросто выполнить, ведь есть каиниты, уже пристроившиеся в окружение наследников Салах-ад-дина, и они вряд ли по-доброму отнесутся к соперникам.

Кроме того, есть вероятность, что герои пожелают изгнать из города вполне определенную группировку: рыцарей-тамплиеров, госпитальеров, генуэзских торговцев, иудеев-караимов, Ассамитов или кого-либо еще. У каждой группировки найдутся и сторонники, и враги – вполне возможно, неожиданные. Например, попытка очистить долину прокаженных от ее заразных обитателей может стать более сложной задачей, чем это кажется, если Котар решит стребовать ответные услуги со своих должников или прибегнет к своим тайным умениям. Если кто-нибудь попробует избавиться от только что основанной капеллы Тремеров, он получит поддержку весьма странной компании Бруха и Малкавианов, каждый из которых имеет отношение к странноприимным домам.

Приложение

Ссылки и книги по теме, рекомендуемые для прочтения

О самом Иерусалиме, о религиях и сообществах, ставших основой его истории, можно найти массу информации. Ее гораздо больше, чем времени, которое любой рассказчик, еще не выживший из ума, готов потратить на чтение, но лишь малую часть из всего этого богатства стоит обдумать и вплести в свою игру. Для тех рассказчиков и игроков, кто желает придать игре большую глубину, чем способна дать эта книга, рекомендуем обратиться к приведенным ниже книгам, из которых можно извлечь массу полезной информации.

Альтер Роберт «Искусство библейского повествования»

Альтер Роберт «Искусство библейской поэзии»

Армстронг Карен «Иерусалим: Один город, три религии»

Асали Камил Джамил «Иерусалим в истории: от 3000 года до н.э. до наших дней»

Брайт Джон «История Израиля»

Мирча Элиаде «Священные тексты народов мира»

Эспозито Джон «Ислам: прямой путь»

Фишер Сидни, Оксенвальд Уильям «Ближний восток: история»

Геллнер Эрнест «Мусульманское общество»

Гиль Моше «История Палестины»

Гойтейн Шломо Дов «Евреи и Арабы: их связи на протяжении веков»

Хефнер Роберт «Обращение в христианство: Исторические и антропологические перспективы великой трансформации»

Льюис Бернард «Евреи ислама»

Лайонс Малькольм, Д.Э.П. Джексон «Саладин: Политика Священной войны»

Маалуф Амин «Крестовые походы глазами арабов»

Моисей Маймонид «Путеводитель растерянных (колеблющихся)»

Маршалл Кристофер «Военное дело на Ближнем востоке в 1192 – 1291 гг.»

Библия (Оксфорское издание)

Фрэнсис Эдвардс Питерс «Иерусалим: Святой город глазами хронистов, посетителей, паломников и пророков от времен Авраама до начала Нового времени»

Коран (современный перевод) (в переводе на англ. Ахмеда Али)

Фазлур Рахман «Ислам»

Сандерс Джон Джозеф «История средневекового ислама»

Гершом Шолем «О каббале и ее символах»

Стиллман Норман Артур "Евреи арабских земель: история и сведения"

Архив всех скачанных книг доступен по ссылке:
архив_доступных_книг